АЗБУКА ВЕРЫ

Дмитрий Михайлович Володихин

Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок

Художественная литература · azbyka.ru

Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/czar-fedor-alekseevich-ili-bednyj-otrok

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок

Дмитрий Михайлович Володихин

Личность третьего русского царя из династии Романовых нечасто привлекала к себе внимание историков. Царь Федор Алексеевич (1676—1682) взошел на трон в возрасте четырнадцати лет, а умер, не дожив до двадцати одного года. При этом большую часть своего недолгого правления он проболел (еще в отроческом возрасте царевич получил тяжелую травму позвоночника). Наследника по себе он не оставил, а смерть его была ознаменована страшным стрелецким восстанием, в результате которого власть в стране взяла его сестра царевна Софья. Но вот что удивительно: за шесть лет его царствования было сделано очень многое: уничтожено местничество, начались важнейшие реформы в области образования и культуры. Россия жизненно нуждалась в переменах, и царь отчетливо понимал это, начиная «мягкую», постепенную европеизацию страны. Как показывает автор книги, известный историк Дмитрий Володихин, это была реальная альтернатива оглушительной, страшной, «костоломной» европеизации России, проведенной впоследствии младшим братом Федора Петром Великим. Кто знает, проживи Федор Алексеевич подольше — и страна избежала бы одной из тяжелейших страниц в своей истории.

«Перед Богом наш долг… оставить богатую Россию»

Кто таков царь Федор Алексеевич?

До недавних пор никто не знал его, не думал о нем.

Разве только профессиональные историки, изучавшие XVII век…

Да, в академической литературе о государе Федоре Алексеевиче идут бурные дискуссии. Как минимум пять хороших книг были посвящены его судьбе, и написаны они большими мастерами. А статьям о времени его правления — реформах, войнах, культуре и экономике — счету нет.

Но.

Много ли у нас образованных людей, столь сильно интересующихся русской историей, чтобы всерьез осваивать научную литературу по царствованию Федора Алексеевича? Ох, вряд ли. А что биография и державные деяния этого монарха, третьего в династии Романовых, долгое время оставались на периферии общественного сознания — несомненный факт. Притом факт легко объяснимый.

До него Россией 31 год правил отец — государь Алексей Михайлович, «Тишайший». Незаурядная историческая личность, человек великий во зле и добре. После Федора Алексеевича семь лет держала страну в кулаке царевна Софья — еще одна яркая персона: волевая, страстная, умная, преступная в своих упованиях… Тем, кого манит тьма, нетрудно очароваться этой фигурой. Ну а после нее грянул Петр — реформатор и воин, «чертушка», зубодер, бомбардир, сыноубийца и создатель града на Неве. Его царствование — бездонный колодец, в который наше общество заглядывает вот уже три века, но всё никак не может насмотреться. Что ж Федор Алексеевич? Царствовал шесть лет, из них немалое время жестоко

хворал, ни разу не выезжал на поле брани, не устраивал заговоров и переворотов, не драл зубов и не возводил Северную Пальмиру. На первый взгляд — тихо жил, мирно ушел. Его бы именовать «Тишайшим», а не кряжистого батюшку. Да Федора Алексеевича так иногда и называли, просто впоследствии это прозвище закрепилось за одним Алексеем Михайловичем.

Царь Федор Алексеевич как будто зажат в историческом времени меж крупными историческими личностями, он словно бы долина, обрамленная скалами. Он почти незаметен. Кто заинтересуется им из одних только досужих соображений? Что за эмоции вызывал у образованных русских людей этот государь — пробел между великими страстями и великими преобразованиями? Если его биография и питала какое-то чувство, то — чувство жалости. Бедный отрок! Несчастный юноша, рано взваливший на себя бремя государственных дел, измученный болезнями, скоро ушедший из жизни. Жалко его? Жалко. Бедный, бедный отрок, существо, достойное сопереживания, — выглядит почти случайным человеком на троне Московского царства…

А это *никому не интересно,* не так ли? Надо смотреть правде в глаза: всеобщее внимание привлекают те исторические личности, которые ассоциируются с военным громом, бурями интриг, страшными изломами в судьбах народов, со славою и величием. Для заморыша на престоле достаточно печального вздоха: «Милый! Бедный!» — и скоро перевернутой страницы в книге судеб.

Вот из-за чего споры ученых людей о царе Федоре III вечно оставались вне фокуса общественного внимания.

Но только до поры до времени.

В 2011 году на телеэкраны вышел сериал «Раскол». Его ставил режиссер Николай Досталь. Михаил Кураев писал к нему сценарий, широко используя книги Владислава Бахревского — знаменитого исторического романиста. Царевич Феденька появляется в одной серии, в другой, в третьей… но его почти не видно. И вдруг он становится ключевой фигурой. Вся заключительная серия в сюжетном смысле вертится вокруг него. Никон и Аввакум отступают на второй план. Российские зрители с удивлением вглядываются в незнакомого персонажа собственной истории. Как интересно, как неожиданно! «Отчего раньше мы не знали, что Федор Алексеевич — столь значительная персона? Каков! Сколько образованности, сколько воли! Жаль, что правил так мало, достоин большего!»

И точно: из юного царя удалось слепить необыкновенно яркий образ. Государь-философ, сыплющий латинскими изречениями, выученик великого просветителя. Юноша, стараниями наставника отдаленный от жирной русской почвы и запущенный в небеса сухого морозного разума, а потом уже и сам, собственной волей удаляющийся от московской старины. Да едва ли не государь-интеллигент! Как минимум — мечта интеллигентного человека. Федор Алексеевич вечно думает о благе России, говорит о ней, мучается ее болями, счастлив ее успехами. Он ничего не ищет для себя, ничего не желает приобрести, но лишь исполняет долг. Он будто и не имеет собственных интересов. Даже краткие разговоры с женой — Марфой Апраксиной — наполнены обсуждениями правительских дел. И с братом Петром государь беседует наставительно, словно подсказывает мальчику, как вести себя, когда наступит его черед царствовать: «Перед Богом наш долг, Петруша, оставить богатую Россию». Слабое тело монарха — он едва ходит! — не препятствует сильному духу парить высоко. Царь торопится вздыбить страну, ускорить ее развитие, приобрести всё то важное, что можно взять у иноземцев, и поправить всё то скверное, что исстари устроено без ума.

Вот уж не «долина» и не «пробел»! Нет, совсем не то. Досталь показывает Федора Алексеевича

своего рода… «стрелочником». Государь перекладывает железнодорожную стрелку перед медленно идущим сверхдлинным составом «Россия», и страна, перейдя на другой путь, постепенно ускоряет ход. Он, а не Петр, — первый, кто открыл для России этот маршрут. Он, а не Петр! Младший брат Петр Алексеевич лишь продолжит дело брата старшего.

Наследник царя Алексея Михайловича, Федор Алексеевич, более отца склонен перенимать обычаи у Европы, более гуманен. Однако он все еще шатается умом, то собираясь простить Никона, а заодно Аввакума и прочих «пустозерских сидельцев», то отказываясь от прощения, несовместимого, по мнению вельмож, с державными интересами, то вновь проявляя милосердие… А в финале сериала является царевич Петр во главе марширующих солдат, и фигура бойкого мальчика подана как живой символ: из муки дурных повторений, из трагедии раскола выход может быть только в постепенном движении к Европе, к слиянию с ней, к принятию европейского гуманизма. Царь Федор как бы многое понял первым, он и передал царю Петру эстафету своего понимания. Пусть и не успел перевернуть Россию собственной волей, но все-таки заложил основу для подобного переворота.

Жалеть такого персонажа, как Федор Алексеевич в «Расколе», — немыслимо. Тут уместна иная позиция. Либо восхищаться им как предтечей великих реформ, вбросивших Россию в Европу, либо отнестись к нему со скепсисом — куда спешишь, царь-торопыга? Но уж точно Федор Алексеевич Досталя и Кураева — никак не «бедный отрок».

Такой образ исторического деятеля диктует и другое отношение к нему, и намного большее, чем прежде, внимание.

Правы ли создатели сериала «Раскол», нарисовавшие нового Федора Алексеевича? Не ближе ли к правде факта прежний образ — несчастного юноши? Или, быть может, и первое, и второе неверно, а истина осталась в стороне, до нее еще не добрались?

Непростой вопрос…

Вдумаемся: что такое сериал «Раскол»? Какое мировидение он представляет?

Русская культура с позапрошлого столетия расколота на идейные лагеря. Они без конца борются между собой, оспаривая истины друг друга то политическими, то художественными средствами. Иногда рождаются новые их направления, течения, движения, порой исчезают старые, но общему противостоянию несть конца. Как начали первые славянофилы и первые западники, так по сию пору и бушуют военные действия — то утихая, то разгораясь с новой силой. И «понимающий человек» всегда скажет, под чьими знаменами стоит тот или иной писатель, художник, философ, историк или кинематографист. Почвенник он, западник или же большевик.

Николай Досталь и Михаил Кураев — ярко выраженные западники, либералы, прогрессисты. Их мировидение на 100 процентов определило идейную заряженность «Раскола».

Немногие из современных российских писателей столь же последовательно придерживаются либерального выбора, как Михаил Кураев. Тексты его в большинстве случаев представляют собой литературное свидетельство о преступлениях власти и о мужестве тех, кто сохранял человеческое достоинство, оказавшись под начальственным прессом. Поэтому, с одной стороны, писатель рисует неестественную беспредельность власти, ее калечащее души, истончающее совесть воздействие на людей, а с другой — представляет читателям интеллигентность или, иначе, нравственную твердость как главный оплот сопротивления этой «дистрофии совести»: «"Субстанция" интеллигентности — это и есть нравственное сознание,

независимое от родовитости и безродности, от выручки в лавке, от котировки ваучера, больного зуба, прихоти тирана, прокурора, самодержца, генсека и президента, независимое даже от количества снарядов, выпущенных по тебе сегодня».

То же самое видно и в «Расколе».

Вроде бы во главе страны стоит «добрый царь». Алексей Михайлович — милостивец и «молитвенник». Но Россия устроена не по-европейски, она вообще иноземного не приемлет, и если обнаруживается хотя бы след «фряжского письма» в иконописи, тот же Никон выжигает его каленым железом. Русское устройство власти — неограниченное самодержавие. Власть сконцентрирована на самом верху. И сколь благородными ни были бы устремления первого человека в стране, все равно, именно благодаря полному отсутствию ограничений, он имеет шанс погубить наилучшие планы привычными методами их реализации. Такая организация власти, настойчиво показывает Кураев, порочна в принципе. Алексей Михайлович вроде бы понимает: мало одной власти, чтобы изменить жизнь к лучшему, нужен Господь, нужен «…подвиг душевный и любовь». А все же и он колеблется между «пойдем, голубушка, помолимся» и «пороть буду!». Что ж говорить о его служильцах? На низу всё проще, грубее. Дурна не реформа Никона. Дурно то, что общественный уклад России ставит знак равенства между ее осуществлением и приведением несогласных к покорности начальству — такова ясно выраженная точка зрения автора сценария. Если вглядеться в самую суть мировидения российской власти, то там — корысть и стремление сохранить собственный, ничем не ограниченный деспотизм. Аввакум презрительно бросает одному из ее представителей: «Как же вы себя любите, антихристово семя!» Фраза эта моментально уносит зрителей в XX век, а то и в XXI. Всё те же проблемы, всё те же образы, что интересовали рафинированного интеллигента и «западника» Кураева в его творчестве, прежде не выходившем за пределы советской эпохи. Всё то же! Опять — жестокая власть, модернизирующая общество, ни в грош не ставя при этом отдельного человека, мучая его, относясь к нему безжалостно. Опять пустыня тирании. Опять отгораживание России от Запада, страстно нелюбимое Кураевым. Собственно, мы видим русский мир как муку «дурных повторений». Как ни парадоксально, а получается, что у Досталя и Кураева семнадцатый век — повтор двадцатого!

Вот и выходит: не таков кинематографический Федор Алексеевич, каким сделало его родное XVII столетие, а таков, каким приказало его подать наше время. Исторической правды в образе «царя-философа» немного.

Но всё же этот монарх стјит самого внимательного отношения со стороны образованного класса России. Правда, по другим причинам. Не как опередивший Петра монарх-западник, нет. И не как правитель, сознательно отказавшийся от почвы, которая его вырастила.

Скорее, как *русский государь, примиривший в себе родную почву и тягу к Европе.* А ведь это — исключительно редкое для нашей истории качество! Русский из русских, православный из православных, он спокойно брал от европейцев то, что могло оказаться полезным для страны. В то же время он не ставил народ, культуру и Церковь в подчиненное по отношению к европейским порядкам положение. Федор Алексеевич вмещал в себе две разные правды, два пути развития, притом вмещал их, не ссоря, не противопоставляя один другому. Гармония идей, свойственная внутреннему миру этого монарха, никак не ограничивала его энергичной натуры в практических действиях. При всем физическом нездоровье Федор Алексеевич проявил себя весьма деятельным и жестким политиком.

Трагическая фигура!

Умер на взлете…

Знакомясь с его судьбой, впору подумать об одной исторической альтернативе. Если бы Федор Алексеевич прожил подольше, возможно, наша страна избежала бы оглушительной, страшной, костоломной европеизации Петра Великого. Исторические процессы делали сближение с Европой неизбежным. Так или иначе нам не удалось бы от этого уйти. Но, как знать, не предложило бы долгое царствование Федора Алексеевича иного варианта европеизации — более мягкого, более щадящего, избавляющего нашу страну от культурного раскола между «верхами» и «низами»?

Именно долгое царствование, а не жалкие шесть лет, как случилось в исторической действительности…

Всмотритесь в фигуру «бедного отрока». Всмотритесь в его мечты, в его деяния. Россия многое приобрела при Петре Великом, но многое и потеряла. Наверное, был у нас вариант пройти по той дороге с меньшими потерями. Не торопясь. Не впадая в неистовство. Не обманывая себя прекрасными миражами. Но мы его потеряли.

Почему? Отчего Бог не дал нам пути удобного и легкого?

Возможно, великие ошибки хороши тем, что учат не повторять их. А утраченные возможности хороши тем, что когда-нибудь они возникают снова… И хорошо бы их не упустить во второй раз!

Всмотритесь внимательно.

В толпе сестер и братьев

Царевич Федор Алексеевич родился в очень большой и очень счастливой семье… жившей на пороховой бочке.

Его отец, государь московский и всея Руси Алексей Михайлович, ко времени рождения очередного ребенка правил Россией 16 лет. Он получил под державную руку государство, которое трясло и лихорадило. С юга подступали крымские татары. Их едва сдерживали при помощи укрепленных линий и больших армий, каждый год посылаемых на степную окраину царства. С 1654 года, то усиливаясь, то затухая, шла война с Речью Посполитой за Украину, и ей конца-краю не было видно. Еще одна война прокатилась по русско-шведской границе. Патриарх Никон начал радикальную церковную реформу, но далеко не весь православный люд поддержал это начинание. Произошел раскол Русской церкви.

Из Великой смуты начала столетия Россия вышла до крайности ослабленной, разоренной, потерявшей громадные территории. Немыслимое множество сел и деревень исчезло с карты. Богатые пахотные области не обрабатывались. Города оскудели купцами и ремесленным людом. А чтобы удержаться на краю новой военной катастрофы, собрать войско и, в перспективе, отвоевать потерянные земли, правительству приходилось с кровью выжимать из подданных необходимые средства. Налоги, возложенные на посадское население, росли. Купцы обязаны были отрываться от своей торговли для работы на государство — в кабаках, на таможне, при разного рода казенных предприятиях. Торгово-ремесленный люд нищал и разорялся. Отсюда — постоянное напряжение в обществе.

Что ж, где тонко, там и рвется…

В больших городах то и дело вспыхивали восстания. Время от времени волнения происходили в самой столице.

В 1648—1650 годах волна бунтов прокатилась по главным городским центрам России. Они потрясли государство до основания.

Злоупотребления приказных людей и особенно введение грабительского налога на соль вызвали волнения столичного посада. 1 июля 1648 года московские посадские люди[1], оттеснив охрану государевой кареты, передали царю челобитную с жалобами на особенно нелюбимых «приказных» — чиновников. Алексей Михайлович выслушал и, не объявляя своего решения, отправился дальше. Однако государев поезд задержался, и на этом месте началась драка. На следующий день правительство начало с посадом переговоры, но высокомерный тон аристократов, выдвинутых в качестве переговорщиков, только озлобил народ. На третий день столица бушевала. Восставшие громили дворы «сильных людей», прежде всего чиновников-взяточников. Кое-кого из них правительство выдало на расправу, до других бунтовщики добрались сами, казнив их страшной смертью. Хуже всего было то, что мятеж никак не стихал. Бунтовское пламя пылало в Москве на протяжении многих дней. И даже уговоры духовенства — вплоть до патриарха Иосифа — не возымели действия. На стрелецкие полки в деле подавления мятежа положиться было нельзя: многие стрельцы, недовольные худой выплатой жалованья, сами оказались среди восставших.

Волнения в Москве стали утихать только после раздачи денег стрельцам и значительных уступок правительства. Главные приказные лихоимцы, уцелевшие во время буйства мятежных толп, оказались смещены с должностей. Более того, восставшим обещали привести в порядок законы и смягчить судопроизводство по задолженностям перед казной.

Эхом «Соляного бунта» по большим русским городам громыхнули мятежи и беспорядки.

В 1649 году был введен в действие крупнейший законодательный памятник всего русского Средневековья. Этот сборник законов вошел в историю под названием «Соборное уложение». Он стал ответом российского правительства на бунты 1640-х годов и предназначался для стабилизации общества. Там содержались серьезные уступки дворянам и особенно посадским людям. Но вводились и жесточайшие меры против любых мятежников. Вот текст знаменитой 21-й статьи из главы «О государьской чести»: «А кто учнет к царьскому величеству, или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городех и в полкех на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити, или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то… казнити смертию безо всякия пощады»[2]. Очень хорошо видно, каких бед мог ожидать государь московский и сколь сильная напряженность царила в русском обществе середины XVII столетия.

Русское правительство как будто предчувствовало разинщину. Во всяком случае, оно заранее предупреждало: «скоп и заговор» подавлять будут немилосердно.

«Соборное уложение» несколько успокоило городской посад. Но всех проблем оно не устранило. Так, в 1662 году финансовая афера правительства, выпустившего медные деньги, но собиравшего налоги и подати серебром, вызвала устрашающий Медный бунт. Разъяренная толпа москвичей могла расправиться с самим государем! Мятежников рубили беспощадно… «Реформу» же пришлось отменить, медные деньги впоследствии собирали, расплавляли и переливали. Однако на окраинах государства оставалось неспокойно.

Царскую семью тщательно охраняли. Детей государя старались не водить на людные сборища, где они могли соприкоснуться с толпой и подвергнуться опасности. Они жили замкнуто и имели крайне мало возможностей столкнуться с другими мальчиками и девочками, помимо тщательно отобранных дворянских отпрысков.

Грозный опыт Смутного времени подсказывал: следует заранее оберегать семью государя от покушения. А потому в русское законодательство вошли поистине драконовские статьи, оберегавшие покой монаршего семейства. Вот, например: «А будет кто при государе вымет на кого какое ни буди оружье, а не ранит, и не убиет, и того казнити, отсечь руку… А будет кто в государеве дворе, и не при государе, на кого оружие вымет, а не ранит, и того посадити на три месяцы в тюрьму… Тако же царского величества во дворе на Москве, или где изволит царское величество во объезде быти, и ис пищалей и из луков, и из иного ни ис какова оружья никому без государева указу не стреляти, а с таким оружьем в государеве дворе не ходити. А будет кто в государеве дворе на Москве, или в объезде кого ранит, или кого убиет до смерти, и того казнити смертью же… А будет кто на государеве дворе, на Москве, и в объезде, учнет ходити с пищальми и с луками, хотя и не для стрельбы, и ис того оружья никого не ранит и не убиет, и тем за ту вину учинити наказание: бити батоги и вкинута на неделю в тюрьму»[3].

На долю государя Алексея Михайловича выпало неисчислимое множество испытаний. С чем-то он справился достойно, где-то обстоятельства вынудили его отступить, но, главное, всё его правление проходило как будто на пороховой бочке с зажженной свечкой в руках. Взрыв, наподобие Великой смуты начала XVII столетия, мог грянуть в любой момент. Россия то и дело подходила к нему вплотную. Иной раз клокочущую стихию едва удавалось сдержать в берегах.

Грозный бунташный век то и дело пробовал самого царя и его правительство на прочность. Быть может, за все эти страхи, заботы и тревоги дал Бог Алексею Михайловичу утешение в семейных делах. Отворотясь от тягот монаршего служения, царь имел возможность отдохнуть в тепле и уюте семейной жизни.

Алексей Михайлович был счастливо женат на красавице Марии Ильиничне Милославской. Свадьбу сыграли в январе 1648 года. Радость, которую принесла молодая жена своему супругу, скрасила ему ужас большого московского бунта, случившегося несколько месяцев спустя.

Царица Мария происходила из дворянского рода, не блиставшего особенной знатностью. Она была на пять лет старше мужа, но между супругами царили мир и любовь. Алексею Михайловичу досталась чудесная спутница жизни. Кроткая, богомольная, нищелюбивая, заботливая мать, она превосходно соответствовала характеру самого царя. Больше двадцати лет горел огонь в очаге их брака. За это время у счастливой пары родилось 13 детей. Мария Ильинична, как говаривали в старину, явилась «лозой многоплодной». Она и скончалась-то в родах, едва успев произвести на свет последнее свое дитя…

Царевич Федор стал девятым ребенком царицы Марии.

Он появился на свет 30 мая 1661 года. А месяц спустя его крестили в честь Феодора Стратилата — древнего святого, весьма почитаемого русской знатью[4].

К тому времени из детей Алексея Михайловича и Марии Ильиничны оставались в живых шестеро: царевны Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария и царевич Алексей. В будущем у царя с царицей еще появятся два сына — Симеон и Иван, а также две дочери: Феодосия и Евдокия.

Федору Алексеевичу досталось по преимуществу «девчачье» окружение. В девичьих светелках государевой семьи с многочисленными сестрами царевича соседствовали еще не старые тетки. Они появились от брака дедушки царевича Федора — государя Михаила Федоровича — с Евдокией Стрешневой. К моменту рождения Федора в живых оставались Ирина Михайловна — старшая во всем царскому роду, Анна Михайловна и Татьяна Михайловна. Замуж их не отдавали, в монастырь они не шли. Царевнам, рождавшимся у первых Романовых, вообще не

торопились искать женихов. Вероятно, опасались умножить потенциальных наследников престола: как бы не произошло из этого новой смуты! Но и обид им не чинили, и в монастырь насильственным образом не запирали. Алексей Михайлович относился к сестрам с почтением, он и детям своим, надо полагать, прививал это.

С Татьяной Михайловной, пусть она и была старше Федора на четверть века, у него сложились добрые отношения. От нее молодой царевич, а потом царь видел добрый совет и христианское наставление. Татьяна Михайловна отличалась крепким благочестием, пользовалась репутацией весьма разумной женщины, имела обыкновение нежно заботиться о своей родне. Одним словом, золото, а не тетка. От нее Федор Алексеевич получил самый доброжелательный отзыв об «отставном» патриархе Никоне. Позднее этот отзыв сыграет в судьбе святейшего, да и в судьбе его дела очень важную роль.

Ирина Михайловна не любила жить во дворце, покровительствовала старообрядцам и, кажется, не оставила в жизни племянника сколько-нибудь заметного следа. Об Анне Михайловне вообще известно очень мало. Она, кажется, имела склонность к монашеству и кончила дни свои в иноческом чине.

Из сестер Федора Алексеевича известнее прочих Софья — человек умный, волевой, крепко верующий и вместе с тем бешено честолюбивый. Она получила хорошее образование — наравне с царскими сыновьями. Ей еще предстоит на протяжении семи лет править Россией. Похоже, Софья нашла общий язык с самой деятельной из теток царевича Федора — Татьяной Михайловной.

Царевен Евдокию и Марфу политика не интересовала, они, тихони, ни во что не вмешивались. В преклонном уже возрасте Марфа решилась поддержать Софью в ее борьбе за верховную власть и… поплатилась пострижением в инокини.

Царевны Екатерина и Мария, красавицы и щеголихи, тешили себя иноземными нарядами. С первой из них связывают строительство «Нового» собора в Донском монастыре. Со второй — поддержку царевича Алексея, сына Петра I, против его отца.

Царевна Феодосия больше всего любила Бога и тянулась душою в монастырь.

Разные по складу характера, тоскующие по замужеству, любящие отца и братьев, дочери Марии Милославской составляли пеструю горластую стайку, повсюду и везде оказывавшуюся рядом с мальчиком.

Детство Федора Алексеевича было счастливым. Его наполняли шум, гам, веселые игры с братиком и сестренками.

Зимой — катались на санях, шли смотреть кулачные бои или звериную травлю на москворецком льду. Однажды Алексей Михайлович повелел на Масленицу устроить «…травлю, в которой боролись между собой громадные английские и других пород собаки с белыми медведями из страны самоедов»[5]. По вечерам в темное зимнее небо летели «потешные огни» — фейерверки, заведенные специально для услаждения монаршей семьи.

«Дядьки», приглядывавшие за государевыми сыновьями, старались сочетать подвижные забавы с занятиями, развивающими ум: «Дети ежедневно в определенные часы упражняются в разных играх, либо в езде верхом, конечно, по загороженному двору, либо в стрельбе из лука. Зимою им устраивают деревянные горы и посыпают их снегом; с них они быстро, но плавно скатываются на санях или в лубочных корытцах, палкою направляя их… В так называемые

шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно и очень искусно, развивая ею свой ум до удивительной степени»[6].

К царевичу «прикрепили» полтора десятка дворянских сыновей, с которыми мальчик играл в войну. Для того всю компанию снабдили игрушечными шпагами, пистолями, знаменами, пушечками, а также вполне «действующими» луками со стрелами. По мнению современного историка, «при московском дворе стрельба из лука приобрела к тому времени характер тщательно культивируемого спорта, физически развивающей игры, типа современного тенниса. Луки членов царской семьи были настоящими произведениями искусства. Красные и белые, лазоревые и червчатые, золотые и серебряные луки… украшались разнообразнейше»[7]. Царевичу Федору пришлась по душе эта забава. Он тешился ею многое множество раз, где только мог. Дети пускали стрелы, палили из пищалей, иной раз под барабанный бой и звон литавр устраивали большие сражения, а царь Алексей Михайлович с удовольствием поглядывал на них из окошечка.

А то вдруг отец звал в царские покои хор. Или даже позволял столичным иноземцам устроить во дворце театральное представление с пением и плясками. Так, осенью 1674 года все монаршее семейство жило под Москвой в Преображенском, и там царя с царицей и детишек тешили «комедийными действами». Устав от шумных комедиантов, монарх и его родня устраивались вокруг музыкальной шкатулки, внимая ее затейливому теньканью.

Летом царская семья проводила время в просторных резиденциях близ столицы. Более всего Алексей Михайлович любил Коломенское. Там стоял вместительный деревянный дворец[8], и жить в нем считалось здоровее и приятнее, нежели в холодных кремлевских палатах, выстроенных из камня. Дворец окружали бесконечные сады, и в пору яблоневого цветения было это место сущим раем на земле.

У въездных ворот Коломенского стояли четыре льва, «сделанных из дерева и одетых в шерсть, похожую на львиную. Внутри львов находились часовые механизмы, пружина которых заставляла львов ворочать глазами и по временам издавать страшный рев. Внутри ворот находились четыре таких же льва. На четырех фронтонах дома написаны были четыре части света и объяснение к ним греческими буквами»[9]. Львы с хитрой механикой внутри быстро сделались добрыми знакомыми царевича.

Спустись к реке — и купайся вдоволь. А хочешь — гуляй по садам, считай золотые церковные главки, тут и там открывающиеся на равнине, если глядеть с крутого берега Москвы-реки. Сиди с книгой на солнышке в погожий день. Качайся на качелях. Да хоть парься в баньке! А не хочешь — броди, рассматривай затейливые персидские ковры или картины французского письма, совсем не похожие на творения иконописцев. Надоело? Пробуй на вкус лакомства, коих тут припасено видимо-невидимо.

Если пожелает отец — возьмет с собой на охоту, куда-нибудь в заповедные угодья, например под Измайлово или в окрестности Новодевичьего монастыря. Соберут сокольничих, и те явят свое искусство: покажут редких птиц, среди коих на вес золота ценятся белые кречеты, добудут уток к государеву столу. А захочет великий государь забавы поувесистее, так иные умельцы «поднимут» для него серьезного зверя. Алексей Михайлович обожал соколиную охоту, да и всякую другую. В своем благородном увлечении он, бывало, доходил до изрядного риска… Его страсть должна была передаться сыновьям, в том числе и царевичу Федору.

По большим церковным праздникам потомство Алексея Михайловича внимало колокольному громогласию седьмохолмой Москвы, ходило на длинные богослужения. Дети глазели на кремлевское священство в богатых одеяниях, слушали густобасых дьяконов и чудесный хор

патриарших певчих. Свечной жар окутывал их на молебнах, святые строго поглядывали со стен.

В любое время года, помимо сырых недель распутицы, ездили на богомолья по древним обителям. Излюбленные места паломничества — подмосковные Троицесергиев монастырь, да Николо-Угрешский, да звенигородский Саввино-Сторожевский. В иных монастырях выстроены были особые царские палаты. Когда царевич подрос, отец стал брать его к себе в карету и беседовать, возя от одной чудотворной иконы к другой, от одних мощей к другим.

Неспешный ход царского богомолья — лучшее время для размышлений о душе и для созерцания красот, щедро созданных Богом на услаждение людскому племени…

Медленно тянутся мимо возков поля с перелесками, березовые рощи, еловые чащобы, сосновые боры. Усталых паломников принимают на отдых «путевые дворцы». Тешит забавными историями дворянская свита. Плетут замысловатые рассказы особые умельцы-бахари. Города и деревни наплывают из-за горизонта и уходят за спину. Неслышимая рябь прокатывается по озерам спелой ржи. Тишь. Покой. Шепот ветра да птичий щебет, если не в зимние месяцы совершается богомольный поход. А когда устанавливается санный путь, одна тишина сменяется другой. Снег уютно похрустывает под полозьями, молчат почерневшие леса, молчат замерзшие реки, и глубокая сумеречная синь разрезается на полосы длинными столбами печных дымов.

Мир над землей.

* * *

К несчастью, детская безмятежность Федора Алексеевича закончилась весьма быстро. Ему пришлось рано повзрослеть, а значит, понять вещи, для детского ума не предназначенные.

3 марта 1669 года ушла из жизни Мария Ильинична Милославская. Мама.

Солнце закатилось…

У царевича оставались любящий отец, братья и сестры, тетки, он не стал сиротой, его было кому обогреть и утешить. Но смерть постучалась в окошко царских палат не один раз. Она стала тут частой гостьей. И рука ее безжалостно вырывала из жизни родных для царевича Федора людей.

Вслед за матерью ушла новорожденная Евдокия, несколько месяцев спустя скончался четырехлетний братик Симеон, а через год и старший брат Алексей. Так всего лишь за год мальчик потерял четырех близких. Ему очень рано пришлось понять, что такое безвозвратность смерти. Он очень рано осознал, сколь истинно христианское смирение перед бренностью всего сущего и конечностью человеческого века…

Невыразимо жаль было брата Алексея. К моменту смерти в 1670 году он сделался красивым молодым человеком, проявлял превосходные способности. Отец в нем души не чаял. Для Федора Алексеевича старший брат служил отменным примером того, какие качества следует приобрести царскому сыну. Они всегда стояли рядом. Младший поглядывал на старшего снизу вверх, как на будущего своего государя, надежду батюшки. Даже в дворцовых документах царевича Федора впервые упомянули в связи с царевичем Алексеем. 2 сентября 1667 года у того в хоромах устроили большой семейный обед, привели всех братьев…

Ничто не предвещало трагической развязки: на здоровье, скорее, мог пожаловаться Федор, а

не старшенький. И вот Алексея Алексеевича не стало. Старшеньким сделался Федор.

В самом скором времени на мальчика обрушился новый удар.

К началу 1670-х его отец оставался еще в цветущем возрасте. Отстрадав полугодовой с лишним траур по первой жене, Алексей Михайлович принялся отыскивать новую невесту. Начался «царский смотр» пригожих девушек. Вельможи составили ему знакомство с юницей — Натальей Кирилловной Нарышкиной[10]. Ее государь сделал второй супругой. Это произошло в январе 1671 года.

Наталья Кирилловна родит государю крепкого здорового мальчика Петра, ставшего впоследствии императором Петром Великим, а также двух девочек. Старшая из них, Наталья, пополнила «девчачье» окружение царевича Федора, пережила его самого и скончалась после русского триумфа в Полтавской и Гангутской баталиях. А вот младшенькая, Феодора, скользнет по его судьбе бледным видением и уйдет на свидание к Богу в возрасте младенческой невинности.

Трудно сказать, до какой степени второй брак царя отдалил его от детей, родившихся прежде. Нет семей, где новая женитьба многодетного отца происходит безболезненно. Очевидно, и Федор Алексеевич печалился: матери нет, рядом с отцом теперь — чужой человек…

Кроме того, на горизонте появилась некая трудность, связанная с престолонаследием. До поры до времени страшная суть ее дремала, но минет несколько лет, и она пробудится, чтобы нанести удар. К 1671 году царевич Федор оставался старшим из сыновей Алексея Михайловича. Прошел год, у Натальи Кирилловны родился сын Петр. И… как знать, кому предпочтет теперь стареющий отец отдать трон: старшему или же любимому «поскребышу»? Особенно если учесть неприятное обстоятельство: в годы Петрова младенчества Федор был ужасно искалечен.

На сей счет существует лишь один рассказ, в достоверности которого можно бы и усомниться: свидетельство принадлежит «заинтересованному» человеку. Однако его косвенно подтверждает медицинская проблема, преследовавшая Федора Алексеевича во взрослом возрасте, — время от времени ему становилось трудно ходить. Известно, что он обожал ездить на лошадях, и, возможно, не из лихости. Езда ему давалась легче, нежели ходьба.

Итак, по словам большого вельможи Артамона Матвеева, бывшего в «приближении» у Алексея Михайловича, царевич Федор пострадал в детстве от несчастного случая. Мальчик вознамерился «…прогуливаться с своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь: Феодор сел на нее, хотя быть возницею у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала в дыбы, сшибла с себя седока, и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежавшего на земли Феодора и измяли у него грудь, от чего он и теперь чувствует беспрерывную боль в груди и спине»[11]. Возможно, пострадал позвоночник, а это проблема на всю жизнь.

Теплое, солнечное детство выпало на долю царевича Федора. Зато сменилось оно горьким отрочеством.

* * *

Ко всем семейным и медицинским проблемам, обрушившимся на его бедную голову, добавилась гроза, имевшая совсем другое происхождение. Громовые раскаты, звуча то тише, то громче, надвигались на столицу с юга и востока, от Волги.

В Нижнем и Среднем Поволжье запылало грандиозное восстание под предводительством донского казачьего атамана Степана Тимофеевича Разина. Правительство утратило контроль над значительной частью страны. В 1650—1660-х годах Московское государство должно было вести дорогостоящие, кровопролитные войны с Речью Посполитой и Швецией. Потери и расходы тяжким бременем легли на плечи служилых людей, посада, крестьянства. Многие, несмотря на законодательный запрет, бежали со своей земли, бросали дома, хозяйство и пытались обосноваться на окраинах огромной страны: в Сибири, на Дону, в Нижнем Поволжье. Государство не располагало там столь значительным административным аппаратом, чтобы всерьез препятствовать переселенцам. Ведь всю эту обширную территорию присоединили к владениям московских государей относительно недавно, а в годы Смуты власть над нею была надолго потеряна… К середине XVII века Среднее и Нижнее Поволжье являло собой образец двоевластия: несколько городов, где сидят присланные из Москвы воеводы с маленькими гарнизонами, а вокруг них на множество верст — казачья вольница, запросто принимавшая беглую голытьбу; сильные, до конца не замиренные общины татар, мордвы, чувашей; редкие поселения русских крестьян-землепашцев и усадьбы дворян. Энергичный атаман мог противопоставить царским войскам значительно б***о***льшую силу: отряды опытных вояк-казаков — неспокойного, бродячего населения, привычного к суровой жизни и без радости взиравшего на строгие московские порядки. Недовольство усиливалось церковным расколом: влияние староверов на окраинах было исключительно сильным, а это означало еще один повод для столкновения с властями.

Разинское войско отправилось на Волгу, взяло в мае 1670 году Царицын[12] и устроило там бойню. Особенность больших русских восстаний такова: всякий раз на территории, контролируемой бунтовщиками, теряют силу и законы, и устои традиционной нравственности. Жизнь идет без правил, и единственное право, действующее в такие моменты, — право силы. Соответственно, значительная часть «социальной борьбы» тех времен укладывается в рамки кровавой и беспощадной уголовщины.

Мятежные казаки Степана Разина вошли в Астрахань, Самару, Саратов. Страшен был их напор. Бунтовское движение разливалось всё шире и шире. Волны неистовой казачьей стихии били в стены Симбирска. Еще немного, и возникла бы угроза самой Москве. Покуда царь устраивал брачные дела, Поволжье кипело бешеной борьбой титанических сил — хаоса и порядка. Из этого противостояния могла родиться новая Смута. Немногого недоставало! К счастью, одолел порядок. Кровавую разинщину подавили, ее вождя казнили на Болотной площади столицы летом 1671 года.

Мужающий царевич Федор мог видеть, чего стоит государственный порядок, какая жестокость требуется порой для его поддержания. Казачьего атамана четвертовали при большом стечении народа. Горькое, жуткое зрелище. Кровь его впиталась во влажную почву Замоскворечья. Ужас, сотрясавший державу на протяжении года, схлынул. Но в памяти у отрока Федора осталось: смерть, кровь, страх — вот плоды того, что в обществе не удалось поддержать мир. И, наверное, задавался он вопросом: одни ли свирепые разинцы виноваты в развязывании мятежного урагана или к тому их подтолкнуло корыстолюбие воевод? Или, может быть, сам государственный порядок нуждается в реформировании — какая-то ржа разъела тяжкие его шестеренки?

Федор Алексеевич видел казнь, предписанную его отцом. Царевича научили не бояться чужой смерти. Его научили казнить непокорных, если это потребуется. Но еще и заронили, думается, отроку в душу мысль: применение силы — крайняя мера… до нее надо испробовать иные способы управления.

Это ведь тоже — школа.

Школа будущего правителя.

* * *

Царевичу досталась хорошая школа и совсем иного рода. За его воспитанием присматривали «дядьки» — боярин князь Ф. Ф. Куракин и думный дворянин И. Б. Хитрово. А вот обучением Федора Алексеевича занялся подьячий (чиновник среднего ранга) П. Т. Белянинов. Этот человек служил в Посольском приказе — дипломатическом ведомстве России. А туда, по вполне понятным причинам, изо всего приказного аппарата отбирались наиболее знающие кадры. От Белянинова царевич обучился славянской грамоте. От него, очевидно, мальчик приобрел первичные знания по географии, истории, а также внешней политике России.

С младенческих лет царевичам и царевнам давали «потешные книги». Они состояли из красочных картинок, рассказывающих обо всем на свете: зверях, кораблях, городах, битвах, путешествиях… Специально для занятий Белянинова с Федором Алексеевичем другие служащие Посольского приказа создали в 1672 году роскошное учебное пособие гораздо более серьезного содержания. Оно дошло до наших дней и ныне хорошо известно под названием «Титулярник». Настоящее название учебника — «Большая государева книга, или Корень российских государей».

«Титулярник» состоит из двух частей.

Первая из них касается русской истории. В ней представлены судьбы двух царственных династий — Рюриковичей и Романовых. Даны портреты тридцати русских государей от Рюрика до Алексея Михайловича. Если древние правители в их череде — плод фантазии живописцев, то последние имеют действительное сходство с чертами прототипов. Сюда же вошли портреты одиннадцати патриархов — константинопольских и московских. Мальчику прививали уважение к собственному роду и к Церкви. Кроме того, книгу украсили 33 эмблемы русских земель, которые иногда не вполне правильно именуют «гербами». В этом ряду и те земли, которые давно стали частью России, и те, названия которых являлись элементом царского титула, но до реального обладания дело пока не дошло. Таким образом, отрока знакомили с державой, давали понять, сколь значительным и пестрым государством ему предстоит править. Более того, ему показывали основные направления русской экспансии: «Мы собираемся приобрести это и вот это; как знать, не тебе ли, царевич, предстоит возложить руку на оные страны?»

Вторая часть «Титулярника» содержит сведения о других государствах, в том числе изображения тамошних гербов, портреты и титулы правителей. Иными словами, царевича Федора натаскивали по части «политической географии».

Книга пышно иллюстрирована, украшена золотописью. Она представляет собой настоящее произведение искусства. Подобный учебник — мечта для любого ребенка.

При всей обширности профессиональных знаний, служащие Посольского приказа могли дать Федору Алексеевичу лишь азы образованности. Прежним царевичам этого хватало с избытком. Точнее сказать, они далеко не всегда получали и такой объем знаний. Их обучали воевать, управлять людьми, знать свой род да еще прививали Закон Божий. Порой они превосходно знали церковное служение, получали обширное знакомство с богословскими вопросами. До времен Ивана IV наследников престола сызмальства отправляли в походы и окунали в дипломатические дела. Подобного рода практических знаний Федор Алексеевич получил совсем немного. На театре боевых действий он не бывал ни разу. Ни как царевич, ни как государь. В хитросплетения внешней политики Алексей Михайлович начал его погружать, но, кажется, довольно поздно. Известно, что на приемах иноземных послов в 1675 году Федор

Алексеевич занимал место рядом с отцом. Но тогда царевичу уже исполнилось 14 лет, а учеба его началась намного раньше, в 1670-м.

Алексей Михайлович желал дать своим отпрыскам больше, чем давали наследникам его предшественники на русском троне. А педагогические возможности подьячих Посольского приказа не столь уж велики… Тут требовались совсем иные преподаватели. Суть того, к чему хотел приучить сыновей Алексей Михайлович, весьма отличалась от традиционного образования, предназначенного царским детям.

После смерти царевича Алексея Алексеевича к его брату Федору перешел наставник покойного — придворный поэт и проповедник Симеон Полоцкий. Он начал давать уроки в 1672 году и работал с младшим братом на протяжении нескольких лет. Симеон Полоцкий обучил Федора Алексеевича латыни и польскому языку. На польском отрок, став царем, мог бегло разговаривать с представителями Речи Посполитой. Очевидно, царевич обрел от своего «дидаскала» навыки риторики и «пиитики», возможно, прикоснулся к философии. Во всяком случае, прочел под его руководством классических античных авторов.

Впоследствии Федор Алексеевич с уважением и любовью относился к Симеону Полоцкому. Став монархом, он позаботился о том, чтобы его учитель жил в роскоши и ни в чем не знал недостатка. Даже покои его в Заиконоспасском монастыре царь велел «обновить» с большой пышностью.

Любопытно, что в 1680 году типография, отданная под руководство Симеону Полоцкому, выпустила «Историю о Варлааме и Иоасафе». Сюжет этого странного, полуфантастического произведения хорошо знали на Руси задолго до печатного издания. Зачем же бывший учитель монарха решил опубликовать его? Видимо, захотелось ему намекнуть и выросшему Федору Алексеевичу, и его подданным на свою высокую роль у подножия трона. По сюжету истории — два главных героя — пустынник Варлаам и царевич Иоасаф[13]. Умудренный опытом Варлаам наставляет последнего в вере и нравственности, а тот проявляет качества идеального ученика. Царевич доходит до таких вершин духовного совершенства, что даже отказывается от царства ради благодатного пустынничества. Издание снабжено гравюрой отличного качества: седобородый старец у трона, на котором восседает юноша. Стоило бы поискать в них портретного сходства с государем и его «дидаскалом», если бы внешность Федора Алексеевича не являлась тайной за семью печатями[14].

Царь публикацию одобрил совершенно официально: это его одобрение читается в выходных данных книги. Царский домовый храм в подмосковном Измайловском дворце Федор Алексеевич велел освятить в честь царевича Иоасафа-пустынника. Нужны ли здесь дополнительные комментарии? Кажется, всё на виду

* * *

В итоге Федор Алексеевич получил весьма солидную «теоретическую подготовку» к роли монарха. Столь значительную, какой доселе не было *ни у кого* из правителей Московского государства.

Его судьба складывалась в точности как у актера, который силой обстоятельств оказался лишен иных радостей, помимо радости выступать на сцене, а потому очень долго и основательно репетировал главную роль своей жизни. Годам к тринадцати-четырнадцати для царевича свет клином сошелся на будущем царствовании.

С этим багажом он встретил день, когда полученные знания понадобились ему для дела.

Восшествие на престол

У государей из династии Романовых составилась необычная традиция. Более века *все* монархи из этого рода всходили на престол в подростковом возрасте.

Причем трон нередко доставался именно тому наследнику, которого менее всего готовили к большой политической деятельности.

Основатель династии, царь Михаил Федорович, сделался монархом шестнадцати лет от роду. Бедствия Смуты коснулись державного юноши, но не успели отравить его личность. Зато и в делах государственного правления он понимал ничтожно мало. Обучить его искусству власти мог бы отец — впоследствии патриарх Филарет, — но он несколько лет провел у поляков в плену и не мог влиять на воспитание отпрыска.

Сын Михаила Федоровича сменил отца на троне в том же самом возрасте. Его воспитывали вполне традиционно — как мальчиков из боярских семейств, как многочисленных сыновей в боярском роде Романовых. Образование Алексея Михайловича имело в большей степени касательство к духовной, христианской сфере, нежели к точным наукам и гуманитарным дисциплинам. Даже военное дело оказалось почти незнакомым для молодого царя.

Братья Федора Алексеевича — Иван и Петр — не нарушили старинного обычая. Первый из них оказался монархом за несколько месяцев до шестнадцатилетия. Второй короновался в десять лет, а после смещения регентши царевны Софьи начал самостоятельное правление… о шестнадцати годах. Судить о знаниях Ивана Алексеевича сложно: слабость зрения и иные хвори делали для него в принципе проблематичной сколько-нибудь серьезную учебу. Петра Алексеевича обучали, и неплохо, — старший брат, государь Федор Алексеевич, присматривал за этим. Однако Петр с отроческого возраста был выброшен на периферию российской общественной жизни.

Правительница Софья вытеснила семейство Нарышкиных, в том числе и подростка Петра, с политической арены. Образовательный процесс хаотизировался. Теперь отрока учили «чему-нибудь и как-нибудь». Потому-то, быть может, на протяжении всей жизни Петр Алексеевич брался с такой жадностью осваивать новый сферы знания, что с малых лет оказался лишен хорошей школы.

Наконец, юноша в европейском платье, Петр II, прошел перед своими подданными как прекрасное привидение. В полуразмытом облике его еще толком не научились видеть фигуру правителя, а смерть уже резанула остро наточенной косой по нитям, связывающим тело и душу. Он стал императором всероссийским, не достигнув двенадцати лет, и царствовал менее двух с половиной лет. Стоит ли обсуждать степень его готовности править страной?

Проблема тут, видимо, в каком-то генетическом заболевании. Трудно сказать, в чем дело, но со времен Михаила Федоровича Романовы получили не только трон, но и какую-то дурную наследственность. До Михаила Федоровича род мог похвастаться отличными воеводами, превосходными администраторами, крепкими мужчинами, коим назначен был долгий век. Но как только один из них надел царский венец, над всем родом нависла печальная судьба. Романовым отлично удавались девочки — красивые, здоровые долгожительницы, а вот с мальчиками выходило иначе. Они реже рождались, чаще болели, скорее уходили на тот свет от нездоровья. Многие умерли во младенчестве или же не дотянув до зрелого возраста.

Любопытно: династия обращала самое пристальное внимание на собственное здравие. О нем заботились основательно, со вкусом и тщанием. Домовитые, любившие комфорт Романовы,

сторонники степенной старомосковской жизни, садов, богомолья и охотничьих забав, не пьяницы и не развратники, они, кажется, вели самый здоровый образ жизни. Однако результатом подобного рода забот и разумной умеренности в удовольствиях почему-то становилась… недолгая, усеянная хворями жизнь государей из их семейства.

Михаил Федорович скончался в 49 лет. Алексей Михайлович прожил на три года меньше. О Федоре Алексеевиче и Петре II сказать нечего: один умер молодым, другой — совсем юным. Недолгий век достался Ивану Алексеевичу — всего-то 29 лет. При таком соседстве Петр Великий выглядит истинным долгожителем, хотя родился он в 1672 году, а оставил мир — в 1725-м. То есть, по современным понятиям, тоже далеко не старик…

Бог весть, чья тут вина. То ли упомянутое наследственное заболевание таилось в генах самого рода Романовых, то ли всему виной неудачные браки. Царская династия пошла от потомков Михаила Федоровича и его второй жены Евдокии Стрешневой. И, как знать, не стрешневская ли кровь, смешавшись с романовской, принесла печальные плоды… Или, может быть, дело в нежно любимой супруге Алексея Михайловича Марии Милославской, от которой родилось 13 (!) детей, в том числе пять мальчиков, ни один из которых не жил долго…

Да стоит ли гадать?

Для судьбы Федора Алексеевича довольно того, что краткая его биография и восшествие на престол в юные годы — совсем не исключение. Можно сказать, он, сам того не желая, следовал странной семейной традиции.

Но в отличие от отца, деда и младших братьев Федор Алексеевич прошел основательную подготовку к делам правления. В этом смысле он все-таки исключение из общего правила. Притом исключение приятное.

Изначально государь Алексей Михайлович вовсе не возлагал на Федора каких-либо надежд, связанных с престолонаследием. Он был, как уже говорилось, третьим мальчиком, родившимся у царицы Марии Ильиничны Милославской. Если первенец, царевич Дмитрий, скончался в младенческом возрасте, то второй сын дожил до отроческих лет, и никто не предрекал ему несчастливого конца.

Итак, к восшествию на престол предназначался другой царевич — Алексей Алексеевич. Его официально объявили преемником отца. И учили с большой основательностью — гораздо лучше, нежели самого Алексея Михайловича. Современники отзывались о нем как о мальчике с отличными способностями, прилежном в чтении, умном. Отец, выезжая по делам из столицы, официально назначал его старшим лицом в правительственной комиссии, временно замещавшей монарха.

Но человек предполагает, а Бог располагает…

Алексей Алексеевич скоропостижно скончался в январе 1670 года, чуть-чуть не дотянув до шестнадцатилетия. Только тогда настал черед Федора — восьмилетнего мальчика со скверным здоровьем… но зато с хорошими учителями.

В сентябре 1675 года царевича явили народу и официально огласили как нового царского преемника. При этом событии присутствовали послы императора Леопольда I. От секретаря императорской дипломатической миссии Адольфа Лизека остались любопытные заметки.

По его словам, посла принял в «Коломенском замке» Алексей Михайлович совместно с сыном: «Его царское Величество сидел на троне без балдахина, и по левую руку августейший сын его.

В руках каждого был скипетр, с полумесяцем на верхнем конце. На обоих кафтан и ферязь (тога, ниспадавшая складками до самой земли) были шелковые красные и застегивались, по народному обыкновению, золотыми пуговицами. Множество крупного жемчужного ожерелья на шее более отягощало их, нежели служило украшением. На митре (венце) драгоценные камни спереди и сзади имели такой необыкновенный блеск, что она казалась вся в огне»[15]. Немецким дипломатам было объявлено: скоро состоится церемония, в ходе которой царский сын «впервые будет объявлен наследником престола». Те решили достойно одарить наследника и «…поднесли ему свои вещи, что у них было лучшего, а именно жемчужину, величиной больше грецкого ореха, имевшую вид львенка, двое небольших золотых часов, ценой каждые в сто империалов, дюжину середок для перчаток, напитанных амброю, и столько же шелковых чулков. Все это было разложено на четырех серебряных блюдах»[16].

Несколько дней спустя Федора Алексеевича публично назвали престолонаследником. Несколькими месяцами ранее ему исполнилось 14 лет…

* * *

Отрок, возможно, и не подозревал о наличии серьезного врага. Но его родня — Милославские — точно знала, кого им следует опасаться.

Восхождение Федора Алексеевича на степень наследника престола, а потом и венчание его на царство не были безмятежными. Вокруг трона происходила борьба, слава богу, не вырвавшаяся на улицы, как это случится в начале следующего царствования. Но хлопот Милославским она добавила изрядно.

Во главе соперничающей с ними партии встал талантливый дипломат и доверенный человек Алексея Михайловича боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Роль его в противоборстве, развернувшемся при дворе второго монарха из династии Романовых, вызывает споры среди историков. Одно ясно: между ним и Милославскими сложились враждебные отношения.

Милославские считали, что Матвеев уговаривает царя Алексея Михайловича передать трон другому сыну — Петру. Его родила вторая жена царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, — племянница Матвеева и его «креатура» при дворе. При царе-мальчике, пользуясь благорасположением царицы, Матвеев стал бы всесильным правителем.

У Матвеева имелся серьезный аргумент против Федора Алексеевича: его слабое здоровье. Дескать, крепыш Петр в перспективе лучше справится с тяжелым бременем власти.

В сообщениях иностранцев, посещавших тогда Москву, запечатлелись отголоски его «агитации». Они-то и питают разные оценки произошедших тогда событий. То ли Матвеев на самом деле предпринял активные действия против царевича Федора, то ли Милославские пожелали выбросить с верхнего этажа власти сильного вельможу и оговорили его. В любом случае Артамон Сергеевич прослыл неприятелем Федора. Поскольку разные и совершенно не зависящие друг от друга сочинения иноземцев говорят об одном: Матвеев действительно сделал несколько рискованных политических ходов, — скорее, верно первое. Вряд ли он стал жертвой наговора. Правдоподобнее видеть в его «комбинации» рискованную авантюру, попытку дворцового переворота, закончившуюся крахом.

Один из зарубежных дипломатов писал: «[Алексею Михайловичу] наследовал Феодор Алексеевич, хотя при избрании и было немало споров между вельможами… Вышеупомянутый Артемон (Матвеев. — *Д. В.)*, самый умный из них, при помощи многих приверженцев хотел было младшего возвести на престол: по их мнению, он был умнее брата своего Феодора.

Долгорукий с приверженцами стоял за старейшего — среднего брата Феодора; долго они спорили, в спорах принял участие народ и решил — быть царем Феодору…» В этом сообщении «смешались ложь и истина». Вряд ли имело смысл сравнивать ум *четырехлетнего* Петра и *четырнадцатилетнего* Федора. Тут видно вольное фантазирование на основе неясных слухов. Да и народ конечно же никакого отношения к выбору царя не имел. Зато самое прямое к тому касательство имели государь Алексей Михайлович и придворные аристократические «партии». Как видно, царь все же не прислушался к речам Артамона Матвеева — он склонялся оставить трон Федору, потому и назвал его наследником за несколько месяцев до собственной кончины. Ну а после ухода Алексея Михайловича «партия» Долгоруких оказалась проворнее и сильнее «партии» Матвеева. «Царь этот, — продолжает иноземец, — питая недоброжелательство к Артемону, отнял у него имущество, для вывоза коего, говорят, едва хватило 14 дней, и отправил его за 200 почти миль в ссылку, родных его подвергнул опале и назначил ему на содержание не больше трех копеек (5 копеек равны нашим 9 крейцерам) в сутки. Младший же брат царя во избежание неприятностей удалился в свое дальнее поместье и жил там, как частное лицо. Долгорукий при этом царе первенствовал и пользовался таким уважением, каким Артемон при его отце»[17].

Итак, незадолго до смерти Алексея Михайловича у подножия трона разгорелась жестокая борьба за право возвести на престол «своего» претендента. Она началась уже *после того,* как царевич Федор был оглашен в качестве наследника Алексея Михайловича. В решающую фазу борьба эта вступила, когда царь оказался на пороге смерти, а также сразу после его похорон.

Одни авторы представляют ее как мирные уговоры царя Алексея Михайловича, отходящего от света сего.

Вот, например:

«Государь московский, призвавши Артемона, на смертном одре просил у него совета, которого из сыновей прежде своей кончины назначить государем московским и которому из трех передать свой скипетр. Артемон советует ему, обошед старших сыновей, Феодора и Иоанна, вручить правление младшему из них, Петру. Артемон хлопотал об нем потому, что был ему родственник по матери; но умирающему государю он представил причины, почему так советует, именно: Феодор слаб и расстроен здоровьем с самой юности; Иоанн нездоров глазами и близорук, а потому и к правлению такого государства неспособен; притом он не имеет ни одного доблестного качества, даже не имеет столько благоразумия, чтобы править самим собою и таким царством. Феодора он представлял также неспособным к правлению… И так Артемон советовал вручить скипетр правления Петру, не смотря на его малолетство; он говорил, что Петр по одному своему виду достоин быть Царем, что он по взгляду Марс, величествен по наружности и цветет свежестию юности. Из всего этого он предрекал блаженные времена его царствования и обещал, что если государь передаст ему власть правления, то единодушно все признают Петра царем, и что сам он (Артемон) за малолетством его поможет ему советами своими в делах правления. Лишь только дошел об этом слух до принцев крови, особенно до их теток и сестер, бывших тогда во дворце, — слух о том, что Артемон старается возвести на престол свой род и фамилию Нарышкиных, тотчас они посылают за Одоевским, Милославским и другими, прося, чтобы они поспешили к ним как можно скорее. София встречает явившихся на зов бояр с воплем и слезами; а бояре, уже пылавшие ненавистью к Артемону, входят в спальню государя, уже умирающего, и умоляют его немедленно пред их глазами вручить правление государства старшему сыну, Феодору, и благословить его. Умирающий отец, побежденный их мольбою, исполнил их желание, отдал верховную власть своему сыну Феодору»[18].

Процитированный выше источник рассказывает о противостоянии аристократических

«партий» постно и благостно.

Речь идет о высшей власти в огромной державе. Речь идет о непримиримых врагах: возвышение Нарышкиных и их союзника Матвеева означает автоматическое падение Милославских со всеми их сторонниками. Следовательно, их постигнет опала, возможно, ссылка, а то и неожиданная смерть.

Опасно оставлять взрослого наследника в живых… Опасно давать ему опору в опытных по части дворцовых интриг вельможах…

Печальная судьба ожидала в случае поражения и противоположную «партию» — уход на периферию большой политики, ссылки и т. п. Как, в сущности, и произойдет.

А тут: пришли к умирающему, молили, поливали слезами… Больше похоже не на решение большого политического дела, а на родительское собрание, возглавленное строгой учительницей. Можно предположить несколько более жесткости в действиях противоборствующих групп. Думается, вернее описывают ситуацию при дворе более осведомленные иностранные дипломаты, а также иные агенты иностранных государей в России.

Так, по сведениям одного из них, Алексей Михайлович совершенно определенно высказался в пользу Федора и никогда не колебался на сей счет. Государь назначил в качестве опекуна князя Юрия Алексеевича Долгорукого — ему хоть и было далеко за семьдесят, а все же он имел репутацию превосходного полководца, толкового администратора, опытного царедворца. «По московскому обычаю, нового царя должны были избрать в тот же день, в день смерти прежнего царя[19]. Но Артемон утаивал смерть царя и, подговорив стрельцов к единодушному избранию на царство Петра, своего малолетнего родственника, а не Феодора, которого благословил отец, уже поздно ночью сообщил боярам о смерти царя и, посадив младенца Петра на трон, убеждал их признать его царем без всякого прекословия, потому что Феодор опух и лежит больной, так что мало надежды на его жизнь и еще меньше на то, чтобы он благополучно правил ими и воевал с внешними врагами». Выходит, обошлось без «уговоров» царя Алексея Михайловича, и вся матвеевская интрига могла сосредоточиться на кратком периоде междуцарствия. Но «…бояре, узнав от патриарха, бывшего при смерти царя, что царь, умирая, благословил на царство царевича Феодора и опекуном назначил Юрия Долгорукого, ожидали прибытия этого последнего… Юрий Долгорукий, приехав во дворец и рыча, как вол, с горя по случаю кончины царя, спрашивал у патриарха, кого отец благословил на царство. Патриарх отвечал, что царевича Феодора. Тогда Долгорукий и бояре, не слушая убеждений Артемона об избрании на царство Петра, устремились к больному Феодору; видя, что двери затворены и заперты, велели их выбивать и выламывать; войдя к нему с рыданием и плачем о смерти его отца, с радостью понесли его (потому что он сам ходить не мог) и, посадивши на престол, подходили к его руке, поздравляя с воцарением. Между тем мать царя Петра и Артемон, не будучи в состоянии противодействовать могуществу бояр и Долгорукого, вместе со своими советниками скрылись»[20].

Вот это — более правдоподобно. Привлечь к делу стрельцов, попытаться обмануть ближайших к покойному монарху вельмож умильными речами, запереть истинного наследника, скрыть кончину благодетеля своего — такое в духе блистательного интригана, умнейшего дипломата и чудесного ритора Артамона Матвеева. И совершенно адекватным выглядит недоверие к нему, упертому «западнику», патриарха Иоакима. Утверждение у власти такого временщика грозило Церкви самыми неприятными последствиями. А значит, Иоаким имел основания сорвать дворцовый переворот Матвеева—Нарышкиных.

Дело не в том, кому именно отдавал предпочтение Матвеев — представителям протестантских или же католических держав. Дело в другом: он, кажется, больше чувствовал себя европейцем, чем русским. Делая своей супругой шотландку Гамильтон, Матвеев осознанно шел наперекор старомосковским брачным обычаям. Это, может быть, первый крупный государственный деятель России с чаадаевским складом ума. В 1675 году его дом посетили имперские дипломаты, и один из них оставил краткое, но красноречивое описание этого визита: «Потолок залы был разрисован; на стенах висели изображения святых, немецкой живописи; но всего любопытнее были разные часы с различным исчислением времени. Так, одни показывали часы астрономического дня, начиная с полудня (какие употребляются и в Германии); на других означались часы от заката солнца, по счету богемскому и итальянскому, иные показывали время от восхода солнца, по счислению вавилонскому, другие по иудейскому, иные наконец начинали день с полуночи, как принято латинской Церковью. Едва ли можно найти что-нибудь подобное в домах других бояр. Артамон больше всех жалует иностранцев (о прочих высоких его достоинствах говорить не стану), так, что немцы, живущие в Москве, называют его своим отцом; превышает всех своих соотчичей умом и опередил их просвещением. Из всех русских бояр и князей у одного его сына, вопреки народному обычаю, растут на голове волосы, и он учится у иностранцев обхождению, языкам и разным наукам… Достоинства этого необыкновенного человека равняются его славе…»[21]

У Иоакима, строгого приверженца православных устоев, сурового воина за интересы Церкви, такой человек мог вызывать лишь крайнюю настороженность. Да и, видимо, не только у него. Матвеев не смог набрать достаточно сторонников, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. Не помогли ему и стрельцы.

Косвенное подтверждение бешеной подковерной борьбы двух «партий» обнаруживается в записках Бальтазара Койэта, дворянина из свиты нидерландского посла, явившегося тогда в Москву для переговоров. «В пятницу, 24-го апреля [1676 года], около 10-ти часов, пришел пристав с лошадьми и каретою… Прибыв в кремль, *мы уже не застали столько стрельцов, как раньше:*тут было не более 6—8 отрядов в простых траурных одеждах и все было тихо»[22]. Койэт осторожно «проговаривается»: стало быть, прежде, вскоре после смерти Алексея Михайловича, Кремль наводняли стрелецкие отряды и было там немирно. Между тем в отрывках, посвященных кончине Алексея Михайловича, он писал лишь о толпах людей, приносивших присягу царю Федору III, а не о воинских отрядах. По всей видимости, нидерландский дворянин оставил намек для «понимающих людей».

* * *

Алексей Михайлович умирал от общего расстройства здоровья: весьма тучный человек, он страдал цингой, водянкой и, вероятно, мучился от повышенного давления. К этим хворям добавилась простуда, вызвавшая сильный жар. Но на протяжении последних своих дней, находясь при смерти, царь, как можно убедиться по приведенным выше свидетельствам, ясно высказал свою волю: трон достанется Федору; вельможам следовало тут же поклясться наследнику в верности.

Царевича водили проститься с отцом, и юноша увидел печальное зрелище: огромное тело Алексея Михайловича, повсюду обложенное льдом, скорбные лица священников, настороженные взгляды бояр… Отец уходил из жизни рано.

Сыну не хватало нескольких лет до полного вступления в державные дела. И, наверное, глядя на измученного родителя, царевич думал: «Не успел… Времени не хватило! А сколько еще мог сделать — не старый ведь, совсем не старый…» Кончина отца могла заронить в сердце сына жадное стремление: надо спешить! Надо успеть. К Федору Алексеевичу пришло тогда горькое

знание: иной раз Господь назначает последний срок гораздо раньше, чем мыслил и желал человек. Значит, следует не щадить себя, иначе время утечет бесполезно. А его так мало…

29 января 1676 года государь, царь и великий князь Московский и всея Великия, Малыя и Белыя России самодержец Алексей Михайлович ушел из мира живых.

Иноземные дипломаты отметили необыкновенную быстроту, с которой Федора Алексеевича возвели на престол.

Как только Алексей Михайлович скончался, «…как старший сын его… Феодор Алексеевич… боярами, находившимися при царе, был препровожден в большой зал и здесь в царских регалиях посажен на царский трон. Он поцеловал крест и, вслед за тем, вельможи и бояре принесли новому государю и царю присягу в верности, целуя крест, который держал в руках патриарх или праотец. Целую ночь продолжалось присягание всех дворян, стольников и разных дворцовых служителей. Посланы были гонцы во все концы государства; все иностранные офицеры и чиновники, обязанные присягать, призваны были во дворец, где они принесли присягу перед двумя Московскими проповедниками, одним реформатским и другим лютеранским. Это произошло часов в 11 ночи»[23].

Очевидно, борьба между сторонниками двух царевичей — отрока Федора и младенца Петра — шла при дворце с переменным успехом. И рисунок ее не столь прост, как показано в приведенном выше сообщении.

Нарышкины с Матвеевым, как уже говорилось, предприняли ряд мер, отстаивая интересы своего претендента. Тогда их оппоненты нанесли ответный удар. Милославские и Долгорукие торопились с присягою, учитывая опасность, грозящую им от Артамона «со товарищи». Эта не вполне приличная суетливость обеспечила им бесповоротную победу. Уже под вечер того дня, когда ушел из жизни Алексей Михайлович, с планами Матвеева и Нарышкиных было покончено. Возможно, царевич Федор просидел несколько часов взаперти. Возможно, его младший брат, совершенно не понимая, что с ним вытворяют, несколько раз коснулся царского кресла попкой.

Но на том все успехи Нарышкиных и завершились. Милославские возобладали.

Зато у Милославских появились две большие проблемы.

Во-первых, царевич Федор действительно расхворался в тот момент. Он чувствовал себя очень плохо.

Это бесспорный факт. Во время похорон Алексея Михайловича его сына несли одетым в черное и с обнаженной головой то ли на особых носилках, то ли на санях. Можно, конечно, счесть это особой почестью, оказываемой наследнику. Но, весьма возможно, он просто не мог передвигаться самостоятельно. Шесть лет спустя, в день похорон самого Федора, его младший брат и преемник Петр пойдет за гробом государя на своих ногах — носилки не пригодятся… Когда Федор Алексеевич, еще не сняв траура, дал первую аудиенцию нидерландскому послу, выглядел он скверно. И его состояние не удалось скрыть от внимательных взглядов иностранцев: «Придя в зал, мы увидели, что все сверху донизу в трауре; там было так полно людей, как я еще не видел никогда. Его превосходительство[24] стал, как и раньше, прямо против его царского величества; нас расставили так, что мы все могли видеть его величество прямо в лицо. Это был молодой государь, довольно красивый, но, по болезни, с лица немного желтый и одутловатый. Он сидел на троне отца, покрытом также черным; сам его величество был одет в черную дамастовую одежду, подбитую соболями. На голове его была черная

суконная шапка, подбитая соболями, а в руке черного дерева костыль, на который он часто опирался, так как был очень слаб. Четыре господина, которых мы раньше видели в белых дамастовых, подбитых собольим мехом одеждах и с топориками на плечах, теперь были совершенно в трауре вплоть до топориков, которые были обтянуты черным»[25]. При следующей аудиенции, через две недели, юный царь не имел достаточно сил, даже чтобы громко разговаривать. Его слабый голос звучал едва различимо[26]. В середине февраля, по документам Аптекарского приказа, Федор Алексеевич «скорбит ножками»; врачи ставят диагноз: «Цинга!»[27]

Во-вторых, разбитый Матвеев еще не был удален от двора.

За здоровье наследника, как видно, всерьез опасались. Но не только и даже не столько потому, что он плохо ходил. Причина другая. Милославские готовились к худшему: бунт, открытое покушение на царевича Федора, любой обман, махинация, попытка отравления. Всё возможно! Матвеев оставался при дворе, он еще выполнял обязанности главнейшего российского дипломата. У него хватило бы энергии, дерзости и влияния на новую каверзу. А потому после похорон Алексея

Михайловича родственники его старшего сына «…стали усиленно заботиться о здоровье Феодора: три тетки и шесть сестер, рожденных от Милославской, расположившись возле него, сидели безвыходно и оберегали всячески его здоровье…»[28].

Матвеев продержался на высоте своей власти еще несколько месяцев. Он участвовал в дипломатическом церемониале как первенствующее лицо. Он стоял рядом с молодым царем и, когда требовалось, поддерживал его руку. Иначе говоря, смертельная опасность пребывала в шаге от Федора Алексеевича.

Более того, Матвеев еще оказывал покровительство зарубежным посланникам. Как видно, он и не собирался уходить в тень. Возможно, надеялся избежать опалы. А возможно, понемногу строил новую «комбинацию».

Очень показательна его как бы случайная встреча с нидерландскими дипломатами. Она произошла через несколько дней после смерти Алексея Михайловича.

Сам Матвеев и его приближенные полны печали. Надо думать, причиной стало не одно лишь оплакивание усопшего. Сорвался столь многообещающий план! Но царедворец не теряет уверенности в своей силе и влиянии: «Посол и все его домочадцы надели траур по поводу смерти его величества (Алексея Михайловича. — *Д. В.).* До обеда боярин Артемон Сергеевич, в сопровождении многих саней, совершенно в трауре и с обнаженной головою, медленно проехал мимо двора его превосходительства, в то время как фан-Асперен и я *случайно* стояли у ворот. Он казался очень опечаленным, подал нам руку и, проехав немного, подозвал фан-Асперена, спросил о здоровье его превосходительства и сообщил заодно, что *для его вельможности при дворе и теперь все останется по-прежнему.* После обеда его превосходительство послал господ маршала, Бюдэйна и фан-Асперена, всех в трауре, в приказ или канцелярию, чтобы засвидетельствовать господину Артемону Сергеевичу соболезнование по поводу смерти его царского величества. Не застав его однако здесь, они принуждены были отложить посещение до следующего дня, когда думали застать его утром рано дома… Во вторник три означенные господина отправились… ко двору Артемона Сергеевича, чтобы исполнить то, что им было поручено. Когда они подошли к крыльцу, гофмейстер, *со слезами на глазах,* проводил их наверх, где они в сенях встретили массу людей, которые *все были очень печальны.* Когда боярин их принял и маршал начал говорить, то и сам вельможа и все находившиеся в комнате разразились рыданиями. Он благодарил его превосходительство за

сочувствие и утешение в горести и уверял, что *господа не переменились, что те же господа останутся у власти, кроме разве того, что, в виду малолетства его царского величества, четверо знатнейших будут управлять на ряду с ним.* Он прибавил, что дела его превосходительства теперь пойдут вперед так же, как и прежде, и скоро получат хорошее окончание»[29].

Вот так.

При всей «печали» Матвеев со своими сторонниками не торопился покидать дворец. Он проиграл, но еще мог надеяться на победу. И пока царь Федор III чувствовал себя плохо, у Нарышкиных с Матвеевым оставался шанс — либо оттеснить его от власти, либо порадоваться на его похоронах и сделать его преемником царевича Петра. В конце концов, русская история знает как минимум один случай подобного рода. В 1605 году царь Федор II Борисович из династии Годуновых принял присягу, но очень скоро был свергнут. Подданные предпочли ему Лжедмитрия I. А у Нарышкиных за пазухой не расстрига с сомнительной репутацией, а природный царский сын, пусть и совсем малютка…

Но с тезкой Федора II ничего худого не случилось. Слава богу, царь Федор III победил хворь, и царствование его счастливо продолжилось.

В правлении этого государя есть один весьма важный рубеж — венчание на царство. Оно долго оттягивалось. Алексей Михайлович умер на исходе зимы. Так вот, *на протяжении всей весны* его сын не мог пройти венчального обряда. Следовательно, он оставался как бы не вполне царем. Законность его правления выходила неполной, поскольку Церковь не дала официальной санкции, получаемой государем через этот обряд.

Очень долго. Слишком долго. Несообразно с политическим обычаем того времени.

К тому могло быть две причины. Первая из них ясна: Федор Алексеевич болел. Вряд ли его хотели вывести на всеобщее обозрение с желтым опухшим лицом и при костыле. Но на ход дел могла повлиять и вторая причина: при дворе сохраняла силу та «партия», для которой он оставался нежеланным государем.

Межеумочное положение закончилось летом 1676 года. Оправившись от болезни, Федор Алексеевич торжественно венчался на царство 18 июня под сводами Успенского собора. Эта церемония отличалась не только пышностью, но и утомительными тяготами для того, кто оказывался в самом ее центре. Монарху требовалось участвовать в долгих молебствиях, производимых духовенством, затем принять царские регалии (золотой крест-мощевик, драгоценную царскую шапку «Большого Наряда», княжеский пояс, золотую цепь, скипетр и державу), потом совершить шествие в Архангельский собор и Никольский храм. Вокруг него в толпу бросали коронационные монеты из золота и серебра, а сам он, облаченный в тяжелое золототканое одеяние, «плыл» по летней жаре от одного храма к другому. Всё это происходило неспешно и призвано было создать впечатление роскоши, блеска. Совершив все традиционные действия, царь оставался пировать с избранными людьми. Пир мог затянуться надолго… Если представить себе картину венчальных торжеств от начала и до конца, станет ясно: пока царское здоровье оставляло желать лучшего, монарха просто не рискнули бы выпустить на столь долгое и тяжкое действо.

Значит, к тому времени Федор Алексеевич больше не жаловался на болезнь.

С этого момента в борьбе «партий» наступила полная определенность: «Когда царь Феодор, выздоровев, венчался на царство, то, помня недоброжелательство к себе Артемона и опасаясь

козней и отравы с его стороны (распустили молву, будто Артемон чернокнижник и водится со злыми духами, о чем пытали его слуг и даже карлика), наказав кнутом его самого и его сына, сослал в ссылку в Верхотурье»[30]. До столь дальних мест Матвеев не доехал. Его доставили в Казань, там произвели над ним следствие и лишили боярского чина, а вместе с ним земельных владений. Оттуда могучий временщик предыдущего царствования отправился в захолустный Пустозерск.

Возникает вопрос: чего было больше в действиях Федора Алексеевича — личного или кланового? Сам ли государь принимал решение удалить Матвеева, или же его рукой, подписывавшей соответствующий указ, руководила воля родни — Милославских? И в конечном итоге кто действительно правил страной, пока царь оставался в отроческом возрасте, — он сам или же придворная партия Милославских — Долгоруких?

Это один из важнейших вопросов, касающихся не только восшествия на престол, но и всего царствования третьего монарха из рода Романовых.

Ответить на него очень непросто. В сущности, прямого, однозначного ответа сейчас наука не дает, да и вряд ли он когда-нибудь появится. Жизнь двора, а особенно царской семьи, отличалась крайней закрытостью. Любопытствующие взоры подданных и еще того более — иноземцев — редко вырывали какие-либо примечательные детали из семейного быта ранних Романовых. Вглядываясь в их судьбы, многое приходится угадывать, додумывать, оставлять на уровне предположений.

Итак, формально колоссальной страной правил юный царь. От его имени выходили указы, направлялись инструкции воеводам в городах и полках, назначались и снимались должностные лица. Но Россия того времени обладала мощным слоем «служилой аристократии» — превосходной военно-политической элиты. А та отлично умела распоряжаться государственными делами в отсутствие всякого царя или даже навязывала царю свою волю — как происходило, например, в малолетство Ивана Грозного. Правда, ее самовольство и корыстолюбие могли нанести вред, а еще того более вред происходил бы от постоянных свар в ее среде. Но урон подобного рода нарастал бы постепенно, он сделался бы очевидным в течение нескольких лет, а не сразу. И только тогда стало бы ясно, что дела вершит узкий круг знати, а истинного правителя нет.

В отношении короткого царствования Федора Алексеевича трудно сделать определенные выводы.

Большинство исследователей уверены: в 1679—1682 годах Федор Алексеевич ведет себя как полноправный самодержец. Действительно, на протяжении двух-трех последних лет своего царствования Федор Алексеевич постоянно и активно вмешивается в важнейшие государственные дела, на реформах того времени лежит явственный отпечаток его личности. Он правит деятельно, затевает всё новые и новые проекты, борется за их осуществление, маневрирует, когда прямой приступ не удается. Сомнений нет: бразды правления принадлежат государю.

Но как обстояли дела до того?

Федор Алексеевич был юн, хвор, неопытен в державной работе. Отсюда просится вывод: рядом с ним, его руками правила та же самая «служилая аристократия»: Долгорукие, Одоевские, Милославские, близкий к ним по значимости клан Хитрово и т. п. И современный историк Н.Ф. Демидова с полной четкостью выразила эту мысль: «Существует ошибочная оценка царствования Федора как продолжения предшествующего правления, дальнейшего развития

преобразовательной деятельности Алексея Михайловича. Это не совсем верно, так как правление Федора распадалось на две примерно равные половины, различные по своей направленности (с 1676 г. по середину 1679 г. и с середины 1679 г. по начало 1682 г.)». И далее: «В первые годы фактически к власти пришла партия Милославских, которую возглавлял ближайший родственник царя, двоюродный дядя И.М. Милославский… Второй силой в правлении страной были примкнувшие к Милославскому деятели предыдущего периода — Ю.А. Долгорукий, Б.И. Хитрово и Я.Н. Одоевский… Деятели обеих групп захватили в свои руки управление большей частью центральных учреждений (приказов), в том числе наиболее доходных, то есть связанных с денежными сборами. Милославский, Хитрово и Одоевский возглавляли одновременно по 6—7 приказов каждый. Под управлением Долгорукова находилось несколько меньшее количество учреждений… Наблюдалась тенденция к "оттиранию" Милославским остальных своих соправителей от решения государственных вопросов, к единоличному управлению болезненным и слабым племянником»[31]. Другой современный историк, П.В. Седов, также прослеживает «…возрастание личного участия царя Федора Алексеевича в государственных делах… с 1679 г., хотя у него недоставало еще опыта и силы воли, чтобы настоять на своем решении». По наблюдениям автора этих строк, активность Федора Алексеевича как правителя начинает увеличиваться уже в 1678 году, но никак не раньше.

О том, сколь значительной силой обладали между 1676 и 1679 годами Милославские, а с ними и другие аристократические семейства, разговор пойдет ниже, в главе «Реформатор». Но для начала следует избавиться от нескольких стереотипов относительно Федора Алексеевича, кочующих из книги в книгу.

Во-первых, взросление мужчины в условиях допетровской Руси происходило очень рано. Сверстники юного царя садились в седло, брали в руки оружие и отправлялись сражаться против турок, татар, поляков, шведов — словом, куда пошлют. Пятнадцать лет — возраст, с которого все дворяне, от нищих «городовых» помещиков до выходцев из высшей знати, начинали служить «на великого государя». К тому времени они порой успевали жениться.

Выходит, пусть новый царь и юн, но в глазах страны он вовсе не выглядит мальчишкой. Да, его опекают родственники. Однако их опеке есть своя граница. Если государь пожелает одного, а они — другого, то он имеет полное право поступить по-своему. И никто из подданных не удивится и не осудит его за это.

Во-вторых, не стоит думать, что Федор Алексеевич проболел всё свое царствование. Это, мягко говоря, преувеличение. Да, время от времени ему становилось плохо. Расхворался он в первые месяцы правления, болел с декабря 1677 года по февраль 1678-го, страдал от тяжелого заболевания в начале 1678 года, мучился зимой 1678/79-го, и новый приступ нездоровья унес его в могилу на рассвете 1682 года. Но в промежутках между ухудшениями здоровья царь, видимо, чувствовал себя нормально. Любил музыку, поэзию, верховую езду и высоко ценил хороших лошадей. Ездил на длительные богомолья. Наконец, принимал иноземных послов, и когда читаешь их отзывы, то вовсе не возникает впечатления, что они общались с какой-то бледной немочью.

Показательны воспоминания иезуита Бернгарда Таннера, оказавшегося в свите князя Михаила Чарторыйского — польского посла ко двору Федора Алексеевича в 1678 году. Он пишет: «На… троне высоко восседал великий князь московский. Величие его, к удивлению присутствовавших, превосходило его возраст (ему было 18 лет); голову князя украшала блиставшая шапка, поверх коей была золотая, богато украшенная дорогими каменьями и другими драгоценностями корона; в руках был княжеский скипетр. Кафтан (tunica), на который от чрезмерного блеска (я стоял близко) нельзя было пристально смотреть, был столь роскошен,

что и после, при возвращении на посольское подворье, только и было разговору что о нем. Верхнее одеяние (paludameutum), накинутое как мантия, так блистало алмазами и жемчужинами, что московского царя, красовавшегося в этом убранстве, назвали убранным звездами солнцем (!) По сторонам трона стояли четыре служителя с оружием… и великий маршалок, по имени Долгорукий, через которого князь говорил с послами. Остальную часть палаты наполняли сановники и прочая знать числом свыше пятидесяти. Наряды их, казалось, затмевали один другой… Сам князь обратился к стоявшим у самых ступеней престола послам с такими словами: "Как се брат наш Ян, круль польски, мают, то есть как здоров брат наш Ян, король польский?"»[32].

Итак, «болезненный и слабый» государь Федор Алексеевич сидит на троне под тяжестью роскошного одеяния, усыпанного драгоценными камнями, и ведет беседы на польском языке. Он оставляет впечатление полнейшего великолепия у самых упорных и самых опасных врагов России на протяжении всего XVII века.

Позднее Таннер увидит его еще несколько раз. Например, в день произнесения присяги о соблюдении договорных условий.

Вот соответствующий отрывок из его записок (август 1678 года): «Сначала пришел как бы епископ с несколькими попами, несшими книгу Евангелие. Когда разместились они перед троном, епископ (supremus praefectus) стал говорить формулу присяги, которую царь, наклонив немного голову, повторял и так проговорил всю до конца. С окончанием ее условия сенаторов наконец были утверждены прочно, и предприятие послов кончилось с успехом. Царь велел также передать королю условия договора, и стоявший при нем князь сейчас же, поклонясь перед троном, подошел к послам и вручил им государеву грамоту… запечатанную великой печатью»[33].

Вновь видно: царь свободно разговаривает с послами, легко воспроизводит длинную формулу присягания, руководит своими вельможами… Никакой «болезненности» нет и в помине.

Остается сделать вывод: в биографии царя Федора Алексеевича выдавались длительные промежутки, когда нездоровье отступало. Тогда он мог полноценно осуществлять свои планы.

Что же касается неопытности Федора Алексеевича, не стоит забывать: он получил изрядное по тем временам образование, к тому же отец на протяжении как минимум нескольких месяцев приучал его к государственным делам. Это совсем не тот «несмысленный» юноша, каким вступал на престол его дед, Михаил Федорович. Государь Федор Алексеевич знал и понимал многое.

Допустим, первое время — год, два, от силы три, — ему действительно помогали родственники, а также их влиятельные союзники. Их воля, по всей вероятности, имела преобладающее значение. Новый монарх еще только пробовал свои силы, только входил в роль правителя. Однако *не видно причин, по которым государь не мог проявить собственную волю уже тогда*. У юного царя имелись возможности настоять на своем — хотя бы по некоторым вопросам. Правда, серьезным ограничителем его деятельности стало отсутствие «команды» — группы «ближних людей», готовых с необходимым рвением проводить его замыслы в жизнь.

Итак, на протяжении первых лет царствования Федора Алексеевича, скорее всего, важнейшие вопросы решались его родней Милославскими и союзными им семействами знати. Но нельзя механически исключить самого государя из большой политики. Вероятно, царь так или иначе влиял на политический курс.

В деле Матвеева, надо полагать, важную роль сыграл сам государь. Не только у рода Милославских с приснными имелись причины враждебно относиться к Матвееву, но и лично у монарха. Дело тут не в нескольких часах, проведенных под замком, — пусть это и унизительно. Конфликт уходил корнями в последние годы правления Алексея Михайловича. Уже тогда Матвеев старался оттеснить Милославских на периферию царского двора, уже тогда он сделался их притеснителем. Эта его неблаговидная роль, как видно, получила широкую известность. О ней знали даже заезжие иностранцы. «При жизни прежнего царя Алексея Михайловича царским двором управлял Артемон Сергеевич и [он же] был посольским канцлером. Когда первая супруга царя Мария Ильинична Милославская умерла, оставив после себя двух сыновей и шесть незамужних дочерей, Артемон начал преследовать этих последних и усилил свои преследования еще более после того, как добился того, что царь женился на его родственнице Наталии Кирилловне, дочери смоленского капитана Кирилла Нарышкина»[34]— так напишет один из них. И этим словам нет причин не доверять. Слишком тесно связал себя Артамон Матвеев с Нарышкиными, слишком энергично вел он свою родню к трону, чтобы водить дружбу с прямыми конкурентами.

Ну а Федор Алексеевич уже дорос до того возраста, когда подобные вещи становятся ясны и обидны. Став монархом, он не имел причин щадить человека, ставшего во враждебные отношения и с его родом, и с ним самим. Власть Артамона Сергеевича, ставшая последние годы весьма значительной, осталась без той незыблемой опоры, которую давала монаршая благосклонность. Самостоятельно удержаться у власти он не мог: «служилая аристократия» отворачивалась от него — худородного выскочки. Матвеев, один из крупнейших государственных деятелей предыдущего царствования, оказался и неприятен новому царю, и небезопасен для него.

Что ж, царь распрощался с этим вельможей без сожалений.

Любопытно, что до венчания Федора Алексеевича на царство Милославские не могли уничтожить Матвеева. Они сумели всего-навсего лишить временщика власти над Аптекарским приказом. Тут, допустим, речь шла о жизни и смерти: Аптекарский приказ обеспечивал здоровье государевой семьи и прежде всего самого монарха. Но дипломатическое ведомство оставалось у Матвеева под контролем. Его убрали со всех постов и отправили в ссылку лишь к исходу лета. И, возможно, сделали это не Милославские всем скопом, а царь-отрок: он почувствовал себя венчанным государем и не пожелал оставить Матвеева в опасной близости от себя.

Нарышкины — вдовствующая царица Наталья Кирилловна, царевич Петр, царевны Наталья и Феодора — не пострадали. Разве что отошли в жизни двора на второй план, да братьев Натальи Кирилловны сослали.

Возможно, всем остальным защитой послужило доброе отношение юного царя. В глазах Милославских Наталья Кирилловна и ее детвора были никто. Хуже чем никто! Возможные претенденты на власть. Следовательно, они представляли собой живую угрозу. С ними могли сотворить большое лихо — тайно ли, явно ли… Но, как видно, Федор Алексеевич видел в мальчике Петре и девочках-царевнах братишку и сестренок.

Не врагов, а родную кровь. А потому не позволял отогнать их подальше от двора и тем более обвинить в каких-либо тяжких преступлениях. О Петре он даже позаботился — устроил ему при кремлевских палатах «потешную площадку» с разнообразным воинским снаряжением и отыскал с течением времени хороших учителей.

* * *

Итак, тусклое, хворое солнышко нового царя медленно всходило над Русской землей. Оно поднималось из туманов, коими укрыта попытка дворцового переворота, из теней, прячущих зависть и злобу при дворе. Оно стремилось выше свинцовых дождей лжи, выше оловянных туч недоброжелательства. Находились те, кто с удовольствием убрал бы его с небосвода…

Но Бог велел ему взойти, и оно послушно отправилось в зенит.

Государю Федору Алексеевичу предстояли шесть лет правления.

Семейные радости царя-«западника»

В чем более полно проявляет себя человек, нежели в супружеских отношениях? Брак, семья, дети — вот где характер раскрывается с наибольшей ясностью.

К сожалению, с этой стороны к личности государя Федора Алексеевича подобраться крайне трудно. Дважды он пытался создать семью. Но первое его супружество было кратким, а второе — просто мимолетным. Духовный склад царя виден через эту призму до крайности расплывчато. Можно разглядеть некоторые детали, порой случайные, маловажные, а те глубинные платформы, на которые опирался весь строй его мышления, едва угадываются, не более того…

С первым браком Федору Алексеевичу и повезло, и не повезло[35].

* * *

С одной стороны, он сделал своей супругой женщину, которую сам выбрал и которую, как видно, полюбил. Он видел перед собой добрый пример отца: тот дважды женился по любви, и оба брака вышли удачными. Никаких скандалов, супружеских измен, разводов, ни единого слуха о каких-нибудь фаворитках на стороне, и — целая орава детишек. Алексей Михайлович являлся идеальным семьянином. И семейное благополучие становилось для него утешением в трудные времена. Хотел ли его отпрыск пойти по отцовскому пути? Наверное, да.

Его избранница, Агафья Семеновна Грушецкая, происходила из семейства смоленской шляхты, служившего то государям московским, то литовским магнатам; девушка сиротствовала в доме у тетки — жены окольничего Семена Ивановича Заборовского[36]. Царь засмотрелся на нее во время крестного хода на Вербное воскресенье 4 апреля 1680 года[37]. Или, возможно, ему помогли «разглядеть» красавицу. Во всяком случае, за хлопоты, приближающие близкое знакомство, а потом и брак, взялся неслучайный человек — будущий большой вельможа, а пока худородный постельничий Иван Максимович Языков. При особе государевой он являлся креатурой могущественных «партий» князей Долгоруких и Хитрово.

В исторической литературе высказывалась версия, согласно которой вся «интрига» с Агафьей Грушецкой изначально направлялась против Милославских. Но это всего лишь гипотеза, и вряд ли когда-нибудь удастся ее до конца подтвердить или до конца опровергнуть. В любом случае родня Федора Алексеевича — Милославские — не одобрила царский выбор. Ему подыскивали другую невесту, более выгодную с точки зрения расстановки сил при дворе. В глазах людей, возглавлявших аристократические «партии» дворца, Агафья Семеновна — никто. Нулевая величина. Человек со стороны. Для родовитой знати — Голицыных, Трубецких, Одоевских, Хованских, Шереметевых и т. п. — эта женщина была как красная тряпка для быка: худородная, чужая. В лучшем случае — живая деталь чьей-то многоходовой интриги. Милославские воспротивились было такому союзу, попытались надавить на Федора Алексеевича, но тут молодой царь проявил характер. Федор Алексеевич, точно так же как

когда-то его отец, презрел все эти расчеты. Он уперся и пошел против воли родни.

18 июля 1680 года Федор Алексеевич венчался с Агафьей Семеновной. Торжество прошло скромно, на него пригласили немногих приближенных. Всего на венчании присутствовало полтора десятка человек, и для Москвы, любившей пышные празднества, столь малолюдная церемония шла вразрез со старинными обычаями. Бог весть, что тут причиной. Остроумное предположение сделано современным историком: «Это явное отступление от дедовских традиций… явилось первым проявлением личного вкуса царя, который не любил… многолюдных сборищ»[38]. В конце концов, молодого монарха можно понять: победив родню в одном, он уже и в другом желал сделать все по-своему.

* * *

С другой стороны, уж очень быстро исчерпалось семейное счастье царя. Всё оно без остатка уместилось в один год.

В июле 1681-го царица Агафья разродилась мальчиком. Царевича нарекли Ильей. Спустя несколько дней мать сошла в могилу от родовой горячки. Всей душой надеясь на то, что выживет хотя бы царевич Илья, царь пожаловал бывшему опекуну царицы Заборовскому боярский чин. Словно сказал ему: «Велико наше с тобою горе, старик, но хотя бы мальчик жив, так не будем падать духом!» Еще через неделю Бог забрал и младенца. Больше детей у Федора Алексеевича не было…

Печальная история. Была ли женитьба царя итогом какой-то скрытой борьбы при дворе, или же Федор Алексеевич просто влюбился, но к жене он испытывал самые теплые чувства.

Историк В. Н. Татищев, близкие родственники коего получали во второй половине XVII века «дворовые» (придворные) и даже думные чины, наверное, с их слов рассказывает о самых нежных отношениях царя и царицы: «Сей государь супружеством своим с царицею Агафиею Семионовною в полном веселии крайнею любовью угобжались[39] и образом супружеской любви истинную добродетель на себе изъявляли…»[40]

Более того, сделав своей избранницей Грушецкую, Федор Алексеевич претерпел немало огорчений, прежде чем смог соединиться с нею. По словам того же Татищева, Агафья Семеновна долгое время ходила в тайных невестах, имя ее не оглашалось широко. И даже в этих условиях девушка пострадала от клеветы, а монаршие планы супружества чуть не расстроились.

Открытое знакомство в ту пору сочли бы неприличным. Да оно могло просто бы поставить Агафью Семеновну в угрожающее положение! При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче царских невест неоднократно выводили из большой политической игры поклепом, отравой и иными мучительствами. А при самом Федоре Алексеевиче по Москве бродила история: хотели-де сделать царской невестой грузинскую княжну Давыдову (Давитишвили), да завистники попортили ей лицо ядом[41].

Верный Языков по просьбе Федора Алексеевича тишком посетил дом Заборовских, познакомился с девицей и передал свои впечатления царю. Очевидно, отчет его был составлен в самых добрых словах. Окольничему строго наказали: «…чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал. Которое [распоряжение] неколико времени тайно содержано было; но когда его величество изволил вначале Милославскому[42] объявить, что он намерен жениться, и оную Грушецкую представил, но Милославский о браке весьма за нужное[43] советовал, а о персоне просил, чтоб ему дал время уведомиться» — иными словами, навести

справки. Как уже говорилось выше, Милославские принялись отваживать Федора Алексеевича от его намерений. Но тут, пожалуй, видны лишь навязчивость и недостаток здравого смысла. Ничего сверхъестественного: семейные препирательства, отягощенные властолюбивой амбицией. Однако вслед за этим И. Милославский произвел шаги, которые никоим образом не назовешь нравственными: «Умыслил государю оную (Агафью Семеновну. — *Д. В.)*тяжким поношением омерзить, представляя, что якобы мать ее и она в некоторых непристойностях известны… Сие привело его величество в великую печаль, что не хотел и кушать. Но Языков прилежно о причине выспрашивал у его величества, на что тот истину изволил… объявить. Языков же, узнав хитрость Милославского, немедленно с позволения его величества в дом оного Заборовского с Лихачевым[44] поехали и ему о том объявили, чтоб он обстоятельно о состоянии ея уведомил… Как то было страшно тому дяде и племяннице, и как стыд о таком деле девице говорить, а особливо тогда, когда еще девицу мало посторонние мущины видали, оное всяк легко догадаться может. Однако ж сия девица, познав, что то напрасная на нее некая клевета… сказала дяде (Заборовскому. — *Д. В.),* что она не стыдится сама оным великим господам истину показать. И по требованию их вышед, сказала, чтоб они о ее чести никоего сомнения не имели, и она их в том под по-терянием своего живота утверждает. Как оные от его величества со страхом и печалию отъехали, так с радостью и упованием, возвратясь донесли»[45]. Великий век, когда женщине на слово верили в делах, касающихся чести!

Царь, ободренный, решил тайно взглянуть на женщину, приводившую его душу в трепет. 10 июня 1680 года он поехал гулять на Воробьевы горы, а по дороге «случайно» проехал мимо двора Заборовских в Китай-городе[46]. Применяясь к строгому брачному обычаю старой Москвы, но и чая больших выгод от царского благоволения, родня показала Федору Алексеевичу любезную ему девицу в чердачном окне. Только и всего. Для современного человека — не бог весть какое свидание! Но XVII век жил иными устоями. Брак устраивали родители, главы рода, свахи, друзья да подружки. Сами «молодые» иной раз впервые знакомились на свадьбе. По-житейски открывали перед женихами занавеску — чуть-чуть, блюдя честь семейства. Да и то лишь перед желанными, приятными женихами…

Кто ж не приоткроет занавеску, когда сам великий государь, томясь страстными мечтаниями, вперяет взор в чердачное окно?

Дело сладилось быстро. Увидел юный царь свою лебедушку, а может, она еще улыбнулась ему из окошка, — и брак совершился в самое непродолжительное время. Середина июня принесла во дворец престранное действо: «формальные» смотрины царских невест, итог которых давно был ведом знающим людям. А там и свадьба…

По нравам той эпохи история с милым лицом, увиденным во время крестного хода, да с клеветой, да со страдательной кручиной, да со смелым ответом девицы, да с видом на чердачное окно должна была считаться дерзкой и романтической. Ничего не утаишь от царедворцев! Слухи о приключениях влюбленного монарха, надо полагать, еще долго тревожили умы, дразня настоящим романным сюжетом.

Иван Милославский пережил опалу, притом опалу скандальную. Царь, разъярившись, кричал на него, гнал из дворца, а царица упрашивала явить милость. Как видно, Агафья Семеновна оказалась женщиной добронравной и рассудительной. К чему затевать свары с родней супруга? В семье худой мир лучше доброй войны… Но влияние Милославских при дворе начало постепенно уменьшаться. Они, как видно, не рассчитали сил: мечтали руководить царством, направляя монарха, а монарх очень рано пожелал самостоятельности. Попытка ближайших родственников навязать свой взгляд в столь тонком вопросе, как супружество, лишь усилила его тягу избавляться от опеки любого рода.

Вникнув во все эти перипетии, можно увидеть, сколь дорого далось Федору Алексеевичу его чувство! Требовалось изрядное упорство, дабы не отступиться от него. Дед государя, Михаил Федорович, при схожих обстоятельствах отступился…

Что ж, тем выше Федор Алексеевич ценил краткое счастье своего брака, тем больше радости принесла царю весть о беременности супруги.

И тем страшнее ударила по нему смерть жены…

Потеряв любимую, он многие дни провел в молчании, ничего не ел, отказывался от любых увеселений. Горечь этой утраты подорвала его здоровье. С того момента, когда царь надел траур, прошло менее года до его собственной смерти. Печаль отняла у Федора Алексеевича душевные силы для борьбы с хворями, и только долг правителя еще поддерживал волю к жизни.

* * *

Агафье Грушецкой приписывают весьма сильное влияние на царя. Притом влияние это будто бы распространялось не только на семейные дела, но и на державные вопросы. В ней видели человека, способного сблизить царя с католической Европой и уж как минимум помочь московским католикам в одном чрезвычайно важном для них начинании.

На этом стоит остановиться подробнее.

В Москве издавна селились представители западнохристианского вероисповедания. Еще в XV веке, при Иване Великом, тут обитали католики-итальянцы. Постепенно европейский «сектор» столицы становился всё многолюднее. В XVI веке на территории Москвы возникло большое постоянное поселение, где жили исключительно европейцы. Из числа русских тут могли находиться разве что слуги да наемные люди. Здесь обитали представители разных народов: немцы, французы, англичане, голландцы, шотландцы, итальянцы и т. д. В России они служили как военные специалисты, врачи, люди с разного рода инженерными навыками, торговцы и фабриканты.

Когда-то они требовались московскому правительству еще и как литейщики, типографы, архитекторы. Но Россия быстро училась, и довольно быстро появились русские мастера, отлично справлявшиеся и со сложным строительством, и с изготовлением пушек, и с книгопечатанием.

Однако иноземцев по-прежнему охотно нанимали на военную службу. К их услугам прибегали, когда требовалось наладить выгодный сбыт казенных товаров на запад и, что важнее, импорт стратегически важных предметов. Их звали, чтобы наладить какое-нибудь сложное производство. Спрос на услуги выходцев из Западной Европы в XVII веке не упал, а даже вырос.

Значительная их часть жила в Москве годами. Некоторые сделались подданными русского государя и осели здесь навсегда. Многие даже приняли православие. Иначе говоря, во второй половине XVII столетия появились семьи московских иноземцев, утратившие связь с «исторической родиной». Представители молодого поколения уже не покидали своего пристанища в Москве, не мыслили об отъезде на землю предков.

Большинство московских иноземцев обитали в Немецкой слободе — своего рода «городе в городе». Ее жители не сливались с русскими. Они носили одежду на европейский лад, по-своему строили и обставляли дома, мостили улицы, заводили собственные школы, имели собственные питейные заведения. Тут развлекались иначе, нежели во всей остальной Москве,

и отмечали праздники в другое время. Жили дружно.

Однако и в глазах московского правительства, и в представлениях самих жителей Немецкой слободы единой «европейской диаспоры» не сложилось. Правильнее говорить о двух диаспорах, жестко разделенных в быту и мировидении по религиозному признаку.

Католики и протестанты очень хорошо осознавали взаимные различия.

Более того, и государи московские отлично видели разницу между ними. Протестанты численно преобладали. Протестантам выказывалось и более благоволения от русских властей. Им даже позволили завести собственные храмы. Так, на территории Немецкой слободы появились две лютеранские кирхи, а также кальвинистский храм, существовавшие абсолютно официально. Правительство терпело протестантские церкви, главным образом желая ублаготворить весьма полезных для государственной казны людей — голландских, английских и скандинавских купцов.

Католикам ничего подобного не разрешали. Они неоднократно обращались с просьбами не препятствовать им в строительстве костела, однако всякий раз получали решительный отказ. Время от времени значительные иностранные государи (например, французский и польский короли) направляли российскому правительству пожелания в том же духе: дать католичеству простор на территории Московской державы и позволить возведение храмов. Прежде всего конечно же имелось в виду сооружение таковых в Немецкой слободе. Но наши государи о подобных уступках и слышать не желали.

Курляндец Яков Рейтенфельс, живший в России с 1671 по 1673 год, а впоследствии выдвинувший несколько проектов миссионерского наступления в России, с печалью ревностного католика констатировал: «Лишь римским католикам до сих пор не разрешено иметь своего священника в Москве, хотя немало католиков… занимают у русских как военные, так и гражданские должности… До того сильна исстари вражда между греческою и латинскою Церковью, что она, по-видимому, не поддается никакому человеческому врачеванию»[47].

При Федоре Алексеевиче упования католиков на успех в этом деле ожили с новой силой. Ведь новый русский монарх имел репутацию правителя, склонного к европейской культуре, просвещенного и милостивого к европейским служильцам.

Казалось бы, у адептов папского престола имелись самые серьезные основания для оптимизма. Виднейший приближенный Федора Алексеевича, князь В.В. Голицын, выказывал явное благорасположение и к польской культуре, и к католической вере. Наставник самого царя Симеон Полоцкий получил образование в католических учебных заведениях. Не утратив православия, по богословским вопросам он во многом перешел на западнохристианские позиции. А Федор Алексеевич тесно общался со своим учителем на протяжении десятка лет, почитал его, доверял ему.

Кроме того, католики, особенно поляки, возлагали большую надежду на царицу Агафью. В ней видели отменного проводника «правильного» влияния на государя. Один из иноземцев высказался с большой откровенностью: «Эта царица была по отцу польского происхождения. Выйдя замуж за царя, она сделала много добра Московскому царству… При ней стали заводить в Москве польские и латинские школы. Также предполагалось выбрасывать из церкви те иконы, которые каждый из них считает своим Богом и не позволяет никому другому поклоняться и ставить зажженных свечей. Эти нововведения в Москве партия царя Феодора… недоброжелатели, из приверженцев Артемона (Матвеева. — *Д. В.),* порицали, говоря, что скоро и ляцкую веру вслед за своими сторонниками начнет вводить в Москве и родниться с ляхами,

подобно царю Димитрию, женившемуся на дочери Мнишка»[48].

Другой иноземец уверял, что «Феодор намеревался построить Римскую церковь с училищами в Смоленске, и на это дал привилегию с известными доходами. Долгорукий всячески старался сделать недействительным это похвальное предположение и уговаривал бояр отклонить государя во что бы то ни стало от его намерения; но они не осмелились беспокоить государя на счет этого явно»[49].

Причина кривотолков насчет «ляцкой веры» заключалась конечно же не в озлобленности клевретов Матвеева и всей «партии» Нарышкиных. На поляков смотрели косо после многих десятилетий вооруженной борьбы с ними, шедшей с переменным успехом, после того, как они выжгли Москву во время Великой смуты (1611), после долгой и страшной войны за Украину, в конечном итоге проигранной поляками, но дорого стоившей Московскому государству. Католичество прочно связывалось в умах с поляками, а те являлись «живой рекомендацией» самого скверного качества. Притом русская знать не прочь была перенять у поляков и их одежды, и их обычаи, и «шляхетскую вольность», а вот всем остальным полонизация ничего доброго не сулила. Таким образом, старомосковское общество, помимо самой его верхушки, видело в поляках и католицизме нечто нерасторжимое и притом весьма неприятное. Ну а сторонники Нарышкиных составляли царю и его родне, Милославским, своего рода «оппозицию». Они, вероятно, использовали иноземные пристрастия венценосной четы, настраивая против них простонародье.

Возникает вопрос: отчего же протестантам русские власти благоволили больше — как прежде, так и при Федоре Алексеевиче? Неужели оказались забыты кровопролитные столкновения с протестантской Швецией? Казалось бы, история войн с ней уходит в глубокую древность. И даже если принять во внимание только те русско-шведские вооруженные конфликты, которые произошли уже во времена существования Московского государства, то список выйдет очень значительным: столкновение при Иване Великом, две войны при Иване Грозном, еще одна при Федоре Ивановиче, чрезвычайно долгая и кровопролитная борьба во времена Великой смуты и, наконец, относительно недавнее противоборство во времена Алексея Михайловича.

Чем же поляки оказались хуже, вреднее шведов? Причина кроется, очевидно, не в национальных особенностях, а в государственной политике по делам веры. С XIV века на западнорусских землях, оказавшихся в подчинении Польско-Литовского государства, идет целенаправленное вытеснение православия. Оно то усиливается, то затухает, но если оценивать не отдельные отрезки, а периоды большой длительности, то положение православных неуклонно ухудшается. Притом с конца XVI века эти усилия правительства Речи Посполитой и эмиссаров Рима получают форму тяжелого притеснения православных общин. Здесь, на землях, заселенных восточными славянами, которые в будущем разделятся на великороссов, украинцев и белорусов, активно действует боевой авангард католической церкви — иезуиты. И страшное напряжение конфессиональной войны без конца питает взаимную ненависть. Огромная полоса земель, протянувшихся от Прибалтики до таврических степей, — Смоленщина, Северская область, Приднепровье, Полоцкая и Минская земли — на протяжении очень долгого времени буквально кипит малыми стычками и большими битвами православия с католичеством. И вдруг Москва наполняется разговорами: царь-то слабину дал, поддается папе римскому! Если бы такое действительно начало происходить, что ж, это было бы масштабным политическим сдвигом, очень серьезным изменением правительственного курса.

Костел в Московии — большая новость для половины Европы.

Но была ли в действительности сколько-нибудь серьезная почва под этими слухами о благоволении монарха католическому делу? И как далеко продвинулся царь Федор Алексеевич

в своих уступках католицизму?

До женитьбы на Агафье Грушецкой ни о каких послаблениях речь не шла. Напротив, царь, как и всё русское правительство, самым решительным образом отвергал любое движение католичества в Россию.

Тут стоит дать слово иезуиту Таннеру — человеку, в высшей степени заинтересованному в переговорах на сей счет. По его словам, все усилия польского посольства во главе с Чарторыйским, направленные к решению этой конфессиональной задачи, были тщетны.

25 мая 1678 года «собравшаяся Дума… впервые услышала о причинах посольства. Главными считались: перемирие с царем на 14 лет, случение сил и заключение союза против турок, возвращение городов — Смоленска, Киева, старостваВелижского, которые отняты были у поляков, и наконец, допущение католического богослужения. *Насчет последней статьи, вслед за первым же предложением, царь сказал, чтоб и помину не быяо*(курсив мой. — *Д. В.)».* Далее автор горько иронизирует: «Они так привержены… к католической истине, что не хотят о ней и слышать, тогда как богослужение иных исповеданий не только допускают, но содержат даже на свой счет проповедников и пасторов»[50].

В другом месте Таннер выражается еще определеннее: «По просьбе католиков [Немецкой слободы] посол, мой князь, просил было царя позволить им содержать на свой счет католического священника; но схизматикам ненавистно имя папы — просьба не имела успеха»[51]. Послы добивались разрешения выстроить костел хотя бы в Смоленске, относительно недавно отвоеванном у Речи Посполитой, но и тут ничего не достигли.

Таким образом, видна четкая позиция: то, что дозволено в России протестантам, католикам строго запрещено.

Но, может быть, затем Федор Алексеевич поддался на уговоры супруги? Женился-то он двумя годами позднее посольства Чарторыйского. С этой точки зрения более веры заслуживают известия, относящиеся к последним годам царствования — с лета 1680-го и позднее. Лучше всего дать слово самим католикам: они зорче кого бы то ни было приглядывались к обстоятельствам, связанным с распространением их веры.

Все точки над «i» расставляет дневник императорского посольства в Москву, составленный его секретарем Иоганном Корбом в 1698 году. Останки царя Федора Алексеевича, надо заметить, вот уже 16 лет как покоятся в гробу. Царствует его младший брат Петр.

Между тем в отношении Смоленска Корб сообщает: «11 апреля было проведено нами в Смоленске. Эта пограничная крепость Московского государства не более как 40 лет тому назад возвращена от Польши. С прекращением владычества поляков католическое исповедание здесь совершенно упало; иезуиты, доминиканцы, францисканцы и августинцы изгнаны из своих монастырей[52], их заменили русские иноки». Ни слова о каких-либо католических костелах, возведенных при Федоре Алексеевиче, ни слова о каких-либо католических училищах! Притом что команда католических миссионеров составляет часть посольства… По приезде в Москву посольские люди знакомятся с положением дел в Немецкой слободе. И тут Корб замечает: «в последнее время», то есть совсем недавно, «…в Немецкой слободе выстроена первая католическая церковь: она деревянная»[53]. Значит, ни при Федоре Алексеевиче, ни в правление царевны Софьи вопрос о возведении католического храма положительно решен не был.

Этот вывод подтверждается строками из письма императорского миссионера Франциска

Эмилиана, прибывшего с посольством. По его словам, посольство обнаружило на территории Немецкой слободы «…часовенку деревянную, в длину 18 шагов. А вышина ее в той части, где стоит народ, была такова, что можно было достать до потолка рукою». Посол выдал средства, необходимые для перестройки здания. Оно удлинилось до тридцати шести шагов, «…в вышину везде поднята на 10 локтей, украшена двойным рядом окон с большими стеклами и… имеет удобные и как бы тайные хоры». Итак, московские католики использовали свежесрубленную хибарку в качестве «часовни» или, по словам другого участника посольства, «молельни»[54]. А настоящий храм появился лишь в результате посольской щедрости в 1698 году.

Русские источники также не дают поводов говорить, что в царствование Федора Алексеевича строились костелы на средства жителей Немецкой слободы или католиков Смоленска. Напротив, началось восстановление православного Успенского собора в Смоленске, 65 лет назад поврежденного взрывом. Да и «римских» училищ не появилось. Можно говорить лишь о возобновлении школы в московском Заиконо-спасском монастыре, где преподавание строилось на изучении латыни[55]. Но к католическому вероисповеданию это училище не имело ни малейшего отношения. Латынь там использовали как инструмент учебного процесса, а не как орудие проповеди.

Напрашивается вывод: даже если царица Агафья испытывала какую-то тягу к польской культуре и католическим обычаям, на вероисповедные приоритеты супруга это никак не повлияло. Во всем, что касалось незыблемости позиций православия в России, он остался тверд. Никаких послаблений царем не допускалось. Католическая диаспора Москвы, вернее, Немецкой слободы, потерпела поражение.

Сообщество католиков добилось заметного «продвижения» своего дела лишь позднее — при политическом господстве царевны Софьи и ее фаворита князя В. В. Голицына. Тогда в Москву официально пустили католических священников, тогда же прибыли иезуиты: на сей счет известны неоспоримые факты. Но до кончины Федора Алексеевича ничего подобного не происходило.

* * *

Как видно, «западническое» стремление монаршего ума имело строго отмеренные пределы.

Самое время определить, в чем оно выражалось. Позднейшие историки именовали царя то «полонофилом», а то и прямо «европейцем на русском престоле». Но, кажется, Федор Алексеевич по складу личности плохо умещается в рамки какого-либо идейного направления. Широкий был человек, в нем порой безо всякого борения соединялись вещи, для иного человека и для иного времени совершенно несовместимые.

Федор Алексеевич любил аллегорическую живопись в западном стиле и украшал ею новые постройки, возведенные по его указу. Русские художники Богдан Салтанов, Иван Безмин,

Иван Мировский, Никифор Бовыкин и живописец из Немецкой слободы Петер Энглес щедро расписывали картинами на библейские темы государевы и царицыны палаты, новые храмы.

Стараниями Симеона Полоцкого, плодовитого виршеписца, Федор Алексеевич обучился искусству рифмосложения. Он писал стихи, которые считались у современников «изрядными». Когда из печати вышло рифмованное переложение Псалтири работы Симеона Полоцкого, часть текста принадлежала перу его державного ученика. Называли даже отдельные псалмы, переведенные в стихотворную форму царской рукой: 132-й и 145-й[56]. Когда Федор Алексеевич приходил на богослужение, церковный хор непременно исполнял 145-й псалом.

Вот он:

Хвали, душе моя, Бога твари всея,
до конца си жизни восхвалю моея.
Песнь Богу моему имам воспевати,
дондеже в существе даст ми пребывати.
Надежды во князех вси не полагайте,
в сынех человечих вы не уповайте.
Яко спасение в них не обитает,
изшедшу бо духу плоть ся в прах вращает.
А помышления тогда исчезают,
ибо умышленных дел не содевают
Блажен человек, есть ему же от Бога Иаковля
помощь и надежда многа.
На Господа жива, иже сотворил есть небо, землю, море
и вся исполнил есть.
На Господа во век истинну храняща
и суд обидимым людем си творяща.
Алчущым доволство пищу дающаго,
окованныя же люди решащаго.

Традиция виршеписи для России также являлась неродной. Многообильные стихотворные извержения Симеона Полоцкого — плоть от плоти общеевропейской культуры барокко и, в какой-то степени, католической традиции храмовых «декламаций». Изложенная им «пиитика», видимо, захватила воображение царевича как необычная «новина» и толкнула к собственным поэтическим опытам.

Библиотека государя содержала книги на русском и польском языках, а также на латыни.

Примерно в годы царствования Федора Алексеевича и при царевне Софье мода на польское платье прочно входит в домашний быт царской семьи[57]. Польский опыт государь использует в делах военного строительства. Предметы европейского обихода становятся всё более популярными.

Итак, пристрастие царя к западной культуре вовсе не являлось преувеличенным или поверхностным. Оно имело глубокие корни в личности Федора Алексеевича и на многое влияло в годы его царствования. Этот монарх действительно желал переустроить некоторые области русской жизни по европейским образцам.

Стоит ли связывать «западническую» склонность Федора Алексеевича с его женитьбой на Агафье Грушецкой? Вряд ли. Уже отец его стал поклонником европейского театра, европейской боевой тактики, европейских бытовых новинок. Еще большее влияние оказал на молодого царя Симеон Полоцкий. Да и соратники Федору Алексеевичу достались ровно с тем же умонастроением. Истинный полонофил князь В. В. Голицын займет в годы его царствования виднейшее место. Так что уместнее говорить не о чьем-то персональном влиянии на государя московского, а о возникновении на самом верху Российской державы устойчивой группы людей с проевропейскими наклонностями. Можно сказать, проевропейской среды.

А милая красавица Агафья Семеновна… Не тем ли и угодила смоленская шляхтянка государю, что разделяла давно устоявшиеся вкусы и устремления его? Ведь хорош и приятен единомысленный брак! Когда два сапога — пара.

* * *

Но при всем своем «западничестве» царь оставался русским человеком и крепко держался православия.

Прежде всего, не видно в его царствование каких-либо уступок Речи Посполитой, вызванных соображениями «конвергенции». Культурное сближение отнюдь не вызвало сближения политического. На переговорах между русскими и польскими дипломатами шел самый жесткий торг — как и во времена предыдущих государей. Поляков и прочих иноземцев допускали на низшие и средние командные посты в русской армии, а также в приказном аппарате. Но никто не звал их командовать армиями, крепостями, заседать в Боярской думе или возглавлять центральные ведомства. Во всяком случае, пока они не соглашались переменить свою веру на православие. Военно-политическая элита, как и прежде, состояла по преимуществу из русских. И, как уже говорилось, ничего не удалось добиться католическим миссионерам.

Что же касается родной «почвы», русской старины, то и от нее Федор Алексеевич отнюдь не оторвался. Многие склонности юного монарха выдают в нем твердую принадлежность старомосковской цивилизации.

Отец стремился привить Федору Алексеевичу собственную непобедимую страсть к охоте, издавна служившей московским правителям любимым развлечением. Тот, как видно, счел для себя приятной лишь одну сторону охотничьих забав: быструю езду, а значит, и лошадей.

Память о его благородном увлечении передавалась при дворе из поколения в поколение: «Как отец сего государя великий был до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей был великий охотник, и не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, разным поступкам их обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал, и ничем более, как лошадьми хвалилися»[58]. Профессиональному коневоду Ивану Тимофеевичу Кондыреву Федор Алексеевич пожаловал думный чин окольничего.

Коневодческая склонность государя ничуть не противоречила старомосковским традициям. Наши правители всегда имели хорошо устроенные конюшни, много ездили верхом, а должность конюшего одно время была первой по чести среди всех боярских должностей. Третий монарх из династии Романовых просто показал особое рвение к коннозаводскому делу. Деды его и прадеды, знай они об этом, похвалили бы потомка.

Как знать, не оттого ли Федор Алексеевич сделался большим любителем поездок на лошадях, что хворь иной раз отбирала у его ног подвижность? Бывало, государь с трудом перемещался на своих двоих, бывало, ходил, опираясь на костыль… А окажется в седле, и что ему тяжелые глупые ноги? В седле он хорош, легок, молодцеват. Исчезают вся тяжесть и неуклюжесть его походки, видны лишь юная сила да искусство управлять лошадью. Добрый конь птицей летит под ним, ветер бьет в лицо, и горячая молодая кровь берет верх над горестным нездоровьем. Не потому ль и невесте, жадно всматривавшейся в него из чердачного окошка, показался царь на коне?

Так ли это, бог весть. Но в любом случае царская любовь к лошадям сослужила стране хорошую службу: уйдет Федор Алексеевич, а конские заводы после него останутся. Добрый прибыток державе!

Как и прежние государи — что Рюриковичи, что Романовы, — Федор Алексеевич регулярно

ездил на богомолье. Эта его черта нимало не изменилась к поздним годам царствования. Здоров ли, не здоров ли, а государь постоянно посещал большие монастыри в столице и за пределами Москвы. Столь твердая приверженность к длительным богомольным поездкам говорит о сильном религиозном чувстве. Как видно, в нем Федор Алексеевич не уступал своему отцу — великому любителю посещать монастыри, а также наслаждаться хорошо выстроенным богослужением.

Да и выбор мест, которые стремился посетить молодой царь, во многом был определен предпочтениями Алексея Михайловича. Чаще всего Федор Алексеевич отправлялся в Троицесергиев монастырь, Александровскую слободу с ее Успенской обителью да Лукьяновой пустынью. Время от времени объезжал он целый куст монастырей, расположенных в Переяславле-Залесском и неподалеку от него. С первого года царствования навещал звенигородскую Саввино-Сторожевскую обитель — излюбленное место паломничества его покойного отца. Здесь поместили серебряную раку для мощей преподобного Саввы, созданную, как тогда говорили, царским «усердием».

Иной раз царь тратил на дальнее богомолье по полмесяца, а то и больше. Дальше Переяславля не забирался. Как видно, опасался расхвораться от долгого путешествия к великим северным светочам русского иночества — Кирилл о-Белозерской обители, Спасо-Прилуцкой и др. Ежегодно брел со всем великим крестным ходом, который устраивали у Новодевичьего монастыря 28 июня — в день празднования Смоленской иконы Божией Матери.

Лишь за несколько месяцев до кончины Федор Алексеевич рискнул длительной поездкой по тем монастырям, какие прежде не посещал. Добрался до суздальского средоточия святости и даже до ярославских обителей. Наверное, молил Бога о стремительно улетучивающемся здравии…

В смысле полной и безраздельной приверженности православию, любви к чинному быту монастырей, пристрастия к хорошему церковному пению государь Федор Алексеевич оставался таким же русским человеком, как и подавляющее большинство его подданных. Сын отца своего, отпрыск старомосковского боярского рода, он благоговел перед мощами святых, почитал церковные святыни, не мыслил себя вне Христовой веры.

И если хотел Федор Алексеевич что-нибудь «реформировать» в старинных обычаях русского православия, то, может быть, лишь одно. Он стремился придать более благозвучия пению хора, без коего не обходилось никакое богослужение. А на эту сферу еще со времен его отца оказывала все большее и большее влияние малороссийская музыкальная традиция, весьма полонизированная. Ее не отвергал даже патриарх Никон.

Вот удивительное воспоминание современного историка Александра Лаврентьева: «В шестидесятых годах одним из первых моих приобретений были пластинки с записью хоровой капеллы Юрлова. Те, кто знает музыку, наверное, помнят: это было практически единственное издание древнерусской музыки, сделанное в советские времена. Так вот, я там нашел хоровое сочинение… и композитор — царь Федор».

Действительно, у государя имелся вкус к музыке, а вместе с ним — желание обновить древнее пение, пришедшее к нам от греков и записанное «крюками». Он собрал большую коллекцию нотных рукописей[59], сочинил широко известное песнопение «Достойно есть». Царские нововведения прижились: «Яко же его величество и к пению был великий охотник, первое партесное и по нотам четверогласное и киевское пение при нем введено, а по крюкам греческое оставлено»[60]. Что ж, тут видно, как малороссийская певческая традиция окончательно укоренилась в Москве. Это, надо признать, своего рода «малая интервенция»

западной музыкальной культуры на территорию старомосковской[61]. Но видеть в действиях царя расшатывание основ веры? Вот уж нет оснований. Предпочитая музыку, более близкую к европейской традиции, нежели к русской, во всем остальном Федор Алексеевич оставался приверженцем устоявшихся форм русского православия. Он не пытался переменить хотя бы «аз единый» ни в догматике, ни в канонической части, ни в текстах молитв. Батюшка его в этом смысле бывал куда как радикальнее…

Изменила ли хоть в малой степени эту его приверженность женитьба на Агафье Грушецкой? Можно сказать твердо: нет. Год супружества, счастливейший для Федора Алексеевича, сопровождался большими богомольными поездками. С сентября по декабрь 1680 года царь несколько раз выезжал на богомолье, и, помимо привычного Саввино-Сторожевского монастыря, выбрался в Иосифо-Волоцкий, а потом в Лужецкий — под Можайском. Это соответствует давно сложившемуся обыкновению государя каждой осенью по нескольку недель отдавать паломническим походам.

Царь и царица пожертвовали Успенскому монастырю в Александровской слободе икону «Святой Феодор Стратилат и великомученица Агафия». Тогда же, при Федоре Алексеевиче, здесь началось строительство нарядной надвратной церкви. Ее освятили в 1682 году в честь государева святого покровителя — Феодора Стратилата. А когда завершилось возведение нового собора в московском Сретенском монастыре (его также оплатил Федор Алексеевич), в иконостас его, на равном расстоянии от Царских врат, встали две иконы — святой Феодор Стратилат и великомученица Агафия. При молодом государе древняя обитель расцветает…

* * *

Когда царь не занимался державными делами, не ездил на богомолье, не писал стихи и не сочинял музыку, он следовал доброй привычке своих предков: проводил время в подмосковных резиденциях. Несколько больших сел, старинных царских владений, давно сделались местом отдохновения наших монархов, приезжавших сюда со всей свитой и ближайшими родственниками.

Федор Алексеевич и здесь не исключение. Как и отец, он любил бывать в Измайлове, Коломенском, Покровском, Преображенском, на Воробьевых горах. Обожал сады и, подобно прежним государям рода Романовых, везде устраивался домовито, уютно, с большим удобством. Если надо — добавлял садовых посадок, если надо — затевал новое строительство. На такое «домашнее» обустройство подмосковных владений Федор Алексеевич тратил деньги нещадно. Никаких новшеств и вместе с тем большое усердие по улучшению «наследства». Тут Федор Алексеевич не столько реформатор, сколько традиционалист…

Разве что, в отличие от Алексея Михайловича, он предпочитал Коломенскому Измайлово. Отец его завел тут пруды с рыбой, начал возводить храм и большой деревянный дворец, разбил сады. Устроил птичники. Наладил образцовое хозяйство. Сыну отцовских затей показалось недостаточно. При нем большое строительство здесь продолжилось: воздвигались новые хоромы, достраивался огромный Покровский собор, сооружалась домовая Иоасафовская церковь, появилась колокольня. Хозяйство же интересовало молодого царя гораздо меньше. Федор Алексеевич в большей мере стремился подчеркнуть природную красоту этого уединенного места.

В тиши и покое он прогуливался здесь со своей любимой супругой, беседовал с ней, катался на лодке по прудам. Тут он мог отыскать мир и гармонию для своей семейной жизни. Над лугами катилось солнце в золотой колеснице, щедро разбрасывая тепло. Из клеток, развешанных по деревьям, слышались голоса певчих птиц. Сады утопали в цвету, радуя взоры царя и царицы в

их первое и последнее счастливое лето…

Но, как видно, в глазах Федора Алексеевича, любившего уединение, даже тихое Измайлово выглядело слишком людным местом. К тому же слишком близким к Кремлю со всеми его правительственными заботами… Поэтому молодой царь приглядывался к селу Пахрину — в домодедовских местах, на реке Пахре. Здесь он указал возвести каменный Троицкий храм с приделом во имя того же Феодора Стратилата[62] и начать большое строительство. Скорее всего, ради спокойного летнего отдыха Федор Алексеевич жаждал удалиться от Москвы как можно больше; на новом месте возникла бы еще одна большая резиденция; но с кончиной монарха строительство было заброшено.

Другим любимым местом Федора Алексеевича являлось село Воробьево — на нынешних Воробьевых горах. Эту местность обожали три русских государя. Василий III выстроил тут деревянный дворец на каменном фундаменте, Алексей Михайлович приезжал сюда с семьей и подолгу живал, а Федор Алексеевич вознамерился придать сему месту новую пышность. Скорее всего, эта его архитектурная затея связана с первым браком. Приведя молодую жену на Воробьевы горы, хорошо знакомые ему с детства, царь увидел восхищение в ее глазах, услышал восторженные слова, и вот уже застучали топоры плотников… Взамен старого, обветшалого, тут взялись строить новый (каменный!) дворец о шестидесяти комнатах и два храма.

А место и впрямь чудо как хорошо: с речной кручи открывается вид на луга, занимавшие просторную излучину Москвы-реки, на гроздь золотых куполов Новодевичьего монастыря, на темнеющую вдалеке громаду Москвы во всем ее великолепии. Сердце замирает! Кругом шумит древний лес, окружающий невеликий царский сад. Как не быть саду? Где угнездились Романовы, там непременно случится сад…

После Федора Алексеевича государи наши, а также члены царского семейства бывали тут, да и жили порой подолгу, но большой любви к Воробьевым горам не проявляли. Дворец Федора Алексеевича обветшал с течением времени. Ныне его нет: давно разобран.

На Пресне Федор Алексеевич распорядился устроить большой каменный храм Воскресения Христова с высокими крылечками-папертями и круглыми декоративными башенками. Собственно, сейчас это чуть ли не центр Москвы, а тогда — местность за городской чертой, у села Воскресенское и Пресненских прудов. Тут царь решил устроить еще одну в ряду бесчисленных летних резиденций монаршего рода Романовых.

Как полагается — с палатами, «службами», особым хозяйством и даже зверинцем. Время от времени младших членов царской семьи, в том числе царевича Петра, «тешили» здесь пушечной пальбой и фейерверками. Страсть к «огненной забаве» перешла к Федору и Петру Алексеевичам от их отца и прочно укоренилась в душах[63].

К 1677 году царь достроил Благовещенскую церковь близ села Тайнинского и сделал богатое пожертвование на ее внутреннее убранство. Храм этот до сих пор радует глаз узорчатым резным «одеянием». В конце XVII века он считался царским «домовым»: его поставили при путевом дворце, который стоял на начальном участке паломнического маршрута к Троицесергиевой обители. Сам дворец не сохранился.

Привычка к тихой жизни в деревянных хоромах, среди садов, подчиняясь неспешному ритму русского домашнего обихода, позволяет видеть в Федоре Алексеевиче правителя, органично вписывавшегося в старомосковский общественный уклад. И у историка XIX столетия Е. Е. Замысловского имелись все основания считать, что «…царствование Федора Алексеевича

имеет в историческом отношении наиболее тесную связь с царствованием Алексея Михайловича, чем с эпохою преобразования», — то есть с временем Петра[64].

Вот и выходит, что государь московский Федор Алексеевич половиною головы принадлежал Европе, другою же половиною — Руси.

Реформатор

Первые годы правления Федора Алексеевича напоминали сказочный сон для его родни — Милославских. Заняв множество высоких должностей разом, они как сыр в масле катались. Весьма высокое положение царских родичей в первые годы царствования подтолкнуло многих историков к мысли о полном всевластии Милославских и слабости самого государя.

Для подобного вывода есть серьезные основания.

Выше уже говорилось: нет причин считать, что Федор Алексеевич оказался совершенно отстранен своими родственниками и прочими аристократическими кланами от управления страной. Он мог вмешиваться в серьезные государственные дела, и вмешивался порой. Так, вероятно, его волей был окончательно низвергнут Матвеев и его же волей конкурирующая с Милославскими «партия» Нарышкиных оказалась избавлена от тяжелой опалы, людских потерь, дальней ссылки. Молодой царь участвовал в переговорах с иностранцами, и видно, что он как минимум не играл роль «живой декорации».

Но при всем том степень его вмешательства в дела правления оставалась невысокой.

Это видно по самым разным источникам.

Так, на протяжении нескольких месяцев после кончины отца Федор Алексеевич не мог венчаться на царство и, очевидно, вообще балансировал между жизнью и смертью. Невозможно представить себе, что он тогда мог полноценно участвовать в столь сложном деле, как разработка новых законов. Между тем 10—14 марта 1676 года вступает в силу целый кодекс законов о дворянском землевладении. Сначала 28 (!) «новоуказных статей» о поместьях, затем еще 16 «новоуказных статей» о вотчинах[65]. Под каждой статьей слова: «Великий государь указал, и бояре приговорили…» — а далее следует суть узаконения. Смысл обоих кодексов состоит в уточнении важных деталей при рассуживании земельных дел. Они представляют собой плод основательного знакомства и с Соборным уложением царя Алексея Михайловича, и с более поздними его указами, и с судебными прецедентами. Бегло, на ходу, такое создать нельзя.

И этот обширный свод правительственных постановлений стал результатом правового творчества четырнадцатилетнего, притом весьма хворого царя? Вот уж вряд ли.

Еще раньше, на исходе февраля, российское правительство постановило разрешить персам торговлю шелком-сырцом в Архангельске. Материалы расследования, проведенного Думой насчет транзитной торговли восточными товарами, опять-таки весьма обширны. Они свидетельствуют о глубоком проникновении в тему, обдуманности и основательности принятого решения. Государь в принципе не мог успеть после похорон отца, притом в состоянии тяжкого нездоровья, «поднять» столь значительный объем документов[66].

Приходится резюмировать: пока царь-отрок оправлялся от болезни, текущие правительственные вопросы решались своим чередом. Ими занимались Боярская дума, главы приказов, дьяки, понаторевшие в делах своей административной специализации. Конечно, оба

кодекса готовились давно, еще при Алексее Михайловиче. Его преемник мог всего лишь дать формальное позволение: да, вводите в действие. И даже не очень понятно, до какой степени его мнением поинтересовались и до какой степени он был в состоянии его выразить…

А вот и другой пример: при Алексее Михайловиче возник приказ Тайных дел. По словам одного русского перебежчика к шведам, это ведомство было осознанно выведено царем из-под контроля Боярской думы: «Приказ Тайных Дел; а в нем сидит диак, да подьячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; *и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя.* А посылаются того Приказу подьячие с послами в государства, и на посольские съезды, и в войну с воеводами, для того что послы в своих посольствах много чинят не к чести своему государю в проезде и в розговорных речах… а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми, и те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают… А устроен тот Приказ при нынешнем царе[67], для того чтоб его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали»[68]. Для Алексея Михайловича приказ Тайных дел служил и личной канцелярией, и учреждением, контролирующим деятельность других ведомств и должностных лиц, а еще и средством добиться «прорыва» на тех направлениях экономики, политики, военного дела, где это становилось насущно необходимым. В ведение того же приказа попало дворцовое хозяйство. И — по совместительству — вопросы государственной безопасности.

В Боярской думе заседала «служилая аристократия». Конечно, вывод столь значительной области государственных дел из сферы компетенции Думы шел вразрез с интересами знати. Так вот, сразу после кончины Алексея Михайловича приказ расформировали[69]. Моментально. Можно сказать, еще тело государя не успело остыть…

Эту «реформу» тоже произвел Федор Алексеевич? Тот, который «…не имел достаточно сил… чтобы громко разговаривать»? Притом явно в ущерб себе? Сознательно спалил бесценное ведомство, сделав умопомрачительно щедрый подарок знати? Выглядит фантастично. Особенно если учесть, как вел себя молодой царь позднее. Повзрослев и придя в доброе здравие, он учредит «Расправную палату», коей передаст часть функций давно исчезнувшего приказа Тайных дел.

Очень похоже на то, что неопытностью и хрупким здоровьем Федора Алексеевича какое-то время пользовались наиболее сильные царедворцы, главы крупных аристократических «партий». Они разгромили приказ Тайных дел именем царя-юноши, они ввели в действие новые законы, они переделили между собой «портфели» ключевых управленцев.

Притом Милославские — далеко не единственная и, вероятно, не самая сильная группировка вельмож, правивших страной из-за спины Федора Алексеевича.

От тех времен сохранились воспоминания о своего рода мирном «разделе власти» между несколькими влиятельными семействами: «По смерти царя Алексея Михайловича остался из главных боляр, которые большую силу во управлении имели… князь Юрья Алексеевич Долгорукой… дворецкой и оружничей Богдан Матвеевич Хитрой». Разумеется, речь идет не об отдельных личностях, а о главах влиятельных придворных «партий». Они решили поделить между собой и с Милославскими «сферы влияния», а потому вызвали с казанского воеводства старшего в роду Милославских — Ивана Богдановича, двоюродного брата матери Федора Алексеевича. Ему Долгорукий и Хитрово отдали управление многими приказами, но позаботились и о гарантиях собственного высокого статуса. Не желая терять позиции при дворе, они «…думного дворянина Ивана Языкова, человека великой остроты, також Алексея Лихачева, бывшего у царевича Алексея Алексеевича учителем, человека доброй совести,

твердо государю выхваляя, в милость ввели. И притом Долгоруких неколико в комнате[70], людей острых, оставили...». Не упоминается еще один придворный «клан» — князья Одоевские, но и он, видимо, участвовал в переделе власти, поскольку сохранил влияние и несколько высоких должностей за своими людьми. Мило-славский, заторопившись в Москву, еще с дороги принялся звать к себе под начало удобных помощников. Но по неопытности и корыстолюбию наделал ошибок: «...которых немедленно определили [к нему в помощники]... оные были наиболее из его приятелей, нежели люди, дела знающие, а иных ему представили хитростно — из людей ему ненадежных».

Итог административного главенства Милославского вышел печальный. Прибыв в Москву, он сейчас же взялся за дела многих учреждений сразу. «Но понеже ни времени, ни возможности ему к розсмотрению всех дел недоставало в приказе же товарищи были не весьма искусные... другие же товарищи и хитростию к жалобам на него дорогу готовить начали, чрез что вскоре явились к государю многие жалобы. И по многих ему от государя напоминаниях, явилось недовольство, пришло, что он, не в великом почтении у государя остався, принужден был просить, чтоб некоторые приказы с него сняли. Которое и учинено, но с невеликою ему честию»[71]. Позднее натиск других придворных «партий» продолжился, и Милославский понемногу уступал позиции, сохраняя уже не столько всеохватную административную власть, сколько ее видимость. Более опытные в дворцовых играх вельможи заманили его в ловушку, отдав столь много, что Милославский не мог справиться с таким куском, затем дискредитировали его и способствовали уходу на второй план.

О чем это говорит?

Во-первых, не так уж сильны и всемогущи были Милославские на начальном этапе царствования. Старшие мужчины рода оказались в слишком отдаленном родстве с монархом. Иван Богданович Милославский — двоюродный брат его матери, а Иван Михайлович Милославский — и вовсе четвероюродный племянник царицы Марии Ильиничны. Маловато, чтобы претендовать на долгую всестороннюю опеку над молодым царем. Они попробовали взять на себя вожжи центрального государственного аппарата, но... силенок не хватило. Милославские, возможно, оказались бы не столь уж плохи, но помимо неопытности в интригах и властолюбия их губила корысть. Один из иностранных офицеров, оказавшихся тогда на русской службе, оставил красноречивое свидетельство: «Дядя царя произвел генеральный смотр. А среди иноземцев, начальствовавших в русских войсках, было много таких, которые получили свои высокие чины скорее по благоволению, чем по заслугам. Им пришлось уйти в отставку. Иные полковники были даже разжалованы снова в прапорщики. Тут началось великое сетование и стенание. Каждый искал помощи у своих добрых покровителей. Однако дядя царя был знатен и могуществен, делал все, как ему вздумается. Он был богат и внушал молодому царю все, что хотел. Лишь тот, у кого была красивая жена или дочь, мог чего-либо добиться. Так благодаря красивой женщине многие вновь получили свои чины. Примерно год до этого я был назначен подполковником. Поскольку дело теперь обернулось так недобропорядочно, я попросил отставки, что едва не повергло меня в крайне бедственное положение: мне угрожали не чем иным, как кнутом и высылкой в Сибирь»[72].

Отсюда видно: с одной стороны, И. Б. Милославский имел способности дельного администратора. Он вычищал армию от балласта, мягко говоря, не прибавлявшего ей боеспособности. С другой стороны, он проявлял себя дурным христианином, а также, используя современные понятия, сущим коррупционером.

Во-вторых, очень серьезные позиции сохраняли иные группы знати. Очевидно, на протяжении первых месяцев правления Федора Алексеевича Долгорукие с Хитрово (а возможно, и

Одоевские) могли вертеть им, как хотели. Они-то, видимо, и разнесли приказ Тайных дел в щепы. Затем они умело руководили жизнью двора, по внешней видимости отдав первенство Милославским. Но могли при необходимости добиться своего, действуя через подставных приближенных государя. Впору вести речь не о периоде «правления Милославских», а о времени, когда преобладающее влияние на дела оказывала «служилая аристократия» в лице нескольких сильнейших «партий». Милославские являлись лишь одной из них.

Так или иначе, на протяжении нескольких лет царь-отрок не был полноценным правителем. Россией управлял конгломерат вельможных семейств, объединявших вокруг себя значительные силы знати и московского дворянства.

Эта ситуация менялась постепенно. Не стоит думать, что конфликт с родней из-за женитьбы на Агафье Грушецкой разрубил царствование Федора Алексеевича, словно топором, надвое. Будто до 1680 года царь был чисто декоративной фигурой, а затем рывком вернул себе бразды правления… Думается, более правдоподобна иная картина.

У кормила высшей власти одновременно протекало несколько процессов, определяющих ее лицо. С одной стороны, Милославские, претерпев кратковременный взлет, постепенно теряли влияние. С другой стороны, государь взрослел и, что называется, понемногу «входил в дела».

Федор Алексеевич приноравливался к непростой машине принятия решений в Московском государстве, искал верных помощников, определял для себя приоритеты большой политики. Конечно, в 1676 и 1677 годах он оставался еще очень слаб как действительный правитель. Но позднее реальный «вес» царя как «высшего администратора» начинает расти. Да, к 1680 году он уже способен выдвигать проекты масштабных реформ и доводить их до претворения в жизнь. Но эти новые его возможности — итог постепенного накопления силы, а не одномоментной перемены. В 1678 и 1679 годах уже видны абсолютно самостоятельные действия юного монарха: он отдает «Верхнюю» типографию под просветительские программы Симеона Полоцкого и возобновляет строительство Новоиерусалимского монастыря под Москвой[73]. Наконец, при царской особе складывается круг доверенных лиц. Отчасти они рекрутируются из тех, кого «подводят» в качестве советников Долгорукие, Хитрово, Одоевские. Отчасти же царь сам приближает к себе дельных вельмож.

Помимо Лихачевых и Языкова возвышаются Кондырев и Тарас Елисеевич Поскочин — из среды коневодов. Из родовитых аристократов близ царя неожиданно оказывается князь Василий Васильевич Голицын.

Этот последний заслуживает особого внимания. По знатности он мог тягаться с Одоевскими, превосходил Долгоруких, безусловно возвышался над Милославскими и Хитрово. Князь и сам стоял во главе крупного аристократического клана. Голицыны издавна владели обширными вотчинами. В их состоятельности не приходится сомневаться. Иначе говоря, Василий Васильевич обладал по отношению ко всем придворным «партиям» полной самостоятельностью. Помимо этого, князь был отмечен рядом черт большого политика. Он имел тактический военный опыт, хотя и не добился на поле брани выдающихся успехов. Он получил превосходное по тем временам образование. Но важнее другое: Бог наделил В. В. Голицына большим дипломатическим талантом и способностью мыслить масштабно. А по части дворцовых интриг он являлся не меньшим специалистом, чем Долгорукие, Хитрово и т. п. Поддержка, оказанная государю таким человеком, исключительно важна. Она заставляет предположить в Голицыне персону, обладающую весьма значительным влиянием на Федора Алексеевича. А значит, и на магистральный политический курс.

Судя по практическим шагам Василия Васильевича как великого государственного мужа, он

являлся «западником» гораздо большим, нежели сам государь. Князь торопился там, где Федор Алексеевич склонен был двигаться без спешки. И положение фаворита при царевне Софье дало Голицыну желанную возможность «поторопить события».

Итак, когда рядом с Федором Алексеевичем составился ближний круг управленцев, монарх получил «команду», способную проводить его волю к преобразованиям.

Тогда-то и начались реформы.

* * *

Во многом к ним подтолкнула большая война за Украину. Вернее, тот эпизод титанической борьбы за Украину, который пришелся на годы правления Федора Алексеевича.

В 1654 году Московское государство и Польша начали масштабное вооруженное противостояние. Так или иначе, в нем поучаствовала вся Восточная Европа. Россия стремилась отбить земли, потерянные ею после Великой смуты, и, если удастся, оторвать от Речи Посполитой «Литовскую Русь» — так назывались области, принадлежащие польским королям, но населенные православными восточнославянскими народами. Ее жители называли себя «рускими» и «руской» же именовали свою веру (именно так тогда и писали: через одно «с»).

Война с Речью Посполитой продлилась 13 лет, до 1667 года. Россия отбила Смоленск, Велиж, Невель, Себеж, Северскую землю, получила днепровское Левобережье, поставила под контроль Киев. Речь Посполитая не имела сил отобрать все приобретения Алексея Михайловича. Но ко времени восшествия Федора Алексеевича на престол окончательное мирное соглашение заключено еще не было. Дипломаты обходились перемириями, поляки мечтали хотя бы частично урезать новые владения Москвы. Более того, Россия удерживала Киев с областью, формально не имея на то права. Однако резон для этого был. Помимо Московского государства и Речи Поспо-литой серьезными «игроками» на шахматной доске колоссальной войны являлись Крымское ханство, Османская империя, а также казачья старшина, колебавшаяся в своих пристрастиях то к одному сюзерену, то к другому. Отдать Киев значило подвергнуть его православное население страшной опасности турецко-татарского погрома. Поляки, даже в союзе с казаками — союзе весьма проблематичном, — не имели достаточно сил для эффективной обороны от большого вторжения с юга. Но натравить турок с татарами на Украину они могли. Время от времени так и действовали. О том русскому правительству сообщал наш посол при дворе польского короля В. М. Тяпкин. О том же предупреждал самого царя великий мастер дипломатических игр А. Л. Ордин-Нащокин[74].

Любопытно, что с 1672 года Речь Посполитая находилась в союзе с Россией против турок. Они вместе воевали против одного врага. При координации усилий крест мог бы решительно возобладать над полумесяцем в этом регионе. Однако противоречия между Речью Посполитой, украинскими казачьими областями и Московским государством оказались слишком острыми для организации генерального совместного наступления. Союзники видели друг в друге чуть ли не более опасных врагов, нежели турки. Парадоксальная ситуация!

В конечном итоге Россия оказалась перед лицом открытого вооруженного столкновения с турками. С Крымом, вассалом турецких султанов, воевали без малого 200 лет. Можно сказать, привычка выработалась. Против крымцев ежегодно развертывали на юге большую армию, строили укрепленные линии («засечные черты»), всё южнее и южнее воздвигали новые «городки». С турками воевали мало. Но в Москве прекрасно понимали: это на порядок более сильный противник. А западный фланг Украинского театра военных действий находился в небезопасности от поляков.

Плохая война. Трудная война. Война с непредсказуемой концовкой.

Собственно, не Федор Алексеевич ее затеял. Он всего лишь унаследовал войну, начавшуюся еще при его отце, Алексее Михайловиче. В этом грандиозном противостоянии основным «яблоком раздора» стали Днепровское Правобережье, а также все казачьи области, оказавшиеся южнее и западнее его. Прежде всего Чигирин — сильная крепость, исторически связанная с возникновением самостоятельной гетманской власти.

Малороссия в ту пору разделилась надвое. Часть казаков во главе с гетманом Иваном Самойловичем встала под знамена Московского государства. Другая часть, под руководством гетмана Петра Дорошенко, отдалась под защиту турок и татар, оказавшуюся чудовищно разорительной. Битая, обескровленная турками Речь Посполитая вышла из войны.

Противоборство за Правобережную Украину легло на Московское государство тяжким бременем. Ситуация для русских войск развивалась относительно благоприятно, но чего это стоило! «К воцарению Федора Алексеевича Россия пришла с повышенными налогами и постоянными экстренными поборами, с ограниченными мобилизационными ресурсами и распыленными на огромном фронте регулярными войсками», — пишет современный историк[75].

В 1676 году русскому полководцу Г.И. Косагову открыл ворота Чигирин. Под контроль государевых воевод попала ключевая позиция всего Правобережья! Старый, упорный враг России, Дорошенко сложил с себя гетманскую власть и сдал гетманский артиллерийский парк. Бывшего гетмана отправили в Москву.

Из Москвы в Чигирин двинулись 2 тысячи 400 стрельцов. Они составили ядро гарнизона. Вместе с ними отстаивать город должны были казаки Самойловича и российский солдатский полк, приученный к новой, европейской тактике. Во главе защитников города встали русский полковник Матвей Осипович Кровков, а также иноземец русской службы генерал-майор Трауэрнихт. Последний велел отремонтировать стены, усилить крепостные сооружения и привести в порядок неисправные пушки. В итоге неприятеля встретила современная мощная твердыня, усиленная фортификационным искусством иноземных служильцев Федора Алексеевича.

Турки, выйдя к Чигирину при поддержке войск Молдавии, Валахии, Крымского ханства, имели, по разным данным, от 65 до 82 тысяч бойцов при 36 орудиях. С ними шли казачьи отряды, подчинявшиеся марионеточному псевдогетману, большому недоброжелателю России Юрию Хмельницкому.

Этот новоявленный «гетман» обратился к защитникам города с грамотой, где призывал покориться ему как «законному наследнику» его отца — Богдана Хмельницкого. Он сопроводил свой призыв обещаниями щедрых выплат и подарков. Но в городе отлично знали, чего ждать от татар с турками. Казаки сослались на русский гарнизон, а русские решились стоять твердо.

В первых числах августа 1677 года началась вооруженная борьба за Чигирин.

Турки повели земляные работы, постепенно приближаясь к Чигирину. При подавляющем превосходстве в силах они действовали неторопливо, наверняка. Однако им оказывали яростное сопротивление, сбивавшее наступательный порыв. Турок во множестве поражали во время рискованных вылазок. Эти вылазки требовали невероятной отваги, зато не раз приносили успех осажденным. О них единодушно повествуют как иностранные, так и русские источники.

По словам драгунского полковника Патрика Гордона, полторы тысячи русских стрельцов и украинских казаков под покровом ночи ударили на позиции турок и многих перебили, застав врасплох. На следующий раз вылазка совершалась среди бела дня: «Они выступили, будучи вооружены бердышами и полупиками, — и столь решительно, что 24 турецких знамени[76], покинув траншеи и апроши, бежали к своим орудиям. В сей вылазке, согласно донесению осажденных, было перебито несколько сотен турок, а из осажденных — 26 и примерно вдвое больше ранено»[77].

Та же картина прослеживается и по русским документам. Полуголова московских стрельцов Алексей Матвеевич Лужин имел все основания с гордостью рассказывать о действиях московских войск у Чигирина в августе—сентябре 1677 года: «Три недели было из города на неприятелей вылазок всех з 10, а на выласки ходили сотники, а с ними стрельцы и казаки охотники. И Божиею милостию и великого государя счастием на тех выласках турков побивали многих, и в Верхней город ратные люди у турков взяли на тех выласках три знамени… А приступом турки к городу приходили по многие дни с щитами без лестниц, а туры метали в ров и засыпали землею. И по ночам ратные люди изо рву ту землю розметывали по рву на стороны и серед рву те туры, складчи, жгли. А как те туры жгли, и в то время из города по турским людем стреляли ис пушек и из мелкова ружья безпрестанно. А турских людей и волох, и мунтян[78], и сербов, сказывали взятые языки и переезщики, которые переезжали в Нижней город х казаком, что побито на выласках и на приступах тысяч с шесть и больше»[79].

Русские стрельцы и украинские казаки действовали в полном союзе и взаимопонимании.

Прибытие татар на подмогу туркам ничуть не изменило ситуации. Крымский хан не горел желанием расходовать силы, обслуживая военные нужды сюзерена. Его подданные воевали без особенного задора. Порой они даже подстрекали осажденных к сопротивлению.

В середине августа турки прибегли к решительному штурму Однако потерпели полное поражение и откатились с большими потерями. Минная война также не принесла туркам удачи.

Между тем российское правительство выслало большую армию на помощь сражающемуся Чигирину. Как сообщает тот же Гордон, участник похода, во второй половине июля 1677 года эта армия, сконцентрировав боевые силы, прибыла на театр военных действий: «Июля 27. Несколько полков перешли гати под Суджей и квартировали отдельно на другой стороне… Армия ныне в сборе, и перепись оной послана в Москву — [всего] более 42 000 человек. Боярин (князь Г. Г. Ромодановский. — *Д. В.)*выступил, и мы стали в нашем обычном вагенбурге, за 10 верст от Суджи. Узнав еще в Судже, что турки переправились через Днестр, мы теперь получили верные сведения, что они несколько дней ожидали татар, выступили, когда те явились, и вместе с Юрасем Хмельницким направляются к Чигирину… Мы рано выступили и разбили лагерь в лесу у речки Алешинки, в 10 верстах от Сум»[80].

В преддверии появления Ромодановского с полками турки в очередной раз бросились на приступ. И вновь были отбиты.

Русская армия подошла к неприятельским позициям вплотную. Стычки с отрядами свежего войска также складывались для турок неудачно.

В конце августа прибыло подкрепление: целая армия с князем В. В. Голицыным и И.В. Бутурлиным во главе. «В сей армии было около 15 или 20 тысяч человек, среди коих многие князья и знатные вельможи императорского двора», — сообщает полковник Гордон. Устрашенные новыми силами, пришедшими на подмогу Ромодановскому, «…турки… сняли

осаду и в великом страхе ушли, бросив множество гранат и других осадных припасов». Их потери достигали, по разным оценкам, от двух до восьми тысяч одними убитыми. Осажденные, а также армия Ромодановского понесли урон чуть более тысячи человек[81].

По указу Федора Алексеевича участников чигиринской кампании щедро наградили.

Российское правительство отнюдь не считало, что турки отступятся от своих планов на Украине после первого же поражения. Их ждали на следующий год: усиливали гарнизон, восстанавливали старые укрепления Чигирина, строили новые. Все эти приготовления оказались весьма уместными, когда под стенами города появилось новое турецкое войско.

Летом 1678 года было разыграно второе действие великой чигиринской драмы.

В первых числах июля 1678-го Чигирин обороняло порядка 11—13 тысяч кавалерии и пехоты при 86 пушках и мортирах. По сведениям, полученным от перебежчиков и весьма неточным, турецко-молдавская армия, пришедшая под Чигирин, насчитывала 102 тысячи одного лишь боевого элемента[82]. На ее стороне оказались также силы Крымского ханства и казаки Юрия Хмельницкого. Артиллерия насчитывала порядка 120 орудий.

Осажденные вели беспрерывный многодневный бой за укрепления, несли колоссальные потери от непрекращающейся бомбардировки, били врага на приступах и во время вылазок. Им приходилось всё тяжелее и тяжелее: сказывались огромное превосходство турок в силах, а также высокие боевые качества их армии. Каждый день боев и перестрелок вырывал из рядов осажденных несколько десятков, а то и сотен воинов. Но и туркам приходилось тяжко. По сведениям пленника, одними убитыми они потеряли «…свыше 6000 человек и более чем вдвое ранено; турки изумлены, встречая такое сопротивление, — они не могут разнести или обратить в пепел груду дров!»[83].

Первые числа августа принесли перемену. Под Чигирин явилась русская армия того же Г. Г. Ромодановского: 50 тысяч российских бойцов плюс еще 30 тысяч казаков Самойловича. Она нанесла несколько чувствительных ударов неприятелю. Численность русских бойцов, иностранных наемников и украинских казаков оказалась сопоставимой с количеством вражеских сил. Противостояние возобновилось с новой энергией. Турки пытались большими силами атаковать полуразвалившийся город, шли на штурм с ожесточением отчаяния: победа уплывала от них! — но ничего не могли добиться. Чигирин стоял непоколебимо.

Возможно, несколько больше решительности со стороны наших воевод — и город удалось бы отстоять. Однако защищавший его гарнизон был до крайности измучен, среди бойцов росли панические настроения, а биться за развалины уже не имело смысла. Русское командование выбрало пассивный сценарий боевых действий. Защитников Чигирина отозвали, город и остатки крепостных сооружений предали огню, пороховые погреба подняли на воздух взрывами. Фактически чигиринская позиция была не столько сдана, сколько уничтожена. Неприятель, боровшийся за нее с таким упорством, не мог ею воспользоваться, поскольку получил в свое распоряжение одно лишь пепелище.

Многие бранили тогда Ромодановского за нерешительность, за странно-медлительную манеру воевать. Но состояние русской армии, в значительной степени укомплектованной вчерашними крестьянами, оставляло желать лучшего.

Ромодановский выжал из нее максимум боеспособности. Многие полки нового образца — солдатские, рейтарские — показали слабую организованность. Так стоило ли рисковать генеральным сражением с турками?

К тому же волю князя сковывали распоряжения из Москвы. Российское правительство не собиралось стоять насмерть за Чигирин, опустошая казну и выкладывая украинские степи ковром из мертвых русских тел. Туркам дали сдачи, чтобы они не лезли на территории, твердо контролируемые Россией, например Киев. А Чигирином в конечном итоге решили пожертвовать — ради мира. Но пожертвовать так, чтобы турки понесли за это приобретение максимальный урон и утратили всякое желание продолжать войну. Ромодановскому отдали распоряжение: в случае необходимости «Чигирин… свесть (то есть уничтожить. — *Д. В.)*…а того смотреть и остерегать накрепко, чтоб то чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям»[84]. Угрожающая позиция поляков подстегивала московское правительство спешить с заключением мира. «Союзники», видя страшное напряжение русской военной машины, принялись выставлять дерзкие требования, стращали новым вторжением на нашу территорию.

Раскаты чигиринской канонады достигали ушей польских дипломатов, явившихся для переговоров в Москву: «Августа 1-го [1678] последовало двадцать седьмое заседание… Между тем пришло доброе известие о победе, одержанной над турками при г. Чигирине, который целое лето они осаждали в числе 200 тысяч, а москвитяне со столькими же тысячами его защищали. Рассказывали, будто главный воевода Ромодановский хоть и отнял у турок стан и, взяв громадную добычу, перебил их до 50 тысяч, но за то, что и сам потерял большую часть войска, впал у царя в немилость, который и решил его отозвать и сменить. Однако удержавшись стараниями друзей, он снова заслужил расположение и любовь царя нанесенным неприятелю поражением, о коем сейчас расскажу. Дело в том, что не очень-то горюя о потере стана, турки повели осаду Чигирина энергичней, взяли город и предали его полному разорению. Воевода вошел в прилежащий к городу замок и, зная, что и ему долго не продержаться, велел тайно понаделать в земле подкопов, насыпать в них пороху и добровольно сдал замок неприятелю. Турки, торжествуя, заняли и окружили его всем войском; глядь, воевода зажег подкопы, и тысячи турок вместе с замком взлетели на воздух, еще больше было засыпано землей и погребено заживо без помощи могильщиков»[85].

В дальнейшем русско-украинская и молдавско-турецко-татарская армии вели тяжелую позиционную борьбу, нанося друг другу серьезный урон. Измотанным до предела туркам не оставалось ничего иного, как отступить. По дороге они совершили опустошительный набег на Канев и другие городки.

Итог: чигиринская кампания завершилась без прибытка, без славы, но и неприятель не приобрел ничего. Канев и тот пришлось впоследствии вернуть.

А это — неплохая основа для переговоров.

И в дипломатической борьбе с поляками карта Чигирина сыграла немаловажную роль.

* * *

В жизнеописаниях царя Федора Алексеевича много и со вкусом пишут о событиях Русско-турецкой войны. Порой видят в ней чуть ли не центральное событие царствования. Но если для судеб России кровавая бойня с турками за Украину действительно чрезвычайно важна, то для жизни государя Федора Алексеевича она — на втором плане. И не стоит путать историю монарха с историей его державы.

Поэтому перипетии великой военной страды переданы здесь весьма кратко, хотя сами по себе они заслуживают отдельной большой книги.

Да, конечно, нужды войны надолго подчинили себя очень многое во внутренней и внешней политике Московского государства. Царю приходилось уделять им самое пристальное внимание. Но… во-первых, Федор Алексеевич ни разу не выезжал на фронт. Он вообще на протяжении всей жизни не бывал в действующей армии. Боевые действия велись его воеводами. А во-вторых, при всем напряжении дипломатических, экономических и мобилизационных усилий юный царь не столь уж много участвовал в вершении дел по военным вопросам. Б***о***льшая часть войны приходится на то время, когда центральную роль в управлении страной играли аристократические «партии», а сам Федор Алексеевич еще не до конца принял бразды правления. Его касательство к проблемам военного времени ограничивалось участием в переговорах с поляками, обсуждением мирного договора с турками, чтением отчетов да еще незначительными частными распоряжениями.

Возможно, внимание государя было приковано к битвам и походам, совершающимся на дальней южной окраине. Но главные решения по военным вопросам пока еще, видимо, принимал не он.

С весны 1678 года роль царя понемногу увеличивается. Так, 12 апреля состоялось большое заседание Боярской думы с царем во главе и при участии патриарха: обсуждался план действий против турок[86]. Вторая чигиринская бойня застала государя в семнадцатилетнем возрасте. Он отправил в армию собственную походную церковь. Затем, по согласованию с патриархом, велел служить панихиды по погибшим в боях 11—13 августа во всех соборах и внести их имена в синодики для «вечного поминовения»[87].

Летом 1678-го, когда до Москвы добралось польское посольство, Федор Алексеевич — активный участник переговоров.

Государь становится свидетелем жесточайшего торга. Поляки требуют отдать им Киев, Смоленск, несколько малых городков, выставляют иные обширные требования. Расчет прост: пока русские связаны великой войной с турками и татарами, угроза с западного фланга для них гибельна. Но вот с юга доходят известия: Чигирин пал, но туркам не достался; визирь Мустафа, возглавивший турецкую армию, уходит с войсками. У бояр Федора Алексеевича возникает надежда отвернуть самые жесткие условия, а польский посол Чарторыйский лишается серьезного козыря в игре. Что теперь? Опасность польского вторжения крайне неприятна для Москвы, но это уже разгромленная и ослабленная Польша; велик ли страх перед нею?

Патриарх Иоаким вмешался, призывая уступить: страшно устраивать новое кровопролитие между христианами! Особенно в то время, когда басурманская угроза далеко не исчезла. Скрепя сердце бояре во главе с царем отдали малые городки: Себеж, Велиж, Невель да приплатили 200 тысяч рублей серебром. Но Киев, возвращения которого так жаждали поляки, удалось отстоять.

Перемирие с Речью Посполитой продлили до 1693 года. Впрочем, за семь лет до его исчерпания две величайшие державы Восточной Европы заключили между собой «вечный мир». Киев остался за Россией.

Федор Алексеевич получил полное представление о том, с каким ожесточением ведутся переговоры по украинскому вопросу. Малороссия того времени, страшно разоренная, фактически руинированная, стала огромной дырой, куда безвозвратно утекали деньги и войска трех громадных государств: Турецкой империи, Речи Посполитой и России. Рыбку несомненных выгод в темной водице войны за Украину вылавливало одно лишь Крымское ханство, устраивавшее набеги для пополнения работорговых рынков.

Поэтому для русского царя на повестку дня встал вопрос о скорейшем заключении мира.

В 1679 году начались русско-турецко-татарские переговоры. Царь проявлял к ним первостепенный интерес. Еще бы!

Огромная армия стояла под ружьем, выворачивая государственную казну наизнанку. Поданным 1681 года, страна содержала 164 тысячи «ратных людей», не считая гетманских казаков; из них на юге, в Северском и Белгородском разрядах, концентрировалась самая мощная группировка — 58 тысяч бойцов![88]Там ждали нового вторжения турок. Татары пошаливали, то и дело врываясь на наши земли ради наживы. Против них тянули чудовищно дорогие новые «засечные черты».

Уже шло полным ходом сооружение Инсарско-Пензенской черты, а в 1679 году начинается возведение грандиозной Изюмской черты на полтысячи километров[89]. Ее строят на самом опасном направлении, каковым стала юго-западная окраина державы. Появляются новые фортификационные сооружения на подступах к Киеву. Трудно понять, сколь велика в этой громадной государственной работе доля царского участия. От агрессивных соседей с юга Россия с XVI века традиционно отгораживалась оборонительными линиями. К концу XVII века в этом не было ничего нового. Но сама интенсивность строительства свидетельствует о том, что его «подгоняли» сверху. Изюмскую черту создали весьма быстро. А значит, можно предположить: Федор Алексеевич торопил с этим делом, настаивал, нажимал.

Между тем дела с Константинополем-Стамбулом шли медленно. Там тоже не хотели нового раунда масштабных военных усилий. Чигиринская бойня столь же разорительно подействовала на султанскую казну, сколь и на царскую. Но с договором турки не торопились. Султан не менее поляков жаждал заполучить Киев со всей Правобережной Украиной. А в России вообще какое-либо присутствие турок на Украине считали необоснованным. Усталая Малороссия во главе с Самойловичем также хотела мира, но не искала подчинения туркам. Тут позиции гетманского руководства и российского правительства совпадали.

Место для ведения переговорного процесса оказалось самым неудачным: Бахчисарай, столица крымского хана. Татары меньше всех были заинтересованы в мирном соглашении… Отсюда — острые территориальные споры и мучительские меры в отношении московских дипломатов.

Итог долгих препирательств вышел сомнительный. Граница российских земель проводилась по Днепру, но за Россией оставалась и вся Киевщина; Запорожье не получило твердого статуса: запорожскую область султан с ханом официально не признали царским владением. Между территорией Московского государства и турецко-татарской образовывалась своего рода «буферная зона», где не запрещались татарские кочевья. Да и в целом, при переносе русских условий, вроде бы уже обговоренных в Бахчисарае, на турецкие грамоты появилось много произвольного, неясного, сокращенного. Из Москвы для окончательного утверждения исковерканного договора в Константинополь отправился П. Возницын. Но ему так и не удалось вернуть в договор статьи о Запорожье.

Сам Федор Алексеевич и боярское правительство остались недовольны. Их реакция не осталась тайной для иноземцев: «Посол, возвратившийся от Порты, привез с собою договор мира, не столько истинного, сколько подложного: бояре, собравшись в Совет, толкуют смысл договора и ничего не находят в нем, кроме пустых и ничего не значащих слов. Государь сердился на их оплошность, на то, как они допустили басурман пододвинуть свои границы в его государство до Дона, не исключив даже крепостей Василькова и Киева…[90]Москвитяне испугались, видя, что мир с этим врагом не надежен; да и государь царства Московского никак не хотел согласиться на этот договор, предвидя из того самое близкое бедствие для своего государства…»[91]

Однако грамоту, утвержденную султаном, в Москве все же приняли. Опустошенное, обезлюдевшее Запорожье представляло собой проблему, а не приобретение. Малороссийский люд спешно уходил со своих мест и переселялся на русские земли, под защиту царских полков. Так что запорожской областью решили пожертвовать — так же как ранее пожертвовали Чигирином. Много чем жертвовали тогда ради сохранения Киева и ради обретения покоя…

Бахчисарайский мирный договор 1681 года подвел итог чудовищно тяжелой войне.

Трудно сказать, до какой степени верно решение, принятое российским правительством. С одной стороны, прояви Москва больше твердости в переговорах, будь она готова к продолжению войны, возможно, турки уступили бы. Им эта борьба также не несла особых прибылей. С другой стороны, продолжение конфликта вело к новому разорению, новым людским потерям и — самое главное — к опасности новых бунтов.

К 1681 году Федор Алексеевич стал полноправным самодержцем. Ни кто-либо из лидеров русского боярства — ни Голицын, ни Долгорукий, например, ни тем более Милославский, — ни Боярская дума в целом не смогли бы «протащить» утверждение мирного договора мимо царя. Совершенно ясно: именно Федор Алексеевич сделал окончательный выбор. Он согласился окончить войну подобным образом. Следует подчеркнуть: пусть *воевал не сам царь,* но *именно он завершал войну.* Это его воля, его политика. Итоги титанической борьбы оказались довольно скромными, но не провальными. Россия удержала «синицу в руках», когда и ее пытались вырвать. Нельзя забывать и о другой выгоде Бахчисарайского договора: теперь монарх и правительство получили долгожданный шанс снизить внутреннюю напряженность. Отказаться от экстраординарных поборов, от непрерывных мобилизационных усилий. А следовательно, начать постепенный вывод общества в нормальное состояние.

Алексей Михайлович воевал, воевал, воевал без конца и края… Он заработал разинщину, Соляной и Медный бунты, колоссальные восстания во Пскове и Новгороде Великом, а также много иных мятежных выступлений, но военные действия не прекращал до своего смертного часа.

А сын его прекратил. Отказался кое от чего — да. Зато… тишь наступила на Руси.

* * *

Война — превосходное зеркало для государственного устройства. Она увеличивает отражение всего, что ненадежно, неудобно, хрупко. Иными словами, всего, за что в экстремальных условиях приходится дорого платить. После того как война ткнет носом в жесточайшие недостатки, трудно их не заметить.

Государь Федор Алексеевич на финальных стадиях войны — взрослый человек, связанный узами брака, окруженный неглупыми помощниками, получивший серьезный опыт государственной деятельности. Явленные войной недостатки он отлично разглядел. А разглядев, принялся их выправлять.

Монарх увидел страшную громоздкость военного, да и прочего управления. Борьба между военачальниками за старшинство вносила сбои в слаженную работу военного механизма. Полки пехоты, рейтар, драгун, обученные и вооруженные по-новому, то есть по европейским образцам, то показывали большую стойкость, то вдруг лишались организующего начала и превращались в беспорядочные толпы. В гражданском управлении всякие большие дела застревали на мелочах, на «текучке». Работа разных ведомств не имела общей координации. Чины и должности, то сливаясь в единое целое, то различаясь, более соответствовали

старинному родовому укладу русского общества, нежели новому, «регулярному», государственному порядку.

Требовалось многое изменить. К тому имелись средства и возможности. А главное — воля. Монаршая воля к масштабным преобразованиям.

* * *

Первым делом Федор Алексеевич упростил областное управление. Помимо воевод в городах существовали разнообразные должностные лица — выборные и не-выборные, имевшие власть по частным вопросам. Таковы, прежде всего, «губные старосты», «сыщики», «ямские приказчики», «головы» при хлебных складах и всякого рода «целовальники». Они не подчинялись воеводам и вели свои дела самостоятельно. Порой работа разных отраслей администрации дублировалась, рождала путаницу, вводила в лишние расходы местных жителей. 1679 год поставил точку в этой пестроте: вся полнота власти перешла к воеводам; «губные старосты» и прочие «сыщики» с «головами» исчезли[92].

Вскоре Федор Алексеевич отменил целый ряд телесных наказаний, предполагавших увечье, — например отсечение рук, ног, пальцев. Взамен нарушителей соответствующих статей закона принялись ссылать в Сибирь[93].

В этом преобразовании многие видят свидетельство гуманности и милосердия Федора Алексеевича. Что ж, возможно. Однако царское нововведение могло иметь и совершенно другую причину. По стране бродили тысячи калек, получивших раны на войне. И добавлять к их числу новых, искалеченных топором палача, выходило очень накладно. Ведь таким образом уменьшалось количество полноценных работников! Нарушался казенный интерес… К тому же увечье как способ наказания для русской политической культуры являлось «импортом», а потому выглядело чужеродной присадкой. У нас как минимум до середины XVI века преступников увечили только в виде исключения. Судебники Ивана Великого и Ивана Грозного не знали «членоотсечения» как способа наказывать виновных. Вот и оказалось легким делом отменить то, что не имело прочных корней в народной почве…

Человечность в характере монарха видна, скорее, по распоряжениям 1680 года, касающимся тюремных сидельцев. Царь повелевал не держать «колодников» в приказных избах и тюрьмах по «многу дней», а решать их дела немедленно. Кроме того, их избавляли от «влазного» — побора со стороны тюремщиков[94].

Летом 1681 года, стремясь возместить потери казны после окончания тяжелой войны, Федор Алексеевич указал со всей строгостью собирать пошлины с разного рода незаконных «торжков». Откупа же, как способ сбора пошлин на таможне и в кабаках, царь велел отменить: они рождали такое количество злоупотреблений, что для казны оказались в конечном счете убыточны[95]. Тут видна важная особенность монаршего характера: Федор Алексеевич желал «прозрачности» в финансовых вопросах и полной рациональности во всем. Ему хотелось добиться от государственной машины правильного, «регулярного» и максимально эффективного порядка работы. Он любил «систему».

Поэтому не удивляет еще одна финансовая реформа его времени. Правительство полностью перешло на «подворную» форму налогообложения. Посадское население и огромное количество «бобылей» — крестьян, не имеющих полноценного пашенного хозяйства, — платили с «дворов», о их способности нести государево «тягло»[96] судили по имуществу и «промыслам». Те, кто не имел собственной земли, например сельские ремесленники, различные зависимые люди при монастырях, архиерейских домах, дворах знати, также

принимали на себя часть «тягла». Вместо многочисленных разнообразных сборов правительство ввело единую общую подать — «стрелецкие деньги»[97].

Денег не хватало катастрофически. Их недостача усугублялась тем, что помощники царю-реформатору попались, мягко говоря, небескорыстные. Сребролюбие ключевых фигур государевой «команды», например Языкова, надолго запомнилось. Между тем в России того времени не добывалось ни золота, ни серебра. Вся ходячая монета Московского государства изготавливалась из привозного металла. И в 1681 году правительство пошло на крайне неприятную меру: московская копеечка при Алексее Михайловиче и на протяжении почти всего царствования Федора Алексеевича весила 0,45 грамма серебра, но теперь ей пришлось резко сбавить вес — до 0,4 грамма[98]. По меркам того времени это очень значительная «порча» монеты. Вынужденное и, вероятно, не слишком популярное экономическое нововведение мощно повлияло на экономику всей страны. Прежде такое «похудение» случалось разве что в «аварийные» годы Смуты…

Дабы выправить положение с нехваткой серебра, Федор Алексеевич пытался наладить розыск его залежей. Раньше драгоценные руды искали, и в свидетельствах иностранцев даже сохранились воспоминания об этих поисках: «Еще и поныне есть следы, что они когда-то искали золотой и серебряной руды, но напрасно: все золото и серебро, какое только у них есть, ввозится из других стран»[99]. Правда, не совсем понятно, о ком тут идет речь: то ли о русских «рудознатцах», то ли о насельниках Немецкой слободы. Федор Алексеевич отрядил экспедицию дворянина Петра Елисеевича Молженинова искать серебряную руду на Русском Севере. Судя по отчетам Молженинова и его людей, кое-каких успехов им удалось добиться. Первый слиток серебра, с фунт весом, отправился в столицу в 1680 году[100].

* * *

Главнейшие реформы Федора Алексеевича относятся к сфере центрального государственного управления, военного дела, культуры и просвещения[101].

Неровная — то высокая, то вдруг падавшая до ничтожных величин боеспособность русской армии требовала серьезных перемен. Царь очень хорошо видел: по внешней видимости на фронт уходили громадные воинства, их укомплектование и снаряжение стоили казне запредельно дорого. Но как только доходило до боевых действий, какие-то части действовали слаженно и храбро, другие же в лучшем случае могли испугать неприятеля своей численностью, а при серьезной сшибке просто разбегались… Старые стрелецкие и «выборные» (лучшие) солдатские полки годились для хорошей драки, а вот рейтарские, драгунские, простые солдатские как боевой элемент стоили очень мало. Обнищалые дворяне и немногочисленные иноземцы составляли самую надежную часть их личного состава. Прочая же масса «окрестьянилась» и откровенно боялась сражений. В 1679—1680 годах по указу Федора Алексеевича был проведен «разбор» всего российского воинства. Правительство собирало сведения о численности наличных войск, их составе и пригодности к службе.

По итогам «разбора» значительная часть «крестьянских» полков была распущена. Разрозненные отряды служилых казаков, пушкарей, «воротников», «затинщиков»[102] и гарнизонных стрельцов теперь распределяли между оставшимися полками. Исчезли стрелецкие «приказы»[103], стрелецкому войску придали полковую структуру.

Военное управление резко упростилось. Если раньше оно было разделено между многими учреждениями, то при Федоре Алексеевиче его сконцентрировали. Всяких полномочий в военной сфере лишились Новгородский, Смоленский, Большого дворца и иные приказы. Вся

территория страны оказалась распределена между локальными центрами военного управления («разрядами»), а над ними был поставлен Разрядный приказ в Москве. Его возглавил князь М. Ю. Долгорукий, и ему же подчинили Рейтарский, Пушкарский и Иноземский[104] приказы; его отец стоял во главе Стрелецкого приказа. Таким образом, Разрядный приказ сделался прообразом Министерства обороны и, одновременно, Генштаба. Управление военными частями и соединениями на окраинах царства сохранилось за тремя приказами: Сибирским, Казанским и Малороссийским[105].

По отзывам специалистов, Разрядный приказ еще на заре правления Федора Алексеевича, в 1677 году, работал вполне эффективно[106]. Минуло несколько лет, и он стал ядром военного механизма России. Впервые у боевых сил страны появился ярко выраженный «центр управления».

* * *

Берясь за самое трудное — упорядочение высших ярусов власти, — царь начал с малого. Весной 1680 года он изменил торжественное титулование русских аристократов и дворян, участвующих во внешнеполитических сношениях[107].

По старинной традиции воеводам крупнейших «порубежных» городов, послам, дипломатическим представителям, а также знатным людям, которые вели переговоры с иностранными дипломатами, давались пышные звания: «наместник владимирский», «наместник новгородский», «наместник коломенский» и т. п. К годам правления Федора Алексеевича никакого реального наполнения слово «наместник» уже не имело. Как пишет современный специалист Г. В. Талина, «…в реальной политике последней четверти XVII века "наместник" оставался титулом, связанным с выполнением дипломатических поручений… в предшествующей истории России наместники являлись представителями великокняжеской власти на местах, пока их должности не были отменены при Иване IV»[108]. На закате Московского царства наместник уже не являлся управителем какой-нибудь территории, не мог пользоваться доходами от нее, не рассуживал дела между тамошними жителями. Просто его персоне придавали более солидности с помощью громкого титула. Федор Алексеевич же совершенно неожиданно заинтересовался наместнической титулатурой всерьез. Прежде всего, наместнических званий стало больше, кроме того, их теперь старались закрепить за крупными администраторами — даже после того, как их дипломатическое поручение оказывалось исчерпанным. Позднее начались разговоры и о наследовании наместнических титулов.

В 1681 году эта второстепенная, по внешней видимости, реформа получила продолжение. Монарх и его окружение разработали проект Устава о служебном старшинстве. Разного рода военные, административные и дворцовые должности распределялись по тридцати четырем рангам-«степеням»[109]. Авторы проекта пытались создать впечатление, что они вовсе не вводят нечто принципиально новое, а всего лишь реставрируют драгоценную старину. Некоторым рангам давались греческие наименования, апеллировавшие к лестнице чинов, которая существовала еще при дворе византийских императоров: «доместик», «севастократор», «протовестиарий»…

Но при ближайшем рассмотрении список «степеней» гораздо более напоминает чиновные регламенты, существовавшие у немцев, шведов и датчан.

Ранг 1-й, а также еще один, идущий без номера (вне старшинства), отданы должностям по гражданскому управлению: глава всех «судей» вместе с подчиненными ему заседателями «судебной» (Расправной) палаты[110] и хранитель царской печати.

Ранги 2, 4, 6, 8, 9, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 23-й и 27-й предполагают должности воевод и главных начальников над ведомствами воинской направленности.

25-й ранг — гетман малороссийский.

Ранги 10, 17, 30, 31-й и 33-й соответствуют дворцовым должностям: дворецкий, оружничий, кравчий, старший среди чашников и постельничий.

Ранги 3, 5, 7, 11, 13, 15, 20, 22, 24, 26, 28, 29, 32-й и 34-й поделены между думными чинами: это бояре, окольничие и думные дворяне. Притом каждому рангу присовокуплено от одного до двадцати наместнических титулов, коими собирались жаловать обладателей соответствующего думного чина. Например: боярин имярек, имеющий право «третьеседания» в Думе[111], он же «наместник казанский». Или: окольничий имярек, четвертый по старшинству среди всех окольничих Боярской думы, он же «наместник дорогобужский». Еще одним особым рангом вне старшинства шли «думные посольские дьяки».

Этот проект не получил одобрения. Кто-то опасался, что наместники на бумаге станут наместниками в реальности, иными словами, разберут между собой области царства и усядутся там самовластно. Слишком уж провоцирующе звучало само слово «наместник». Кто-то, очевидно, указал на слишком сложное сочетание должностей, наместнических титулов и старинных думных чинов. В итоге проект чиновной реформы на практике не реализовался.

Оценивали его по-разному. В.О. Ключевский видел в этом проекте реакционную попытку расчленить страну, ввести «феодализм польского пошиба». Современный исследователь П.В. Седов высказался на сей счет в ином роде: «Нельзя сказать, чтобы знать вовсе не пыталась сохранить свое прежнее привилегированное положение. В связи с отменой местничества "палатсии боляре" советовали царю закрепить за думными чинами "вечные" наместнические титулы... Речь шла только о придворных титулах и передаче их по наследству. Новая титулатура должна была сохранить для родовитой части придворной знати особенное положение». Всего лишь «привилегия», но отнюдь не реставрация архаичных порядков. Историк А.П. Богданов видел в проекте простую попытку унификации: «Подготовленная во второй половине 1681 года своеобразная "табель о рангах" из 35 степеней довольно остроумно утрясала иерархию членов Государева двора, военных округов, выделившихся приказных палат (и вообще высшего гражданского аппарата), дворцовых должностей и т. п., применив к ним наместнические титулы».

Скорее всего, этот проект имел две цели.

Во-первых, требовалось чем-то компенсировать служилой аристократии тот урон, который нанесет ей отмена местничества — а эту реформу планировали на ближайшее время. Наследование наместнических титулов обеспечивало знатнейшим родам царства право на получение высших должностей. Если раньше это право имело иную гарантию — родовую честь аристократических семейств, проистекающую из их родословия, то теперь оная гарантия уничтожалась. Вместе с ней исчезала и сложная система старшинства, устанавливаемого по происхождению, по крови. Русскую знать как будто пытались обнадежить: возможно, некие льготы за ней все же сохранят, и в системе старшинства, устанавливаемого по служебному положению, она тоже займет высокое место.

Во-вторых, чудовищную пестроту дворцовых, думных, старых и новых военных чинов, отягощенную тем, что чин и должность то сливались воедино, то нет, действительно следовало упорядочить. Вот только форма упорядочивания выглядела неполной, несовершенной, недодуманной. Проживи Федор Алексеевич еще хотя бы год, скорее всего, он вернулся бы к

чиновной реформе и довел ее до логического завершения. Бог ему на это времени не дал.

Идея, однако, пригодилась. Надо полагать, 40 лет спустя это начинание Федора Алексеевича вспоминали большие вельможи петровского царствования, обдумывая Табель о рангах. Два документа близки по форме и смыслу.

Колоссальное практическое значение имела другая мера, предпринятая Федором Алексеевичем. Осенью 1680 года он создал постоянно действующую «комиссию» из дюжины вельмож с думными чинами — четырех бояр, четырех окольничих, двух думных дворян и двух думных дьяков[112]. Они «сидели» в Золотой палате, разбирая «изо всех приказов спорные дела», «челобитные». Новый орган управления чаще всего называют «Расправной палатой», а иногда «Золотой» — по месту расположения. Возглавил это учреждение князь Никита Иванович Одоевский. Палата получила право безо всякого обсуждения в Боярской думе «чинить указы» по разобранным делам — в соответствии с действующими законами или же волей самого царя.

В ноябре 1680 года центральный административный аппарат подвергся тотальной проверке. Четверть сотни приказов ревизовалась самым серьезным образом. Документы этих ведомств отправились в распоряжение Федора Алексеевича лично[113]. Царь «перетряхивал» всю верхушку приказной элиты. Целый ряд первых постановлений палаты направлен против злоупотреблений приказного люда[114]. От нового административного органа ждали прежде всего справедливого суда. А значит, пересмотра дел, решенных когда-то корыстью и, как говорили в XVII веке, «поноровкой».

Выведя Расправную палату из-под власти Думы, Федор Алексеевич не только очистил центральный аппарат от «текучки». Он создал новый орган, отбирающий полномочия у высшего аристократического совета. Иными словами, вернул нечто подобное приказу Тайных дел, уничтоженному при начале его правления. Палата получила возможность осуществлять судебный надзор за другими учреждениями, а при необходимости смогла бы заняться и координацией их деятельности. Царь придавал ей чрезвычайно большое значение. Среди всех вельмож именно глава палаты, в соответствии с проектами наместнической титулатуры, жаловался высшим титулом — «наместника московского».

В 1679—1680 годах царь именными указами определил продолжительность рабочего дня в приказах[115]. Она составила 12 часов с перерывом на обед и послеобеденный отдых — в ту пору Россия имела некое подобие сиесты, и обычай спать после обеда соблюдался неукоснительно.

Любопытно, что в сериале «Раскол», о котором зашла речь в предисловии к этой книге, указы о рабочем распорядке поданы чуть ли не как первые же распоряжения молодого царя. Якобы монарх учинил их в самом начале царствования. Ничего подобного. Прежде Федор Алексеевич должен был подрасти, прибрать власть к рукам, почувствовать, где и почему работа приказной машины идет враздрай, а уж потом принимать эти, очень нужные, постановления. Тут чувствуется рука правителя, властно наводящего порядок в расстроенном государственном «хозяйстве».

* * *

Подавляющее большинство крупных преобразований, совершенных Федором Алексеевичем, падает на 1679—1682 годы. Всего около трех лет, а работа произведена громадная! Правительственная деятельность получила тогда чрезвычайно интенсивный ритм. И здесь еще не сказано ни об отмене местничества, ни об учреждении новых училищ, ни о масштабном

строительстве…

Сам царь при столь бурном реформаторстве обязан был постоянно погружаться в гущу административных вопросов. Он просто работал на износ, словно бегун-спринтер, вышедший на марафонскую дистанцию и преодолевающий ее со своей обычной скоростью.

Историк П. В. Седов считает, что «преобразования времени царя Федора Алексеевича, предварявшие более радикальные реформы Петра I, носили половинчатый характер, поскольку не сопровождались решительным отказом от московской традиции. В этом смысле они принадлежали более к средневековому периоду русской истории». Слово «половинчатый» в русском языке имеет явно негативный оттенок. Звучит оно в духе «недоделанный», «не добравший должного качества» и т. п. Но так ли хороши «радикальные» реформы Петровской эпохи, имевшие множество губительных «побочных эффектов»? Так ли безобиден культурный и социальный раскол, введенный в русское общество безбашенной вестернизацией петровского времени? Реформы царя Федора Алексеевича — и те, о которых сказано выше, и те, о которых разговор пойдет в следующих главах, — проникнуты рациональностью и прагматизмом. Только необходимое, ничего лишнего, ничего чрезмерного. И подавно — ничего приводящего к острым общественным конфликтам. Петр спровоцировал булавинщину и большое Астраханское восстание, не считая множества малых бунтов. Федор Алексеевич обходился со своими подданными мягче, разумнее. Он «вводил Европу» в России ровно настолько, насколько она требовалась в данный конкретный момент. Он оставлял России то, что составляло духовную почву нашего общества. В конечном итоге он оперировал инструментами эволюционного развития, в то время как Петр повсюду и везде проявлял волю истинного революционера. Один переделывал русский дом постепенно, другой ломал старое и строил новое здание на прежнем месте.

Что тут скажешь? «Половинчатые» реформы Федора Алексеевича дешевле обошлись нашей стране, чем «буря и натиск» Петра, а пользы принесли немало.

Строитель

Воля самого Федора Алексеевича, а не его аристократического окружения, чувствуется в указах, преобразивших Москву и особенно Кремль.

В год вступления на престол государь ужаснулся страшному пожару, поглотившему значительную часть столицы. Такие пожары случались нередко. Особенно много разрушений принесла огненная стихия, разбушевавшаяся в 1626-м, при Михаиле Федоровиче. Но и после того памятного бедствия Москва то и дело становилась жертвой пламени.

Царь справедливо увидел корень бед в традиционном русском строительном материале. Подавляющее большинство домов на Москве возводилось из дерева. Каменные храмы, каменные стены Кремля и Белого города, каменные палаты бояр, государя, вельмож светских и духовных оставались редкими островками в океане бревенчатой застройки. Да и богатейшие люди царства, заведя каменный дом, частенько жили там наездами, ради праздничных и иных торжественных случаев.

В русском человеке прочно укоренилось мнение: жить в деревянном тереме — полезно для здоровья, а в каменных хоромах — для здоровья убыточно. И, стоит добавить, убыточно для кошелька: толстостенные кирпичные палаты требовали уйму дров на отопление. А пожары… ну что пожары! — на окраине города по низким ценам продавались разборные деревянные дома всякого вида: от самых скромных до роскошных. Купил, привез к пепелищу на старом месте, собрал, достал из подвала традиционно сложенное там ценное имущество и живи

припеваючи. Можешь забыть про пожар, будто его и не было.

Конечно, большой пожар мог нанести ужасающие потери. Гибли люди, исчезали большие хозяйства, да и не все ценности помещались в подвалах… Но изменить ситуацию в корне означало перейти на другой строительный материал. На «белый камень»[116] или на кирпич. А каменное строительство отличалось большой дороговизной. Деревянному — не чета, сплошное разорение…

23 октября 1681 года москвичам объявили государев указ:

1. «Палатное строение» крыть тесом, а затем присыпать сверху землей и дерном; если на тесовую крышу денег нет, пусть будет из дранки «на подставках», чтобы во время пожара легче выходило сломать и тем предотвратить распространение пламени.

2. Всем, у кого пострадали от пожаров дома «по большим улицам и к городовой стене к Кремлю и к Белому городу», — ставить каменные палаты. Для этого по строго определенной «указной» цене казна выдаст кирпич в долг. Расчет по «кредиту» позволялось затянуть на десять лет.

3. Если денег на «каменное строение» нет, то придется хотя бы возвести каменные заборы[117].

Значительную часть казенных средств, полученных в долг, потом не вернули. В. Н. Татищев скептически комментирует: «Как в протчем, так и в сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по предстатель-ствам их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И тако оное вскоре разорилось»[118].

Что ж, возможно, российская казна недосчиталась изрядной доли выплаченных «кредитов». Но если они пошли по назначению — на каменное строительство в Москве, — проект своей цели достиг. А значит, не стоит оценивать это начинание Федора Алексеевича как провальное.

За изготовителями кирпича и прочих строительных материалов установили строгий надзор. Желая добиться отличного качества, царь велел всякому мастеру или «обжигальщику» оставлять свой «знак» на каждый десятый кирпич.

Москвичам, пострадавшим от пожаров, Федор Алексеевич лично выдавал деньги, приехав к пепелищу.

* * *

При Федоре Алексеевиче русскую столицу приводили в порядок с большой основательностью: все переулки вымостили деревом, запаслись булыжником и приготовились менять деревянные мостовые на каменные. В Кремле провели новую канализационную систему. Жестоко боролись с уголовщиной:

«Полицыя была… довольно поправлена и в лучшее состояние приведена»[119]. Руководило ее действиями особое учреждение — Земский приказ.

О Москве царь деятельно заботился. Он не только сберегал ее от грязи и преступников, не только стремился подтолкнуть к «каменному строению», но и сам очень много строил. Если бы требовалось подобрать этому монарху пристойное прозвище, наверное, слово «Строитель» подошло бы наилучшим образом.

Его повеления о новом масштабном строительстве в основном относятся к последним годам жизни.

В Котельниках по царскому указу возвели нарядную пятиглавую церковь Казанской иконы Божией Матери. Сретенский монастырь обрел новый собор. В Симонове монастыре появились Тихвинская церковь и трапезная палата. Тогда же родился шедевр каменного узорочья, безотчетно любимый москвичами, — храм Симеона Столпника на Поварской. Он полностью выстроен на казенные средства. При Федоре Алексеевиче появилась одна из красивейших церквей Москвы — Николы в Хамовниках, а также церковь Пимена Великого, что в Старых Воротниках, и другие знаменитые храмовые здания. По столице прокатилась мощная волна храмового строительства[120].

* * *

Особенное внимание государь уделил Кремлю. На протяжении второй половины его царствования здесь не стихали строительные работы. Постоянно сновали плотники, каменщики, резчики, живописцы, расписывавшие новые постройки.

К сожалению, из всего великолепия, появившегося на территории Кремля за несколько лет, сохранилось очень немногое. Одни памятники архитектуры исчезли уже во времена Российской империи, некоторые были скошены косою советского энтузиазма...

Собор Алексия, митрополита Московского, был возведен по чертежу самого царя в Чудове монастыре. Великолепная постройка уничтожена большевиками в 1931 году. Тогда же исчезла Андреевская церковь, заложенная по указу Федора Алексеевича. Пропало и несколько деревянных храмов, созданных в годы его царствования.

Унылым и утомительным выглядит колоссальный реестр зданий, поставленных на территории Кремля при этом государе, а впоследствии сгинувших. Длинное перечисление, думается, ничего не даст ни уму ни сердцу.

Лучше попытаться представить себе территорию Кремля в совершенно ином виде, нежели предстает она перед посетителями сейчас. Ныне гость Кремля может видеть лишь пустынные площади. Прежде на их месте громоздилось невиданно сложное переплетение свежесрубленных хором, малых церковок и великих соборов, расписных беседок, крытых переходов, прудов, водовзводных башенок... Кремль Федора Алексеевича — прихотливое деревянно-каменное кружево, состоящее из многочисленных соединенных друг с другом палат с высокими крылечками, фигурными крышами, главками домовых «верховых» церквей, лесом труб — и всё это в обрамлении садов. Кремль утопал в зелени, в цветах, а по весне наполнялся щебетом певчих птиц.

Федор Алексеевич особенно любил висячие сады, устроенные на столбах и решетках. Набережные сады — Нижний и Верхний — в годы его царствования обернулись истинным чудом садового искусства. Нижний «Красный» сад устроили на особом каменном постаменте, к которому со стороны Тайницких ворот был подведен каменный бык, или контрфорс.

Нет уже деревянных дворцов, где жило царское семейство. Нет множества хозяйственных построек, зданий приказов и мастерских. Нет и непривычной для русского глаза «Голгофы» — вроде иерусалимской, с обильной лепниной из алебастра. Весьма точное ее описание составил историк Москвы И. Е. Забелин: «В 1679 г. среди верховых церквей... государь повелел устроить "Голгофу", где быть "Страстям Господним". В узком коридоре, который разделяет... церкви, живописец Дорофей Ермолаев сделал алебастровый свод, или пещеру, которую ученики его

расписали "черпашным аспидом", то есть под мрамор. В этой пещере, на каменной горе, расписанной также красками, поставлено было, на большом белом камне, кипарисное Распятие… вырезанное рельефно старцем Ипполитом, искуснейшим резчиком того времени. Пещера эта была украшена алебастровыми колоннами… посреди этих колонн, против Голгофской горы, поставлена была плащаница, или Гроб Господень, над которым висели на проволоках шестьдесят алебастровых херувимов, расписанных красками… с золочеными "нетленными венцами" и крыльями. Около Гроба Господня висели также 12 стеклянных лампад, а у стен стояли живописные картины, изображавшие евангельские притчи»[121]. «Голгофу» устроили после того, как молодой государь вдохновился величественными постройками подмосковной Новоиерусалимской обители[122].

При Федоре Алексеевиче великая строительная эпопея преобразила Кремль. Самое красивое из зданий, дошедших до нашего времени после нее, принадлежит Крестовоздвиженскому храму. Оно стоит на краю Соборной площади. Гряда главок и яркое изразцовое «одеяние» придают ему сходство со сказочным теремом. Но это всего лишь тень прежнего великолепия…

Зато со времен «бедного отрока» в Кремле сохранилось то, что делает его узнаваемым по всей планете. До Федора Алексеевича крепостные башни столичной цитадели выглядели сурово и мрачно. Если кто-нибудь захочет составить точное представление о Московском Кремле XVI — середины XVII века, пусть взглянет на стены и башни Коломенского кремля. Они оставляют впечатление чудовищной, неодолимой мощи, лишенной каких-либо милых архитектурных мелочей, нарядных завитушек, «ювелирных украшений» из камня. Одна голая сила. Так выглядел и Московский Кремль до конца XVII столетия. И только Спасская (Фроловская) башня отличалась от прочих. Над ней еще при царе Михаиле Федоровиче соорудили шатровое завершение, а также создали ярус белокаменных украшений: арочек, островерхих башенок, фигурок… И стояла она, словно красавица в окружении суровых бойцов. Так вот, Федор Алексеевич указал изменить облик стен, башен, а вместе с ними еще и всей Красной площади.

Именно при нем кремлевские башни, помимо Спасской, получили шатровые «верхи», вызвавшие у народа восхищение и одобрение. Ныне это их роскошное убранство в первую очередь и вспоминается, когда заходит речь о Кремле. По всему миру известны кирпичные шатры московской твердыни. Стены Кремля отремонтировали, а затем тщательно выбелили известью (1680). Так что в XVIII век древняя крепость вступила в сиянии белизны.

Новая краса Кремля выгодно смотрелась на опустевшей Красной площади: тут снесли все лавочки, будочки, шалашики и халупки, архитектурно загрязнявшие ее простор. Не пощадили даже десяток обветшалых деревянных церковок — их потерю Федор Алексеевич возместил обширным строительством каменных храмов в иных местах «стольного города». Красная площадь сделалась дивно хороша и оставалась таковой… покуда там не появился новый архитектурный мусор: аляповатый картонный балаган катка.

При Федоре Алексеевиче Кремль пережил кратковременный, но пышный расцвет перед эпохой длительного увядания.

Поразительно, как много строил «слабый и болезненный» царь! Он творил прекрасное обиталище для себя и своего семейства. Сюда он привел первую свою супругу. Сюда, стоя при дверях смерти, привел и вторую, питая отчаянную надежду выжить, подняться, судьбу свою устроить лучше прежнего. Он чувствовал в себе большую внутреннюю силу. Порой она побеждала телесную немощь. А когда все-таки отступала, царь упрямо рассчитывал: это временно, еще Бог поможет, выкарабкаюсь…

Он не хотел умирать рано.

Он мечтал жить долго, красиво, насыщенно.

Он рвался переустраивать жизнь вокруг себя к лучшему.

И он кое-что успел, этот царь-отрок. Не ему, так державе его пригодилось созданное по монаршей воле великолепие.

Охабни и кафтаны

Царствование Федора Алексеевича — короткое, но бурное. Война с турками, реформы, старообрядческие «гари»…

Но в память современников и ближайших потомков имя государя вошло благодаря далеко не самому важному его нововведению. Можно сказать, проходному. Оно запомнилось более всего прочего, поскольку задело самую консервативную сторону жизни общества, а именно повседневный быт.

То-то удивился бы сам Федор Алексеевич!

Для того чтобы этот парадокс высветился во всей его причудливой красе, стоит привести отрывок из одного летописного памятника:

«В лето 7184-е (1676) иануариа в 30 день великий государь, царь и великий князь Алексий Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, оставя царство земное, пересел ися в вечныя обители; царство ва 32 лета. Того же лета воцарися сын его, благоверный царевич Феодор Алексиевич. Венчан бысть царем и государем в соборной церкви святейшим патриархом Иоакимом.

И бысть сей государь кроткий, в делех разсудительный, премудростию и разумом подобный Соломону. При его же царстве повелением его верховые святыя Божия церкви украсишася предивным благолепием, и град Кремль поновися, и на башнях верхи изрядно построишася.

В лето 7189-е (1680) октября в 22 день великий государь, царь и великий князь Феодор Алексиевич указал бояром, окольничим, думным, служилым людем и всякому чину древнюю одежду — однорядки и охобни — не носить, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны не на подъем.

В лето 7190-е (1682) апреля в 27 день великий государь, царь и великий князь Феодор Алексиевич, оставя царство земное, переселися в вечныя обители; царствова 6 лет»[123].

Итак, что же запомнилось от шестилетнего правления Федора Алексеевича? Занял престол после кончины отца, украсил кремлевские церкви и крепостные башни, провел реформу: запретил охабни! — и сам скончался. «Поновление» храмов и башен — хорошее, конечно, дело, но когда оно совершилось, не помнят. А вот повеление не носить охабни помнят очень хорошо. Это единственное событие царствования, точная дата которого сохранена летописью.

Отмена охабней стала чуть ли не визитной карточкой царствования Федора Алексеевича. А сколько отзывов и комментариев получило это маленькое нововведение в книгах и статьях историков! Его склоняли на все лады, придавая то один, то другой смысл.

Сведения об этом сохранились во множестве источников. Притом смысл «реформы» передается очень по-разному. Как видно, всем запомнилась отмена одежды, имевшей звучное, можно сказать, сочное русское название «охабни», а вот почему и на что их меняли —

размылось в исторической памяти народа. Причем размылось до такой степени, что иногда позволяет заподозрить в «реформе» значение, прямо противоположное тому, которое вкладывал в нее сам царь.

Иностранцы запомнили: Федора Алексеевича упросила расправиться с охабнями первая его супруга Агафья Грушецкая. «Прежде всего, она уговорила [мужа] отменить охабни, то есть одежды безобразные женские, которые на войско надел тиран царь, когда оно бежало позорно без битвы с поля сражения, далее она уговорила стричь волосы и брить бороды, носить сабли сбоку и одеваться в польские кунтуши»[124]. Запомнили также и то, что приблизительно в это время русский военно-служилый класс принялся охотно переодеваться в польское платье. Один французский дипломат, посетивший Московское государство в 1689 году, впоследствии говорил: «Люди одеты почти так же, как поляки, богатые носят зимой одежду из голландского сукна, подбитого прекрасными мехами»[125]. Другой иноземец через несколько лет после смерти царя указывал, что Федор Алексеевич «…возненавидел отеческие обычаи, ему нравилась и одежда, и украшения польские»[126]. Приметили и то, что родные сестры Федора Алексеевича, Екатерина и Мария, переоделись в польском вкусе. Екатерина Алексеевна совсем «…забросила московские кафтаны, перестала заплетать волосы в одну косу».

Тут много сказано странного и путаного. Обычай позорить неудачливых воевод, приказав им надеть женское платье, у русских государей водился. Так поступал, например, Иван Грозный. Именно его, очевидно, поминают как «тирана». Но к середине XVII века о сем древнем обыкновении и думать забыли. Охабни конечно же никогда не были исключительно женской одеждой, но, напротив, мужской. Их носили массово, и ничего позорного в том не заключалось. А вот польская одежда действительно составила московскую моду 1680-х годов.

Могла ли царица с ее полонизированными манерами «уговорить» царя Федора Алексеевича по части охабней, польских кунтушей, стрижки волос, бритья бород, ношения сабель? Тут надо разбираться по пунктам и очень осторожно.

Сам царь ходил без бороды. Возможно, это результат уговоров жены — оно, конечно, «ночная кукушка дневную перекукует»… Такое уже бывало в истории Московского государства: молодая красавица Елена Глинская когда-то упросила своего неюного супруга Василия III сбрить бороду. И ничего, государство не рухнуло. При Федоре Алексеевиче, да и позднее, брадобритие осуждалось Церковью, но не преследовалось со стороны светских властей. Оно существовало в виде моды, несущей вызов старым обычаям, и, вероятно, его подпитывали вкусы самого царя. Но при Федоре Алексеевиче брить бороды принялись очень немногие. Европейцы, посещавшие Москву после кончины Федора Алексеевича, с недвусмысленной ясностью говорят: московиты носят длинные бороды. Никуда, таким образом, бороды не делись.

Но стричь волосы? Да еще при Алексее Михайловиче их повелевали ни в коем случае не стричь. Ведь «стричь» — значит носить короткую прическу. А наша аристократия исстари имела обыкновение *брить голову* до синевы. И редко кто ходил, по западному обычаю, с длинными волосами или с подстриженными. Обычай, касающийся бритья головы, пережил Федора Алексеевича.

Сабля или шпага, прикрепленная на боку, определенно вошла у русского дворянства в моду в 1680-х годах — прежде под одеждой носили длинные ножи. Но источники не позволяют сказать точно: произошло это на последнем отрезке царствования Федора Алексеевича или уже после Стрелецкого бунта 1682 года. Возможно, влиянию царицы Агафьи приписали обычай, который наша знать заимствовала и без нее.

Совершенно точно эта государыня повлияла на русский женский наряд. Она не имела в гардеробе охабней и почти не носила традиционных круглых шапок, предпочитая первым шубы и «телогреи», а вторым — «треухи». Вслед за нею некоторые знатные женщины стали наряжаться именно так. Но в женском тереме перемена происходила значительно медленнее, нежели в царских палатах. Княгини и боярыни не торопились следовать новой моде, ей поддались немногие.

Польскую одежду государь Федор Алексеевич вполне мог полюбить, а с 1679 года, без сомнений, иногда носил ее: источники свидетельствуют об этом неоспоримо[127]. Его родные — полюбили определенно. Да и дворянство русское вскоре после смерти Федора Алексеевича принялось носить польское платье с большой приятностью.

Но ни в одном источнике русского происхождения, пересказывающем содержание указа про охабни от 22 октября 1680 года, ничего не говорится о смене старой русской одежды на польскую! В частности, «польские кунтуши» не упоминаются ни единым словом.

Вот, например, отрывок из воспоминаний, сохранившихся в одном рукописном сборнике XVIII века: «Сей царь Феодор Алексеевич переменил древнее Российское платье охабни и протчее и велел носить мущинам кафтаны, а женщинам шубы и телогрейки и треухи, а не шапки»[128]. Звучит совсем иначе, нежели в том летописном памятнике, который цитировался в самом начале главы. Во-первых, сохранилась историческая память о нескольких (как минимум двух) указах Федора Алексеевича — о мужском платье и о женском. Во-вторых, здесь смысл указа, запрещающего охабни, — совсем иной. Охабни заменили просто кафтанами, а не какими-нибудь особенными кафтанами «не на подъем».

И — ничего о «кунтушах».

В начале 1990-х годов историк П.В. Седов наконец-то ввел в научное обращение текст самого указа. А это, разумеется, гораздо более ценно, нежели самый качественный летописный пересказ.

На Казанскую — большой церковный праздник, имевший, ко всему прочему, особое почитание у Романовых[129], — государь после обсуждения с Боярской думой указал: «С сего времени стольником и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком и жильцом[130], и всяких чинов служилым людем носить служилое платье ферезеи и кафтаны долгополые для того: по его, великого государя, указу они… бывают на его государевых службах в полкех носят ферезеи и кафтаны и иное служилое платье, а к Москве приехав вместо того служилого платья носят городовое платье охобни и иное и в той перемене чинятца им убытки большие и для того то городовое платье охабни и иное отставить, чтоб впредь вышеписанных и иных чинов служилым людем в том убытков не было, а коротких кафтанов и чекменей никому не носить не которыми делы, а носить всем то служилое платье и в город всем выехать с воскресенья октября с 24-го числа»[131].

До Седова историки опирались на пересказы этого документа — более или менее искаженные и, во всяком случае, неполные. Многие горячие головы соблазнились высказываниями иностранцев и принялись рисовать портрет царя-«западника», переодевающего своих подданных на европейский манер — в короткополое польское платье. Федор Алексеевич в чем-то, конечно, «западник». Но практические проявления этой его умственной склонности не столь просты и однозначны, как принято думать. Нет в его указе про охабни ничего, свидетельствующего о государственной воле европеизировать русскую одежду. Ни в указе, ни в его летописном пересказе ничего не говорится о введении польской или короткополой одежды. Кстати, Польша в то время не знала моды на короткополые наряды. «Кафтаны не на

подъем» — значит длиннополые кафтаны, а не наоборот. В указе же прямо сказано: короткие кафтаны подпадают под запрет.

П.В. Седов, несколько поторопившись, даже сделал прямо противоположный вывод: царь выступил в роли охранителя! Он решил сберечь старинную русскую одежду от влияния западных мод. Иначе говоря, шел курсом, прямо противоположным петровскому: при Петре I наказывали тех, кто не желал носить европейское платье, а до него, в частности, при Федоре Алексеевиче и его отце, — напротив, тех, кто носил его[132]. Ведь при Алексее Михайловиче, на вечерней поре его царствования, действительно издавался указ, запрещающий московскому дворянству носить кафтаны и шапки «с иноземских образцов». Так не пошел ли его державный отпрыск тем же путем?

Вот уж смело! Смело с избытком.

Чем же охабни (или, иначе, опашни) и чекмени проигрывают в русскости длиннополым кафтанам и «ферезеям»?

Вопрос далеко не простой. Столько эмоций вокруг него нагорожено решительными сторонниками «западничества» и «охранительства» Федора Алексеевича, что надобно остановиться на нем с большой подробностью.

Историк С.М. Шамин, не относящийся ни к первым, ни ко вторым, предлагает более здравое суждение: «Ближайшая цель указа состояла в установлении более или менее единообразного костюма, в котором служилые люди должны были являться на службу»[133].

Иначе говоря, по мнению С. М. Шамина, в «реформе» Федора Алексеевича не содержалось ни пропольского, ни прорусского смысла.

Определенный резон в этом есть. Если внимательно вчитаться в текст указа, станет ясно: дворянам, относящимся к государеву двору, предписывают на московскую службу являться в том же «служилом платье», в котором они бывают на выезде — в городах, полках. Им разрешают не ходить больше на Москве по служебным делам в «городовом платье». А «городовое платье» — одежда более роскошная и менее удобная, чем платье «служилое». Это, говоря современным языком, «представительская» или «статусная» одежда.

Почему дворяне получают такое позволение? И почему долгополые кафтаны, а вместе с ними «ферезеи» (ферязи, ферези) царский указ относит к «служилому» платью, а короткополые кафтаны, чекмени и запомнившиеся всем охабни — к «городовому»? Почему вообще короткополые кафтаны, чекмени и охабни поставлены в один ряд?

Прежде всего, стоит уяснить, что представляли собой все эти предметы гардероба.

Знаменитый охабень — ничуть не короткополое одеяние. Это верхнее широкое распашное платье длиной до щиколоток или ниже, до каблуков. Книзу охабень чуть расширялся. Рукава к охабню шили длинные, тонкие, и носить его в рукава выходило неудобно. Поэтому в рукавных проймах делали длинные разрезы, чтобы надевать охабень внакидку, пропустив руки через эти разрезы, а рукава завязав на спине или на животе. Спереди охабень застегивался встык на петлицы, сзади к нему прикрепляли большой откидной воротник, доходивший порой до середины спины. Охабень считался одеждой дорогой и нарядной. Его изукрашивали, насколько позволяли средства. Богатый помещик мог выйти на службу в щегольском охабне из атласа, бархата, парчи и даже из шелка с золотой или серебряной вышивкой. Такой охабень унизывали жемчугом[134], приделывали к нему дорогие красивые пуговицы, обшивали воротник

кружевами.

С охабнем имела сходство «однорядка» — такая же длинная верхняя одежда с прорезями под декоративными рукавами, только без воротника и без подкладки. Однорядку могли опоясать, но чаще носили как плащ — в холода, в дождливое время. Заезжие иноземцы называли ее именно «плащом». Наши предки в однорядке видели такую же «парадную» одежду, что и в охабне. А потому украшали ее кружевом, золотым шитьем, цветными нашивками.

Чекмень шили разной длины. И по щиколотку, и по колено, и — гораздо выше — по середину бедра. Он представлял собой нечто среднее между кафтаном и халатом. Мода на чекмени, очевидно, пришла к русским от татар и задержалась надолго. Кавказские народы и наши казаки носили чекмени (или чапаны) и в XVIII, и в XIX столетиях… Чекмень — верхняя суконная одежда, в реалиях средней России соответствовавшая осеннему и весеннему сезонам, времени холодов, ненастья, зябких ветров. Чекмень представлял собой однобортный распашной «утеплитель». Его носили нараспашку, накинув на плечи, или же подпоясывали кушаком. Застегивали его крючками за петельки. Крючки вставляли в правую полу, а петельки нашивали к левой стороне груди. Чекмень исключительно удобен и, кроме того, это наряд молодецкий: туго затянутый торс, пристегиваемый воротник-стоечка[135], снизу — за счет сборок и клиньев — раструб. Его можно скроить из дорого сукна, богато украсить. А в XVII веке наши дворяне очень любили пышную, праздничную, многоцветную одежду.

Итак, охабни, однорядки, чекмени — всё это верхняя одежда, традиционно-русская или заимствованная у тюркских народов, чаще всего нарядная, а значит, дорогая. Может быть, «городовое платье» воспринимается прежде всего как более богатое, нежели платье «служилое»? Тогда Федор Алексеевич избавил своих дворян от лишних расходов, от быстрого износа дорогого платья, позволив приходить на службу в дешевом, повседневном…

К последнему отнесли длиннополый кафтан и «ферезею» (ферязь).

Что касается кафтанов «не на подъем», то есть, попросту говоря, длиннополых, то сегодня совершенно неясны простые слова, понятные для современников Федора Алексеевича. «Не на подъем» — это до щиколотки, до колена или выше? Кафтаны-то были разные, и до наших дней дошли образцы второй половины XVII столетия с полами неодинаковой длины. Короткий кафтан — вероятно, до середины бедра и выше, по моде Франции, Венгрии. Его отвергли. А вот какая длина считалась *приличной* для дозволенного кафтана? До колена — нормально или коротковато?

Судя по одному высказыванию 1680-х годов, кафтан, предписанный реформой Федора Алексеевича (а может быть, и ферязь), виделся современникам заметно короче охабня. Известный книжник того времени, интеллектуальный фаворит Федора Алексеевича Сильвестр Медведев уже после кончины монарха писал: «Бысть от него, государя, повеление всему его сигклиту[136] и всем дворяном и приказным людем, чтобы носити одеяние — кафтаны. Прежде того носили длинное платье: охабни и однорядки. И начата вси носити кафтаны и до сего дни»[137]. Медведев, коему бы вечно Бога молить о своем великом благодетеле царе Федоре Алексеевиче[138], ворчит на него: мол, навводил в одежде, питье, обуви и в воинских званиях иноземщины, оттого и случились после его кончины большие бунты. Ну, на этот счет, отчего случились бунты, есть тысяча мнений, и медведевское — далеко не самое авторитетное из них. А вот одно в словах Медведева исключительно ценно: высказывание о длине одежды. Можно считать твердо установленным: кафтаны, предписанные к ношению, воспринимались людьми того времени как нечто короче охабня, но и не по бедро, то есть длиннее совсем уж короткополой вариации, начавшей было распространяться в России.

Примерно то же сказано в позднем летописном памятнике — «Русском Хронографе» особой редакции: Федор Алексеевич «…указал своего царского синклиту бояром и окольничим и думным и ближним и служилым и приказным людем на Москве и в городах носить служилое платье и прежние старообытные городовые одежды: охобни и однорядки оставить для того, что те были одежды долги — прилично женскому платью — и к служилому и дорожному времени не потребно, да и много убыточно»[139].

В указе о длине одежды ничего не сказано. О сходстве ее с женской — также. Иностранцы, конечно, укоряли русских за то, что их одежды столь долги — Европа привыкла к гораздо более коротким одеяниям, а потому традиционное русское мужское платье воспринимала как женское или «азиатское». Но в тексте указа нет ни малейших признаков того, что их мнение учитывалось. Более того, указ не упоминает ни бояр, ни окольничих. А вот насчет «убыточности» — да, это сохранилось в народной памяти.

Но… и кафтаны бывали как скромными, так и богато отделанными. Состоятельный человек мог пошить себе кафтан из дорогих материалов.

Ферязь — одежда такая же длиннополая, как и охабень, или несколько короче. Но от охабня ферязь имела два принципиальных отличия. Во-первых, ее изготавливали без воротника. Во-вторых, ее надевали в рукава. Длинные (намного длиннее руки) рукава у плеча собирались во множество складок, а узкая нижняя часть позволяла им крепко удерживаться возле кисти и не падать. Но ферязь могли носить и «спустя рукава», то есть продев руку не до конца — так, чтобы ладонь осталась в рукаве. Любимый способ ношения у старомосковской аристократии представлял собой нечто среднее: одна рука продевается до конца через рукав, а вторая остается внутри другого. Носили ферязь чаще всего без перехвата, но иногда заказывали «становой» вариант — с перехватом. А застегивали ее на пуговицы, вставлявшиеся в особые нашивки с петельками. Эти нашивки любили украшать кистями. Ферязь имела три несомненных достоинства. Во-первых, ее при всем желании не протрешь на локте. Во-вторых, в ней удобно согреть руки, когда наступают заморозки. В-третьих, ее можно было, как плащ, откидывать до половины спины, если в ней станет слишком уж жарко.

Ферязь никак не может считаться одеждой, предназначенной исключительно для повседневной носки. Она выглядит в лучшем случае чуть менее пышной, нежели охабень. Но ее также могли сшить из парчи, из шелка с золотой или серебряной вышивкой, из бархата, а потом еще и подбить собольим мехом. Да и пуговицы на праздничной ферязи по дороговизне ничем не уступали оформлению охабней.

Выходит, богатство верхней одежды еще не признак его принадлежности «городовому платью». Видимо, дело все-таки в типе одежды, а не в богатстве или бедности ее оформления.

К польской и малороссийской моде ферязь имеет прямое отношение. Там ее охотно носили. Как, впрочем, и длиннополый кафтан: поляки того времени предпочитали длиннополые кафтаны короткополым (а их-то как раз отнесли к числу запрещенной одежды). Но русские и без того исстари носили столь же длинную одежду, в частности, те же ферязи. Нельзя сказать, что ферязи заимствованы у западных соседей.

В чем же тут дело? Зачем понадобилось утеснять охабни и чекмени ради ферязи и длиннополого кафтана?

Стоит обратить внимание на то, кому именно адресована «реформа», а кто от нее избавлен. Указ четко называет чины, к которым обращается государь: стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы и «всяких чинов служилые люди» — то есть и те служилые люди,

кто стоит в иерархии государева двора ниже дьяков и жильцов. Стольников, стряпчих и дворян московских — многие сотни. Они составляют среднюю часть служилой иерархии московской. В переводе на служебные ранги Российской империи это высшие офицерские чины, но еще не генеральские. Это не верхушка двора. На высшем ярусе — «думные чины», коих всего четыре: думные дьяки, думные дворяне, окольничие и бояре. К ним добавляется несколько важнейших «дворовых» чинов — ключевых должностей в дворцовом хозяйстве. Таковы, например, чины конюшего, оружничего, казначея, дворецкого. Всего несколько десятков человек, общее количество которых может колебаться в широких пределах. Как правило, это богатейшие светские землевладельцы страны — помимо самого государя. Следует отметить: *их реформа не касается.*

А для всех остальных она подается как подарок, как избавление от больших убытков.

Но какие «убытки» могут понести служилые люди среднего звена «дворовой» иерархии, если им придется, вернувшись с дальней службы в Москву, поменять ферязь на охабень? Что из них удобнее, что менее сковывает движения — большой вопрос. Русские люди любили щеголять и в том, и в другом. А уж чекмень, кажется, удобнее и охабня, и ферязи, недаром его еще очень долго носили казаки… Но чекмень-то как раз отменили вчистую!

Кажется, один ответ объясняет всё. Если прежде на «городовых» и «полковых» службах требовали носить одно платье (ту же ферязь или кафтан), а в Москве другое (тот же охабень как своего рода «придворный мундир»[140]), то у служильцев среднего слоя на такую «перемену» могло элементарно не хватать денег. Особенно если учесть, что еще не закончилась тяжелая, разорительная Русско-турецкая война. Из сотен стольников, стряпчих, московских дворян далеко не все — состоятельные вотчинники. Есть люди и победнее. Им этот охабень поперек горла: ну чем плохи ферязь или кафтан, без которых точно не обойдешься, ибо это одежда военная, походная, армейская, и почему нужен сверх того еще и охабень? Для них подобный расход — сущее разорение. Военная же одежда для холодных сезонов по необходимости не должна быть ни слишком короткой (ноги мерзнут), ни слишком длинной (полы волочатся по грязи, набирают влаги и тяжелеют).

Ну а для высшего слоя, для служилой аристократии, подобные траты, очевидно, не выглядели столь уж тяжелыми. Для них отмены требования носить охабни не последовало.

В итоге приходится сделать вывод о весьма скромном и весьма прагматичном назначении реформы. Федор Алексеевич желал всего-навсего привести одежду членов высшей служилой корпорации — государева двора — к единообразию. Просто-напросто унифицировать ее. Изо всех видов одежды, применявшейся тогда на службе, представителям наиболее бедных и средних слоев московских дворовых служильцев позволили носить только «военизированные» виды — ферязь, длиннополый кафтан; ничего сверх того от них более не требовали. А в целях достижения единообразия охабни велели не носить и тем из них, кто мог их приобрести. Из тех же соображений унификации выбросили из быта чекмени и короткополые кафтаны: если уж все носят ферязи с длиннополыми кафтанами, так все! Богачам оставалось пошить… дорогие парадные ферязи из парчи и бархата.

Выходит… охабень стал своего рода привилегией. Высшим чинам государева двора царь не запрещал носить охабни. Вот и получается, что отсутствие подобного запрета означало для них, с одной стороны, дополнительную финансовую нагрузку, а с другой — создание законодательно закрепленных различий между влиятельной служилой аристократией, «сливками» двора, и всеми прочими. Охабни — для тех, кто составляет самую верхушку военно-служилого класса, высший его эшелон, а ферязь — для тех, кто туда не попал и, возможно, никогда не попадет.

Никакой идеологии! Сплошная прагматика.

Тот же историк С.М. Шамин, резюмируя смысл и результаты реформы, пишет: «Федор Алексеевич не вводил в Россию ни польской, ни какой-то другой европейской одежды»[141]. Так и есть, можно лишь согласиться.

Далее: «Он просто запретил ношение традиционного парадного костюма, заменив его служилым платьем. В таком одеянии к моменту издания указа ходили уже многие представители московской знати». Не совсем точно: запрет касался не всех. Просто служильцы, для которых дороговато было носить то одно, то другое в разное время, оказались избавлены от лишней финансовой тяготы.

Далее: «Служилое одеяние по необходимости должно было как можно меньше сковывать движения человека. Это и предопределяло его меньшую длину. В угоду ревнителям традиций указ запрещал носить и "постыдно" короткие костюмы. Между "ретроградски" длинными охабнями и вызывающе короткими чекменями служилые люди (за исключением случаев парадных государственных церемоний, для участия в которых были необходимы ферези строго регламентированного вида) могли теперь выбирать наиболее приемлемый для себя крой одежды. Кроме того, под ферезью зачастую носили короткий, иногда выше колен, кафтан. По окончании дворцовых церемоний ферезь можно было расстегнуть и закинуть за спину, как плащ. Это существенно меняло внешний вид человека». Как солдат, отслуживший два года срочной службы в среднеевропейских широтах, автор этих строк хотел бы поставить под сомнение изложенные выше умозаключения. Ох, как худо поздней осенью, когда шинелька коротковата! Ох, как неприятно ранней весной, когда холодный ветер бьет по ногам, а шинелишка их не закрывает! Ох, как странно думать, что длинные или широкие полы как-то могли «сковывать движения» или давать дополнительную свободу. Как они могут влиять на движения рук, когда полы одежды касаются ног?! А ногам никакие полы двигаться не мешают. И, разумеется, совсем никакого значения эта длиннополость или короткополость не могла иметь для кавалерии — очень, знаете ли, трудно «сковать движения» ног, когда они пребывают на боках лошади справа и слева от седла… А подавляющее большинство наших дворян служили именно в конном строю. Зато бесконечные осенне-весенние грязи подсказывали воздержаться от слишком уж длинных одежд: чай, не чистенькие полы государева дворца ими мести!

Что же касается платья, надеваемого под ферязь, то тут уж никакой регламентации указ не вводил. Это ведь вовсе не верхняя одежда, которой только и касалось повеление Федора Алексеевича от 22 октября 1680 года.

И, наконец: «В результате реформы Федора Алексеевича костюм русского служилого сословия стал, в соответствии с общеевропейской тенденцией, постепенно укорачиваться и приобрел сходство с польским. Появление свободы выбора привело к проникновению в Россию нового, чисто европейского явления — моды. Осознавала ли русская знать сходство нового костюма с польским? Скорее всего, да, поскольку это сходство очевидно. Однако признать его было бы унизительно для национального самолюбия… В итоге молодые могли щеголять своим "европейским" видом, а ревнители старины — делать вид, что ничего особенного не происходит». Слишком много тут натяжек, слишком много логических спекуляций. Русский костюм действительно укорачивался. Но следовало бы честно признаться: нет достаточных оснований видеть прямую связь между этим явлением, указом Федора Алексеевича 1680 года и «общеевропейской тенденцией». Очевидно, *укорачивание стало побочным эффектом от «военизации» русской мужской одежды.* Не более того.

«Общеевропейская тенденция» привела к значительно более радикальному укорачиванию

одежды на колоссальном пространстве от Англии до Венгрии и от Швеции до Венеции. Россия, с легкой руки Федора Алексеевича, всего лишь чуть-чуть подрезала полы. Русские дворяне и «приказные люди»[142] до этого «косметического» укорачивания напоминали турок и персов, а после него — поляков… носивших самые длинные одежды в Европе. От этого «полонообразия» официально избавятся лишь при Петре I — будет официально предписано русское платье, «которое было наподобие польского платья», отменить, а вместо него ввести короткое платье, характерное для Западной Европы.

Для биографии самого Федора Алексеевича тут прежде всего важно следующее: «Охабенная реформа» не свидетельствует ни о каком «западничестве», ни о каком «полонофильстве» и, одновременно, ни о каком «охранительстве» Федора Алексеевича. Царь позаботился о служилых людях. Что ж, милостив государь русский.

Вот и всё.

* * *

Реформа одежды имела два следствия.

Первое из них нетрудно предсказать. Федор Алексеевич с большим вниманием относился к упорядочению быта своих подданных — совершенно как его отец. Тут он склонен был проявлять мелочность при составлении инструкций и суровость при первых же признаках неповиновения. Например, через год после указа про охабни царь издал указ, регламентирующий езду на каретах. Боярам и прочим «думным чинам» позволялось по будням запрягать двух лошадей в карету или сани, по праздникам — четырех, а «на сговорах и свадьбах» — шесть. Служильцам государева двора меньшего ранга зимой разрешалось запрягать в сани одну лошадь, а летом предписывалось ездить верхом[143]. Бог весть, чего тут больше — желания разгрузить узенькие московские улочки или довольно неблаговидного стремления в мелочах контролировать жизнь подданных.

Ну а уж коли вводить подобные правила, то придется разрабатывать и правила контроля за их исполнением…

Служильцев государева двора, не глядя на знатность, возраст и заслуги, просто не пускали в Кремль, если они являлись в неположенной одежде. Если же они рвались в ворота силой, то охрана попросту «сдирала» с них охабни и однорядки. За пределами же государева двора — и как кремлевской территории, и как служилой корпорации — реформа не получила обязательной силы. Да и не карали за ношение охабней. Царь действовал твердо и последовательно, однако в большей степени «пряником», нежели «кнутом»: хочешь продолжать служилую карьеру в Кремле, ограничь себя в выборе одежды, а не желаешь — так оставайся подальше от царской особы, и Бог тебе судья! Наше дворянство в большинстве своем спокойно рассталось с охабнями.

Гораздо большая жесткость Петра, ломавшего через колено тех, кто не желал расстаться с бородами и старообразным костюмом, вызывала сопротивление. Более мягкий подход Федора Алексеевича оказался эффективнее.

Второе следствие прямо связано с содержанием указа от 22 октября. Через два месяца, 19 декабря, вышел новый царский указ о придворном платье. Он развивал и, отчасти, исправлял предыдущий. Государь утверждал ферязи в качестве парадной «дворовой» одежды для всех, не исключая бояр и прочих думных чинов. Об охабнях, позволенных кому-либо, уже и речи нет. Унификация коснулась и величайших аристократов.

Об «убытках» служилых людей нет ни слова. Напротив, новым указом они вводились в большие расходы. Всем чинам — от боярина сверху и московского дворянина и дьяка снизу — предписывалось завести по три (!) богато оформленных ферязи.

«Золотая» (парчовая) ферязь предназначалась для дня «Новолетия» (1 сентября), на Рождество Христово, Пасху, Богоявление, Благовещение, Троицын день, праздник Входа Господня в Иерусалим, на именины царя с царицею (дни поминовения святого Феодора Стратилата и мученицы Агафьи), на Спаса Нерукотворного, в день Успения Богородицы и день Ризы Господней.

«Бархатная» ферязь — для большинства богородичных праздников, на Воздвижение, на Сретение и Преображение Христово, на Святую неделю, в дни поминовения «нарочитых» святых и некоторые другие праздники.

«Объяринная»[144] ферязь — на дни поминовения других «нарочитых» святых, по воскресеньям от Рождества Христова до Богоявления, а также на повечерия этих двух праздников[145].

Новый указ, думается, был довольно неудобен для служильцев государева двора. Дело не только в расходах. Из персон, которые имели право одеться согласно собственному вкусу и средствам, разных по характерам и приоритетам, они превращались в монолитную массу.

Конечно, царь желал меньшей пестроты и большего «благолепия» для своего двора. Но… уж очень сильно эти его дотошные инструкции напоминают игру в солдатики. «Наденем-ка на них одинаковые мундиры!» — как будто звучит монарший голос.

Конец местничества

Самая крупная реформа Федора Алексеевича, реформа, глубоко и масштабно изменившая русское общество, — отмена местничества.

Судьбы тысяч людей оказались задеты ею. Древние устои, руководившие жизнью русского дворянства, расточились.

Это не игры с охабнями и ферязями. Это на порядок более значительное державное преобразование.

И если иные нововведения государя могут оцениваться по-разному, то уничтожение местнических порядков до сих пор получало и получает безусловно положительную оценку. Обычай одряхлевший, агонизирующий и вместе с тем сковывающий государственную инициативу, приносящий страшный ущерб на ратном поле, следовало отменить. Та решительность, с которой Федор Алексеевич совершил эту государственную работу, заслуживает уважения.

* * *

Прежде всего: что современный образованный человек знает о местничестве?

Как правило, до крайности мало. Да и то знание о местничестве, которое все-таки получило распространение в обществе, чаще всего имеет весьма искаженный характер.

Существует абсолютно неверный стереотип, согласно которому местничество — пустая игра

спесивых вельмож. Будто бы местнические споры и тяжбы лишь отнимали у них время, необходимое для полезной государству деятельности. Будто бы местничество — нелепый плод «кондовой толстозадой» Руси, не сумевшей достойным образом организовать жизнь высших сословий. И ничего, кроме вреда, от него не происходило, да и в принципе происходить не могло.

Конечно, на первый взгляд может показаться глупым и даже неприличным поведение военачальников, отказывающихся идти в поход под началом недостаточно знатного воеводы.

Ссора из-за того, кому первым вступать в сдавшуюся крепость, чье происхождение дает на это больше прав, выглядит в глазах нашего современника просто смехотворной. Конфликт на почве высчитывания степеней знатности, который в итоге сорвал боевую операцию и даже привел к поражению от неприятеля, действующего быстрее и слаженнее, чем рассорившиеся русские полководцы, вызывает осуждение. И, несомненно, с колокольни XXI века трудно одобрить ситуацию, когда более знатный человек ставится выше, чем более одаренный или же более заслуженный.

Всё это так. Но это лишь внешние проявления чрезвычайно сложного социального механизма. Притом действительный вред они наносили довольно редко. Российское государство выработало множество способов, работающих на его уменьшение или же полное снятие. Разумеется, время от времени такое случалось, находило отражение в летописях и документах, а впоследствии поражало потомков. Им невдомек было, почему при таких «рисках» русское общество цеплялось за местничество, а Русское государство долгое время не решалось его ликвидировать.

В одной ли косности тут дело? В одном ли консерватизме?

Если ко второй половине XVII века местническая традиция превратилась в тормоз для многих добрых начинаний, то прежде оно приносило огромную пользу. Столь значительную, что его следовало бы считать гениальным плодом социального творчества русского народа.

Рассказ о том, в чем состояла великая польза местничества и почему в конце концов его все же пришлось отменить, надо начать издалека.

Еще в середине XV века Московского государства не существовало. Вместо него на необозримых пространствах раскинулось несколько независимых держав: великое княжество Московское, великое княжество Тверское, великое княжество Литовское (куда входила добрая половина Руси), княжество Рязанское, княжество Ярославское, Псковская вечевая республика, «Господин Великий Новгород» и несколько менее значительных государств. Они воевали друг с другом, имели собственные законы, управлялись собственными государями или выборными аристократическими администрациями, чеканили собственную монету.

Прошло несколько десятилетий.

К 1521 году изо всех этих государств осталось только два: Московская держава и Великое княжество Литовское. Москва подчинила себе всех остальных и отвоевала себе у Литвы значительную часть ее владений. На месте политического крошева, великой пестроты появилась Россия — единая централизованная монархия.

Но объединение множества земель поставило задачу создать гибкую и быстродействующую систему управления ими. А откуда взять кадры для столь масштабной машины? Прежде всего, использовать те знатные роды, которые издревле поставляли военачальников и администраторов.

Некоторые княжеские династии не могли примириться с властью Москвы. Их представителям оставалось либо погибнуть, либо, оставив свои земли, эмигрировать. Но подавляющее большинство княжеских и боярских родов предпочло перейти на московскую службу. Более того, многие великие роды, сочтя службу на московского государя делом почетным и доходным, желая его защиты и покровительства, сами, добровольно переходили под руку Москвы. Так в Москве появились целые фамилии Ярославских, Суздальских (Шуйских), Ростовских, Белозерских, Верховских, Тверских и других пришлых князей — как Рюриковичей, так и Гедиминовичей[146]. Помимо титулованной знати к новой русской столице стекалась и нетитулованная: боярство рязанское, тверское…

Между тем на Москве уже обосновалось множество старинных родов собственного боярства. Они служили династии Даниловичей[147] на протяжении полутора, а то и двух веков. Вместе с ними на высокое положение претендовала родня великого князя — его братья, племянники, дядья, занимавшие богатые «удельные» престолы на землях Московского княжества.

В итоге Москва оказалась до отказа наполнена высокородными аристократами — как своими, так и явившимися с разных концов страны.

Это было одновременно и очень ценное и очень беспокойное приобретение для ее монархов. С одной стороны, в их распоряжении оказалось колоссальное количество людей, с детства обучавшихся двум искусствам: водить полки и управлять землей. «Мужей брани и совета» можно было щедрой рукой черпать из неиссякаемого запаса и расставлять на ключевые должности «от Москвы до самых до окраин».

Однако многие из них еще очень хорошо помнили те славные времена, когда их отцы или деды являлись самостоятельными правителями. Объявляли войны, заключали договоры, вводили новые законы, ставили на монетах свои имена. Сила многочисленных князей и бояр, пришедших на московскую службу, поддерживалась богатым землевладением. Для XVI века совсем не редкость, когда человек княжеского и даже боярского рода владеет городом или несколькими городами. А уж частновладельческая область, состоящая из множества богатых сел, — дело почти рядовое.

Все это шумное, горделивое, воинственное собрание людей богатых, знатных, владеющих навыками войны и правления, следовало не только рационально использовать на благо страны, но также удерживать от двух крайне опасных действий. Во-первых, от интриг и заговоров против самого государя московского. Во-вторых, от междоусобных конфликтов. Последние могли обойтись чрезвычайно дорого.

Столкновение между аристократами, которые имели возможность поставить в строй по нескольку десятков, а то и сотен хорошо вооруженных бойцов, представляет собой миниатюрную войну. А если они начнут сбиваться в коалиции, то из миниатюрной война быстро перейдет в полномасштабную.

Великие князья московские располагали целым набором способов, как избавиться от подобных опасностей. Они могли использовать вооруженную силу, суд или же составлять собственные коалиции, превосходящие по мощи любые союзы их подданных. Но предпочитали более тонкий подход.

А именно — всеобъемлющую систему «гарантий». Ведь местничество и представляет собой, по сути, именно систему «гарантий».

Всякий знатный род, заняв когда-то высокое положение при дворе государя московского,

послужив ему на войне или в управлении городами, областями, ведомствами, мог рассчитывать на столь же высокие назначения в будущем. Такова глубинная сущность местничества: 70—100 родов, добившихся высокого статуса в конце XV — первой половине XVI века, закрепляли за собой этот статус на много поколений вперед. Время шло, а им по-прежнему давали солидные должности, их жаловали землями, они находились, как тогда говорили, «у государя в приближении». Принадлежность к такому роду, то есть «высокая кровь», обеспечивала превосходные стартовые позиции. Молодой человек, придя на службу, знал: если он не окажется совершенным глупцом или трусом, если он не заработает монаршую опалу «изменными делами», то войдет, как и его предки, в «обойму» великих людей царства.

Пробиться в число таких семейств, иначе говоря, в состав «служилой аристократии», уже при Василии III (1505—1533) стало очень сложным делом. Почти невозможным. Время от времени монарх вводил в свое окружение того или иного «фаворита», языком Московского государства — «временного человека». Такой временщик мог прослыть даровитым служильцем, но уступать в родовитости представителям семейств, которые давно закрепились у подножия трона. И, скорее всего, ему не удалось бы «втащить» вместе с собою наверх и все свое семейство. Разве что благодаря особенной милости государевой или же исключительно выигрышной брачной комбинации. Круг «служилой аристократии» русской обновлялся редко и незначительно. Великий князь, а потом и царь московский оказался ограничен в выборе родов, из которых он мог брать «кадры» для ключевых постов — как в армии, так и в государственном аппарате.

Более того, сама «обойма» оказалась четко расписанной по «слоям». На что мог претендовать, допустим, выходец из князей Мстиславских, было закрыто для представителя боярского рода Бутурлиных, пусть «честного» и влиятельного. А на ступеньку, занятую Бутурлиными, не смели претендовать Годуновы, Пушкины или же князья Вяземские, находившиеся в шаге от «вылета» из «обоймы». Зато на тех же Пушкиных, Годуновых и Вяземских с завистью смотрела многотысячная масса неродовитого московского и провинциального дворянства, для коего дороги в этот слой просто не существовало. И передвинуться с уровня на уровень внутри аристократического круга было очень трудно. «Прорваться» мог человек, оказавший престолу услуги исключительной ценности. Например, гениальный полководец князь Дмитрий Хворостинин или вождь земского ополчения князь Дмитрий Пожарский.

Даже когда царь Иван Грозный попытался возвысить «худородных» опричных «выдвиженцев», он не сумел до конца преодолеть сопротивление «системы». На некоторые посты даже он, гроза русской знати, не мог поставить незнатного парвеню… А после кончины государя Ивана Васильевича подавляющее большинство тех самых «выдвиженцев» утратили свои позиции, роды их не удержались наверху…

Парадоксально, но факт: казнить тех, кого считал «изменниками», отбирать у них земли, налагать опалы Иван Грозный мог, а вот лишить их родовой чести — нет. А значит, не мог произвольно выбросить их семейства из аристократического круга, лишить новые поколения гарантий на высокое положение при дворе.

Эта система давала нашей аристократии очень многое. Прежде всего, компенсировала потерю прежней политической независимости. Она словно бы говорила русской знати: да, больше не чеканить вам свою монету, не вести собственные войны и не вводить законы, но уж точно вы сами сможете, а потом ваши дети, внуки и правнуки смогут пользоваться всеми выгодами жизни при дворе могущественного монарха; чины и доходы вам обеспечены; так подумайте, стоит ли затевать против него заговоры? Успех сомнителен, а потерять можно немало. Притом потеряете не только вы сами, но и ваше потомство. Кстати, приглядитесь, не желает ли кто-нибудь из других знатных людей разрушить эту систему, столь выгодную для вас? Противодействуйте ему! Вы ведь в этом заинтересованы.

Итак, Россия с начала XVI века имела чрезвычайно многочисленную, даровитую и весьма воинственную политическую элиту. Ее было много, возможно, слишком много. Как только ослабевала самодержавная власть, знать разбивалась на жестоко враждующие партии и эти партии рвались к переделу материальных и административных ресурсов. С другой стороны, как только власть монарха усиливалась, он делал попытки отбросить аристократов от рычагов управления страной, а вместо них поставить «худородных» «временщиков». Тут выяснялось, сколь хороша аристократическая элита как источник управленческих кадров и сколь трудно найти ей достойную замену…

А местническая система смягчала и первую тенденцию, и вторую. Аристократия не испытывала столь уж сильных позывов разорвать государство междоусобной войной, монарх же оказывался не столь уж всесильным — его сдерживала устоявшаяся традиция.

И Россия никогда не узнала ужасов фронды.

Но это еще не всё.

Разбивка «по слоям» с течением времени перешла в гораздо более сложную схему «иерархии мест». Каждый аристократ твердо знал, на какие именно блага он может рассчитывать. А поскольку их количество всегда ограниченно, то приходится внимательно следить за тем, кто имеет право занимать равное с тобой место, кто может претендовать на большее, а кому предназначены места пониже рангом. В обиход вошло выражение: такой-то боярин такого-то князя «больше двумя местами» или «многими местами» и, стало быть, «ставиться с ним — не сростно».

За свое положение в «иерархии мест» сражались отчаянно и непримиримо. Местническая «находка», то есть победа в тяжбе с другим аристократом, считалась успехом, равным обретению высокого чина. Что же касается местнической «потерьки», иными словами проигрыша дела, то ее воспринимали крайне болезненно. И у русского аристократа выработалась манера моментально реагировать на любое действие, задевающее его родовую честь.

Почему я — первый воевода Передового полка, а такой-то — первый воевода Большого полка? По местническим счетам он мне равен, так отчего ж его поставили выше? Большой-то полк «честнее» Передового! Или: почему на свадебных торжествах государя меня и такого-то поставили «дружками», равными по чести, хотя я его «тремя месты больше»?

Если более высокую должность давали равному по системе «местнических счетов», то есть столь же знатному человеку, следовало отметить свое равенство, иначе в будущем оно «по прецеденту» превратилось бы в неравенство. Тем более требовалось «бить челом» и не принимать служебных списков, если должностью обходил менее родовитый человек. Это вовсе не причуда и не проявление спеси. Родовая честь была одна — на всё семейство. Если любой — следует подчеркнуть: *любой* — представитель этого семейства хотя бы в малом поступался ею, то «потерьку» ощущала вся фамилия на несколько поколений вперед. И какой-нибудь юный отпрыск рода лет через восемьдесят крыл бы на чем свет стоит отдаленного, давно умершего родича, поскольку его простодушие в вопросах чести привело к унижению потомка, а то и вовсе закрыло ему дорогу к высоким чинам. Для служилого аристократа лучше было попасть в опалу, уйти в монастырь, лишиться выгодного назначения, если альтернативой становилась утрата частички родовой чести. Ведь позор и презрение родни — прижизненное и посмертное — не отпустили бы его ни при каких обстоятельствах.

Но как выводить аристократов из состояния серьезного местнического столкновения? У

соседей — поляков, литовцев — конфликт между двумя знатными людьми приводил к череде взаимных «наездов». Иначе говоря, нападений на села неприятеля и кровавых стычек с его бойцами, заканчивающихся порой сожжением его усадьбы. Во Франции дворянство истребляло себя на дуэлях… Способы, мягко говоря, не самые цивилизованные. К тому же направлявшие боевую активность дворянства не наружу, против общего врага, а внутрь, против собратьев — людей одного языка и одной веры. Для государства крайне нерасчетливо поддерживать подобную практику… И у нас, в России, научились «разводить» тяжущихся аристократов с помощью особого, местнического суда.

Иногда рассуживал подобные дела сам государь, иногда — боярская «комиссия» во главе с человеком высшей степени знатности. И к любой челобитной по местническим вопросам относились весьма серьезно.

Конечно, случалось так, что на решение суда влиял состав судей: в то время, как и во всякое другое, судья мог «норовить» своему. Иначе говоря, оказывать помощь по родству, свойству или деловой близости… Порой тяжба затягивалась надолго, шла в несколько «раундов», годами не заканчивалась ясным итогом. Порой она оставляла после себя глухую вражду и неудовлетворенность приговором. Но в большинстве случаев решение местнического суда воспринималось как окончательное и, если уж не справедливое, то, по крайней мере, веское. На суде обе стороны выкладывали «местнические случаи», и знатоки высчитывали, чья родня преобладала по родословию и по высоким назначениям на московской службе. Иногда приходилось учитывать десятки местнических «случаев», отводить негодные, сравнивать ценность местнических «находок», коими располагали обе стороны. Одним словом, суд никогда не бывал формальным и поспешным. Разбирательство производилось основательно, с большой дотошностью.

Уповая на эту основательность и дотошность, наш аристократ не торопился сколачивать банду головорезов для нападения на вотчину соперника. Он судился, а не кровавил меч в битвах со своими.

В итоге можно констатировать: *местничество давало нашей знати способ мирно решать проблемы, связанные с конкуренцией при дворе.* Судиться, а не устраивать кровопролитные «наезды». Вести тяжбы, а не поднимать восстания. Сколько человеческих жизней спасло местничество! Сколько противоречий оно сгладило! В стране, где аристократов оказалось слишком много, оно не дало им передраться. С другой стороны, монарх, даже такой самовластный, как Иван IV, не мог разрушить местническую систему. Она гарантировала сотням родов права на участие в распределении власти. А значит, служила препятствием для тиранического произвола. Надо осознать: тонкое кружево местнической иерархии защищало интересы тысяч людей…

Выходит, не столь уж плох порядок, при котором «кровь» ставилась выше «службы». На протяжении века он избавлял страну от великих потрясений.

Но любой общественный порядок может с течением времени устареть.

Устарело и местничество. Середина XVII века, правление первых Романовых, — время, когда достоинства местничества свелись к скромным величинам, а недостатки стали весьма заметны. Другое время. Другие общественные условия. То, что являлось необходимым 40, 70, 100 лет назад, теперь оказалось обременительным.

Прежде всего, от какой фронды могло в XVII веке оборонить местничество? Ушли в небытие роды величайшие, «честнейшие» — князья Вельские, князья Мстиславские, князья Шуйские,

князья Воротынские, князья Телятевские-Микулинские… Да и память о временах, когда недавние предки высшей знати играли роль самостоятельных правителей, исчерпалась. В коллективном сознании нашей аристократии Московское государство стало единственно возможной политической реальностью. Знать уже не мечтала вновь разделить его на суверенные лоскутки, она, скорее, желала шляхетских вольностей, как у поляков, но только в рамках единой державы.

Более того, Смута показала: горючим материалом для разного рода антигосударственных движений становится не столько высшая аристократия, сколько провинциальное дворянство. Оно-то никаких благ не имеет от местнических порядков. Скорее, напротив: местничество запирает ему путь наверх. А его «отключение» в момент Смуты дает кое-кому шансы возвыситься…

Для новой династии привилегированное положение князей Рюриковичей, князей Гедиминовичей было не столь уж удобно. Сама-то она вышла из другой общественной среды. Романовы принадлежали старинному московскому боярству. Десятки брачных, родственных, деловых связей соединяли их с многочисленными родами, принадлежащими этой группе знати. А она стояла… не то чтобы радикально ниже, нет, но все-таки несколько ниже, чем титулованная аристократия. Особое положение высшей княжеской знати представляло для Романовых угрозу: а ну как захотят пересмотреть решения Земского собора 1613 года и сменить династию? Строго говоря, оставались еще княжеские роды, более знатные, чем сами Романовы… Да и не только угрожало, но и стесняло: на ключевые посты не столь удобным оказалось выдвигать «социально близких» людей из того же старомосковского боярства или ниже — из дворянства.

При Михаиле Федоровиче князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин получили думные чины — соответственно, боярина и думного дворянина. Минин вскоре ушел из жизни, а вот Пожарскому, при его «худородстве», пришлось выдержать долгий натиск многочисленных местников, не считавших его себе ровней. Пусть и вождь он земского освободительного движения, но отец, дед и прадед Дмитрия Михайловича не явлены на великих государевых службах, не имели красивых местнических «случаев», вот и пришлось их потомку крепко биться за свою честь. Но он-то хотя бы Рюрикович, и ветвь его восходит ко князьям Стародубского дома. А вот А. Л. Ордин-Нащокин, выдающийся дипломат, происходил из «слабой» фамилии и титула не имел, а потому хоть и стал фаворитом Алексея Михайловича, но перепрыгнуть определенный уровень возвышения не мог. Зато А. С. Матвеев, И. М. Языков, семейства Лихачевых, Хитрово, Апраксиных высоко поднялись при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. Некоторые бывали даже в боярах. Богдан Хитрово сделался одним из вершителей державных дел, определявших политический курс всего царства… Кое-кто из них относился к числу дворян, не отличавшихся особенной знатностью, но хотя бы заметных в составе государева двора. Другие же (Матвеев, например) по меркам русской аристократии того времени отличались выдающимся… худородством.

Как говорит современный специалист, «…б***о***льшая часть членов элиты конца XVII в. были новичками в системе основанных на генеалогии чинов и не очень вписывались в эту систему»[148]. Что ж, если и не б***о***льшая, то, в любом случае, значительная часть.

Государи Рюриковичи, за исключением, пожалуй, Ивана Грозного, придирчиво выбирали себе невест — и не только с точки зрения внешних данных. Для них очень большое значение имела «высота крови». На царское ложе крайне редко восходила женщина из дворян «худого» семейства. В подавляющем большинстве случаев супругой московского государя становилась представительница иноземного монаршего рода, весьма знатного княжеского или, на худой конец, древнего боярского.

А вот государи Романовы вели себя по-другому. Этот род поколениями накапливал принципиально иной опыт. Некняжеский, невоинственный, далекий от природного монаршества Рюриковичей. Первым Романовым в гораздо меньшей степени была присуща уверенная гордыня Рюриковичей из московского Даниилова рода. Иван Великий, Василий III, Иван Грозный смотрели на подданных и соседей как «право имеющие». А эти — из другого теста. Эти уступчивее, осторожнее. Более связаны с землей, проще говоря, приземленнее, кряжистее. Не столько политики, увлеченные стратегическим планированием, сколько тороватые хозяева, приученные знать, чем какой сундук наполнен, и относящиеся к державе как к вотчинному хозяйству. Не столько желатели соседних земель, сколько хранители своей. Не любили Романовы жить в каменных палатах, обожали сады и огороды, весьма заботились о добром здравии, отличались богомольностью и ценили семейное благоустроение. А потому в браке более желали приятности и домашнего уюта, нежели династического величия и выгод политического свойства. Вот и вышло, что из этой династии четыре царя подряд выбирали себе в спутницы жизни красавиц из родов великой «худости».

Михаил Федорович взял было себе княжну Долгорукую — та из древней фамилии, да скоро ушла в могилу. А Стрешневы, Милославские, Нарышкины, Грушецкие, Заборовские, Апраксины и Лопухины, с точки зрения родовитой аристократии русской, — либо малые величины, либо просто никтошечки. Исключением стал разве что соправитель Петра I Иван Алексеевич — ему досталась Прасковья Салтыкова из великого боярского семейства. Но сам ли он выбирал тогда, больной безобразный юноша? Скорее, выбрали за него.

Федор Алексеевич унаследовал родовую черту: обе его жены, что Грушецкая, что Апраксина, были пригожи, но слабы родом. В Думе при нем, как уже говорилось, долгое время сохраняли большую силу Милославские — ничтожная фамилия, возвысившаяся через счастливый брак. Да и Нарышкины не исчезли из дворца, продолжали занимать видные должности.

Теперь стоит задаться вопросом: уютно ли сиделось, скажем, боярину князю Одоевскому в Думе на одной лавке с боярами Милославским, Языковым, Нарышкиным, Заборовским? А до того — с боярином Стрешневым? Ужели не поднимался у него из души гнев: пустили в Думу «собак»! Но как от них избавишься, коли «собаки» самому царю — родная кровь?! А «собаки» поглядывали на Одоевского, Черкасского, Голицына, Куракина, Шереметева, Салтыкова и т. п. с чувством полного понимания: не любите нас? Прогнали бы нас? Принизили бы нас? Малы мы сладостию — сухие бараночки для вас, сливочных пряничков? Терпите. Мы — за государем!

Рюриковичи, Гедиминовичи, высокородное московское боярство (те же Шереметевы, например) понимали, разумеется: породниться с царской династией — значит возвыситься. Но… Этот способ возвышения сильно «разбавлял» на высотах власти их высокую кровь кровью попроще.

Сами же государи из династии Романовых, составив подле себя сонм верных, пусть и незнатных родичей, с досадою глядели на местнические ограничения, мешавшие их «продвигать».

При таком положении вещей когда-нибудь должно было произойти одно из двух: либо монархи Романовы изменят семейному обыкновению и поищут себе невест-аристократок, либо местничество упразднится.

Наконец, местничество мощно тормозило преобразования, проводившиеся в армии.

В XV — начале XVII столетия главной боевой силой русской армии являлось поместное ополчение. Дворяне-конники на низких ногайских лошадках, с луками и саблями, затем — с

пистолями, в стеганных ватой «тегиляях» или кольчугах, оставались грозной силой еще при государе Федоре Ивановиче. Налетев на неприятеля, накрыв его тучей стрел, выйдя из-под прямого удара и вновь сцепившись с врагом, жаля, словно туча разозленных пчел, русская дворянская конница могла обратить вспять серьезного противника. Она не знала правильного строя, не имела постоянного деления на сотни и полки: всякий раз новая армия собиралась из элементов, которые прежде составляли другие армии в других комбинациях, но была сильна колоссальной выносливостью, скоростью маневрирования, многолетним боевым опытом большинства воинов. До рубежа XVI—XVII веков, до Смутного времени, поместная конница сохраняла способность отражать сильного неприятеля. Стрельцы и казаки заметно уступали дворянскому ополчению в боеспособности, а иноземных наемников последние Рюриковичи на московском престоле брали на службу весьма немного.

И никому не мешал тот факт, что воевод и голов[149] во всякое полевое соединение назначали заново. Вернее, так: назначали воеводский костяк, а уж потом, учитывая его пожелания, называли голов. Тем чаще всего вручали командование над отдельными частями полков — в среднем по две-четыре головы на полк.

Но в XVII столетии русские войска стали часто терпеть поражения от европейских наемников, чья служба строилась на принципиально иных основаниях. Да и вообще, европейские армии, в том числе и польско-литовская, стремительно менялись. Старинное «рыцарское ополчение», подобное русскому поместному, уходило в прошлое. Его замещали воинские части постоянного состава, спаянные дисциплиной, высокой боевой выучкой, имевшие боевые коллективы, «сработавшиеся» в обстановке военных действий. Они могли освоить сложные маневры и эффективные тактические приемы. И разумеется, во главе таких воинских частей ставились постоянные командиры, а не те, кого предпочтет воевода в очередной кампании. Это не избавило поляков, литовцев и шведов от поражений, которые время от времени наносили им русские, особенно при осаде и обороне крепостей, — этим наши вооруженные силы традиционно славились. Но в поле всё чаще боевые столкновения складывались для русской армии неблагоприятно. Противопоставлять же европейским наемникам других европейских наемников означало смириться с весьма высокими расходами для казны и страшной ненадежностью иноземных отрядов. Они сплошь и рядом подводили русское командование, переходя на сторону врага…

И все-таки европейских военных специалистов охотно брали на московскую службу — поневоле! С первой половины XVII столетия армия России располагала крупными отрядами наемных немцев, шотландцев, французов и т. п. Они сражались за московских государей с переменным успехом. С ними в Россию пришла тактическая литература — разного рода пособия по воинскому искусству. Они использовались русским командованием, а одна книга — перевод трактата Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строя пехотных полков» — при Алексее Михайловиче была даже опубликована на Московском печатном дворе. Не надо думать, что русское военное искусство развивалось в полной изоляции от европейского. Но обучаясь новым формам тактической борьбы, следовало еще и привыкнуть к новым формам организации войска. А с этим не торопились: само устройство русского военно-служилого класса противоречило организационным нововведениям.

Постепенно вызрела идея модернизировать армию.

А это значило, *во-первых,* создать части, вооруженные и обученные по западноевропейским образцам, но состоящие из русских бойцов. И ко второй половине XVII века они уже выросли в серьезную силу, получив наименование «полков нового строя». С течением времени туда все чаще назначали русских командиров взамен европейских наемных инструкторов. При Федоре Алексеевиче, например под Чигирином, они показали себя неплохо. Но как «считать»

тамошних начальников по «местническим случаям» — не очень понятно. Вся «линейка» новых чинов для среднего и старшего командного состава никак не соотносилась с чинами старыми. Это приводило порой к путанице и административным проволочкам.

И *во-вторых,* модернизировать армию значило превратить слабоорганизованные массы дворянской конницы в дисциплинированную боевую силу, действующую на постоянной основе. Как минимум требовалось назначить *постоянных офицеров.* А не как раньше: новый поход — новые головы и новые сотники. Но как их поставишь, когда такой подбор противоречит кадровой политике, опирающейся на стихию местничества? Местничество-то основано на подборе и притирке человека к человеку, ситуативно.

По словам классика русской исторической мысли С.М. Соловьева, «…давно уже неудачные войны заставили признать несостоятельность русского войска и думать о преобразованиях: выписали иностранных офицеров и начали составлять русские полки с новым строем, с новыми названиями; но сейчас же должны были почувствовать, что новая заплата на ветхом рубище мало помогает. Какого, в самом деле, успеха можно было ожидать на войне при таких условиях: назначат главного воеводу, наиболее способного; к нему товарищей, также способных, и сейчас же пойдут челобитья, что товарищам нельзя быть вместе с воеводою: надобно или отставить главного воеводу и на его место назначить неспособного, но старого боярина, отецкого сына, с которым вместе быть можно, или отставить товарищей, опять людей способных заменить неспособными, но такими, которым можно быть с главным воеводою»[150].

Таким образом, осталось до крайности мало причин сохранять родовые права служилой аристократии, без конца воспроизводить систему отношений, сложившуюся внутри ее полтора века назад.

* * *

Михаил Федорович и Алексей Михайлович уже деятельно ограничивали местничество. Документы свидетельствуют об их упорном стремлении сузить сферу действия местнических обычаев.

При обоих государях последовательно сокращалась сфера местнических тяжб, связанных с дипломатической службой, особенно при отправке посольств. Суживали ее последовательно тремя указами: от 1621, 1655 и 1667 годов.

В 1620-х правительство сделало попытку объявить «безместие» при торжественном объявлении о пожаловании кому-либо «честного» чина великим государем. Тот, кто «сказывал» пожалование, то есть зачитывал соответствующую грамоту, ранее становился в положение «меньшего» по местническому «случаю». Теперь, с точки зрения правительства, это было не так. Но служилые аристократы без энтузиазма встречали все попытки правительства закрепить эту норму официально. На деле она частенько не выполнялась.

Московские государи нередко выезжали из столицы — по военным делам, а больше на богомолье. За пределами Москвы они могли оставаться неделями и даже месяцами. На это время их заменяли боярские «комиссии», занимавшиеся текущими делами. Между участниками подобных «комиссий» порой возникал серьезный местнический конфликт. Михаил Федорович ввел железное правило: среди тех, кто оставлен замещать государя, есть только одно «место» — старшинство первого из бояр «комиссии»; прочим «меж себя быть без мест».

При Алексее Михайловиче (1648) дворяне, назначаемые на полицейско-пожарную должность «объезжих голов», получили указ: между собой — «без мест». По русской столице тогда прокатывался один шквал посадских волнений за другим — не до местнических тяжб! Но среди объезжих голов оказались люди древних родов (например, В. П. Отяев). Они потребовали официально сделать особую запись о «безместии» в документации Разрядного приказа. Правительство, прежде наказав зачинщиков, затем пошло им навстречу.

Примерно тогда же разыгралась упорная борьба между правительством и провинциальными служилыми корпорациями дворян из-за указа о «знаменщиках». Москва пыталась поставить в каждую дворянскую сотню знаменосца (как водилось у поляков) на постоянную службу, да еще и приравнять его по значимости к сотенному голове. Неопределенность местнического положения нового должностного лица вызвала ряд протестов. Знаменщикам обещали особые местнические привилегии, а также изрядные бонусы материального характера. В итоге правительство отступило: статус знаменщиков упал[151].

В 1649 году Алексей Михайлович ввел в действие монументальный свод общероссийских законов — Соборное уложение. Там нашлось место для новых ограничений местничества. Приказы — государственные ведомства, по терминологии XVI—XVII столетий, — считались разными по «чести». Иначе говоря, назначение «судьей» (главой) в один из них являлось более высоким, а в другой — более низким. И если родовитый аристократ считал, что руководить приказом, равным по рангу тому, который возглавляет он сам, поставлен не столь знатный человек, он, разумеется, немедленно «бил челом в отечестве». И уж тем более он начинал тяжбу, когда видел, что более «честный» приказ достался персоне, стоящей ниже его в местнической иерархии. Пока «наверху» ему готовили ответ, местник воздерживался от работы. А значит, целое ведомство прекращало функционировать или, во всяком случае, притормаживало свою деятельность. Отныне закон этой задержке препятствовал. «А будет который судья не учнет ездить в приказ своим упрямством, — возвещало Соборное уложение, — не хотя в том приказе быть, кроме отеческих дел[152], и не для болезни и не для иного какого нужного недосугу[153], и не будет его в приказе многие дни, и тому судье за его вину учинить наказанье»[154]. Это не значит, что местник напрасно подавал челобитье — его рассудят в свой срок. Но он более не мог, под страхом наказания, отлынивать от служебной деятельности, ссылаясь на незаконченную тяжбу.

Нередко «безместие» вводили для отдельных военных кампаний, походов, операций. Особенно часто «без мест» отправлялись воеводы для «береговой службы». Иначе говоря, на юг — для противостояния набегам крымцев. Эта служба считалась настолько сложной, настолько опасной и от нее до такой степени зависела сама жизнь Московского государства, что местнические тяжбы в походных условиях становились смертельной угрозой для всей страны. Москва долгое время располагала очень скромными средствами для вооруженного отпора татарам, и правительство предпочитало не рисковать. Отключение местнических обычаев следует оценивать как экстремальную меру, введенную при исключительно тяжелых обстоятельствах. Местничество отменяли порой на несколько лет подряд. Например, между 1613 и 1616 годами, между 1638 и 1648 годами и т. д. Когда обстановка улучшалась, Москва восстанавливала местнический обычай или хотя бы позволяла его в «сокращенном» варианте — лишь для части воевод. Нарушителям соответствующих указов грозили «наказанье и ссылка». И, судя по документам, их действительно отправляли в тюрьму.

В боевых операциях против поляков и литовцев, шедших тогда же, то есть буквально в те же годы и месяцы, никто местничества не отменял.

Но если боевая обстановка принимала угрожающие черты, то и на этом театре военных

действий приходилось временно его отключать. Так, наступление королевича Владислава на Москву заставило Михаила Федоровича издать указ о «безместии» сроком на год. Еще один подобный указ связан с началом Смоленской войны 1632—1634 годов. Отвоеванию Смоленска и прочих западнорусских земель придавалось особо важное значение, поэтому и здесь не рискнули позволить местничество. Начало новой масштабной войны — за Украину (1654) — вызвало к жизни третий указ того же содержания. Он получил весьма долгий срок действия, да еще и возобновлялся в 1660-м, 1662-м, а затем в первой половине 1670-х годов. Однако время от времени местники отыскивали «прорехи» в полотне указного режима. Тяжбы случались, и далеко не всегда их подавляли ссылками на указное «безместие»[155].

Довольно часто «безместие» объявлялось не указом и не повсеместно, а для какого-то конкретного случая. Например, при совершении торжественной церемонии, празднества, иного публичного действа. Так, «безместие» при Михаиле Федоровиче вводилось для торжеств, связанных с его венчанием на царство летом 1613 года, а затем в связи с почетной встречей его отца, Филарета Никитича, возвратившегося из польского плена в 1619 году[156]. «Безместие», бывало, касалось аристократов, приглашенных к великому государю либо святейшему патриарху за стол или для участия в монаршем походе на богомолье.

Таков далеко не полный список ограничений, накладывавшихся при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче на местническую традицию. Привести все случаи, когда правительство решало: «без мест!» — просто нереально. Число малых и больших «заслонок», за несколько десятилетий поставленных перед мощным потоком местнической стихии, в действительности гораздо больше. Но даже в таком, урезанном, виде их реестр производит внушительное впечатление.

Очень хорошо видно: правительство первых Романовых по мере сил ущемляло местнические порядки, не решаясь, впрочем, отменить их полностью. Но с течением времени подобное преобразование становилось всё более необходимым и всё менее трудным делом.

На протяжении нескольких десятилетий правительство с разных сторон подходило к айсбергу местничества и откалывало маленькие кусочки. Айсберг, разумеется, уменьшался, но габариты его оставались весьма внушительными. Эта политика — медленного сокращения ледяной горы — перешла по наследству от государя Алексея Михайловича к его сыну.

* * *

С начала царствования Федор Алексеевич показал, что не благоволит местническим порядкам. Однако и при нем случилось несколько крупных тяжб, а также горсть мелких, принесших изрядную «докуку» правящему кругу. Следуя курсом отца и деда, Федор Алексеевич предпринял новые меры по ограничению местничества.

Так, полное «безместие» было объявлено на время торжеств, связанных с венчанием на царство. Особым указом сообщалось: «Како по милости всемогущего Бога приспеет время венчатися ему великому государю своим царским венцом и восприятии скипетр Всероссийского царства… и во время того действа во всех чинах указал он… боярам и окольничим и думным и ближним людям стольникам и стряпчим бытии без мест по его государеву изволению, где кому он, великий государь, укажет. И… государев указ сказати всем и в Розряде в книгу записати и закрепити думным дьякам своими руками[157] чтобы никому ни до кого в тех чинах в случаях дела не было…»[158]

Указом от 2 ноября 1679 года объявлялось, что для крестных ходов при сопровождении икон всякое местничество отменяется под страхом конфискации земель и «отнятия чести»[159].

На южном фронте, обращенном против Турции и Крымского ханства, дверь перед местничеством оказалась запертой на несколько лет (1678—1681). Военные действия 1677 года, как на грех, были сильно хаотизированы спорами воевод, а также их соперничеством в «счетах об отечестве». Так что вновь объявленное «безместие» явилось мерой вынужденной и закономерной.

А весной 1680 года вышел указ, согласно которому во всех бумагах, касающихся гражданского управления, предписывалось называть только начальствующих лиц соответствующего ведомства («приказа»), без их помощников и заместителей[160]. Таким образом, исчезала почва для местничества между людьми, занимавшими в приказах не первые позиции. Но это были довольно скромные шаги. Между тем в Боярской думе и близком окружении царя сложился круг людей, имеющих высокие чины при очевидной слабости местнических позиций. Их «общая масса» могла стать хорошей опорой для более решительных преобразований.

Через полгода последовало очередное объявление «безместия» в действующей армии. А 24 ноября 1681 года вышел указ Федора Алексеевича о полном и бесповоротном упразднении местничества[161]. Вот он-то и стал решительной мерой, намного превосходившей по масштабу всё сделанное в этом ключе при других московских государях.

Этот указ, вероятно, вызвал худые толки и, возможно, сопротивление. Внимательные наблюдатели из числа иноземцев отмечают: русские «бояре» проявляли недовольство царем. К тому же выявились практические сложности исполнения указа, и требовалось их учесть. Поэтому начало 1682 года ознаменовалось созывом большого Соборного совещания на сей счет.

На нем-то и был сделан последний шаг к уничтожению местничества.

* * *

Источники не позволяют со всей точностью определить инициаторов большой реформы. Совершенно ясно, что самую активную роль сыграл в ней лично Федор Алексеевич. Благодаря его твердой воле упразднение местничества только и могло совершиться. Без всякого сомнения, главнейшими союзниками царя стали князь В. В. Голицын и патриарх Иоаким. Причем Голицыну время от времени приписывают решающую роль как организатору и, пуще того, «идеологу» реформы. Нельзя отрицать такой возможности, однако и решительных аргументов в ее пользу до сих пор не приведено. Ясно, что патриарх помог Федору Алексеевичу в «проводке» столь масштабного нововведения, но инициатором его не являлся. Некоторые историки видят самых деятельных помощников царя, а может быть, и советников, внушивших ему программу реформы, в его неродовитых приближенных: Языковых, Дашковых, Кондыревых. Да, Языков обладал столь значительным влиянием на царя и столь солидным «весом» при дворе, что мог стать своего рода «серым кардиналом» при начале всей затеи. Но и тут, к сожалению, надо признать: источники не дают возможности точно указать на него или на кого-то иного.

Итак, вокруг монарха сплотилась группа единомышленников, стоящих за отмену местничества. Кто из них сыграл определяющую роль, сказать нельзя. Но вся «партия» могла действовать сплоченно, опираясь на ясно высказанные желания самого царя.

Зато «внешний», формальный ход всего дела очень хорошо виден по документам XVII столетия.

Реформа преуготовлялась долгое время. Указ 1681 года, а за ним и решение Соборного совещания получили в главных своих пунктах серьезную предварительную подготовку.

Учреждением, которое взялось за разработку предложений на сей счет, стала особая группа или комиссия, занимавшаяся обновлением вооруженных сил России. Ее отдали под начало князю В. В. Голицыну. И местничество оказалось включено в ее компетенцию как явление, скверно влияющее на управляемость армии.

Как уже говорилось выше, русскую армию принялись всерьез реформировать в 1680 году Относительно спокойная обстановка на юге, в бывшей полосе военных действий с турками и крымцами, позволяла заняться приведением вооруженных сил в порядок. А поскольку их преобразование получило не столько тактический или технический характер, сколько структурный, до местничества *должно было дойти дело.* Оно-то ведь мощно влияло и на структуру поместного ополчения, и на управление им.

Князь В. В. Голицын участвовал в военных кампаниях на юге как один из ключевых военачальников. Насколько он обладал военным дарованием — вопрос спорный. Русско-турецко-татарская война, шедшая при Федоре Алексеевиче, не дала свидетельств особенного таланта у Голицына. Что касается более поздних воинских предприятий, направленных против Крыма, то Голицын показал выдающиеся организаторские способности, но тактическую одаренность в его действиях отыскать трудно. Другое дело — опыт. Им князь обладал изрядно. Он прекрасно видел, сколь обременительным стало местничество для русской армии. Фактически она разваливалась на две части, живущие по разным законам. Обширное поместное ополчение привыкло к местническому порядку, а «полки нового строя», более эффективные на поле боя, могли прекрасно обходиться без него.

Осенью 1681 года и появилась та самая административная группа, отданная под начало Голицыну. Сначала ее называли «приказом Ратных дел», затем — «Ответной палатой». Вне зависимости от наименования она получила поразительно широкую компетенцию.

Ей поручалось рассмотреть всё устройство российских вооруженных сил и «переменить на лучшее» обычаи, показавшие в недавних боях свою «неприбыльность». Иначе говоря, произвести анализ армейской организации от основания до высшего управления и предложить четкий план перемен.

В состав группы, помимо Голицына, вошли боярин князь В. Д. Долгорукий, окольничий князь Д. А. Барятинский, думный дворянин В. И. Змеев, думный дьяк В. Г. Семенов. Помимо них, к работе группы привлекли многочисленных «выборных» от военных чинов. Причем не только представителей воеводской верхушки — стольников, стряпчих, генералов, полковников, — но и провинциальных дворян, опытных в воинском деле. Требовалось, говоря современным языком, «экспертное мнение» разных слоев русской армии, а не только высшего. Подготовительная работа группы пришлась на декабрь 1681-го — январь 1682 года.

Эта правительственная инициатива завершилась успешно.

Прежде всего, группа Голицына предложила ввести в полках деление на постоянно существующие части: сотни и роты. «И выборные люди говорили: "Чтобы великий государь… указал стольникам и стряпчим, и дворяном и жильцом служите полковую службу по-прежнему, и росписати их бы всех в роты, а не в сотни; а вместо бы сотенных голов, для лучшего устроения и крепкого против неприятелей стояния, быти у них ротмистрам и порутчикам из стольников и из стряпчих, и из дворян, и из жильцов, и изо всех родов и чинов с головы безпременно, и меж себя без мест и без подбора, кому в каком чине он, великий государь, бытии укажет; а бытии в полку по 6 рот, а в роте по 60 человек, и тех ротмистров с их роты ведати старшему ротмистру; в людям их бытии за ними в тех же ротах по-прежнему с 25 дворов по человеку, а знамена возити рот-мистровым людям"… и великий государь… указал

выборным людем сказати: "...Изволил он, великий государь бытии так, как боярам они, выборные, объявили; а кому ротмистрам и порутчикам бытии, и тех людей написати в те чины на пример боярам и им, выборным людям"»[162].

Позднее к уже перечисленным переименованиям чинов добавилось еще два, касавшихся стрелецкого войска. Прежних стрелецких голов стали называть полковниками, а стрелецких сотников — капитанами[163].

Комиссия выборных людей составила список и распределила служилых людей со старыми чинами московской службы по новым чинам.

Затем обратились к царю с новой просьбой: «Они, выборные люди и братья их, и дети, и сродники написаны в ротмистры и в порутчики; а Трубецких... и Одоевских и Куракиных, и Репниных, и Шейных, и Троекуровых, и Лобановых-Ростовских, и Ромодановских, и иных родов в те чины никого ныне не написано для того, что за малыми леты в чины они не приказаны. И опасно им того, чтобы впредь от тех вышеписанных и от иных родов, которые ныне в ротмистрах и в порутчиках не написаны, не было им и родам их в том укоризны и попреку. И чтобы великий государь пожаловал их: велел тех всех родов, которые ныне в ротмистры и в порутчики для вышеобъявленных причин не написаны, и в которых родех впредь будут дети, писати в те же чины в ротмистры и в порутчики в то время, как они в службу поспеют и в чины приказаны будут... И для совершенной в его государских ратных и в посольских и во всяких делах прибыли и лучшего устроения, указал бы великий государь всем боярам и окольничим, и думным и ближним людям, и всем чинам бытии на Москве в приказех и в полкех и у ратных и у посольских и у всяких дел, и в городех меж собой без мест, где кому великий государь укажет, и никому ни с кем впредь разрядом и месты не считаться, и разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы впредь от тех случаев в его государевых ратных и во всяких делах помешки не было...»[164]

Вот теперь, получив официальные челобитья «выборных людей» из группы Голицына, государь обрел, во-первых, четкий абрис предстоящей реформы и, во-вторых, достойный предлог для «соборного» обсуждения.

* * *

12 января 1682 года Федор Алексеевич, чувствовавший себя уже скверно, тем не менее созвал Соборное совещание. Некоторые историки полагают, что это был настоящий Земский собор. Но, по всей видимости, собрание хотя и вышло весьма представительным, размаха прежних земских соборов не достигло. На нем присутствовали: патриарх Иоаким, архиереи, а также «выборные власти» — очевидно, Дума и какая-то часть государева двора. Трудно понять, приглашалось ли на Соборное совещание провинциальное дворянство в лице лучших своих представителей. По всей видимости, нет.

Царь велел князю В. В. Голицыну огласить челобитную «выборных людей» из его комиссии. Василий Васильевич исполнил указание и тем самым предъявил себя как главного инициатора всего дела. Высочайшая степень знатности князя, родовитого Гедиминовича, подводила под весь проект солидный фундамент. Ведь отмена местничества в первую очередь рушила интересы высшей аристократии. А тут видный — может быть, виднейший — ее представитель оказывался у руля реформы. Прочая знать, глядя на Голицына, могла уверить себя: «Затея не столь уж плоха...» Или хотя бы: «Всё отобрать князь не даст, ведь он такой же, как мы, из того же теста!»

Отвечая на челобитную, перед Соборным совещанием выступил сам Федор Алексеевич.

Документы донесли до наших дней текст огромной речи, произнесенной царем перед созванными по его приказу подданными. Трудно поверить, что он говорил столь долго и столь витиевато. Возможно, доверенные секретари, думные дьяки, дополнили затем выступление царя и придали ему «облагороженный» вид. Но, во всяком случае, общий тон и главные смысловые акценты должны быть переданы верно.

А сам факт выступления государя на Соборном совещании не вызывает никаких сомнений. Федор Алексеевич своей волей сворачивал очень тяжелый камень с пути развития русской государственности. Отменял политическую традицию с полуторавековой историей. Молодой царь, разумеется, понимал это. А значит, осознавал насущную необходимость поддержать реформу не только личным присутствием, официальным одобрением, но и публично произнесенной речью. Преобразование-то, словами классика, пойдет ему «и в род, и в колено» — многие десятилетия наше дворянство будет обсуждать: хорошо ли поступил Федор Алексеевич, плохо ли…

Монарх явился и заговорил с подданными, чувствуя себя на пределе сил. Жить ему оставалось считаные месяцы. Здоровье, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Но Федор Алексеевич, хилый упрямый самодержец, торопился жить. Может быть, понимал, что умирает, и хотел успеть как можно больше… Нет, беречь он себя не стал.

Есть в этом героизм истинного правителя. Какие бы муки ни обрушивались на него, а он всё тянет и тянет воз, в который запряг его Господь Бог. Надо делать, надо волочь, такая доля. Крестьяне ходят за плугом, ратники с неприятелем пьют смертную чашу, монахи молятся, а правителю следует не отпускать из рук нити державных дел. Что бы с ним ни происходило, как бы он себя ни чувствовал. И кто превозмогает себя, тянет, зубы сжимает, но все-таки тянет, тот хорош.

Тот *наш* — так вернее будет сказать.

Царь остается с народом, пока на своей ниве пашет не меньше народа своего.

Итак, Федор Алексеевич заговорил с собравшимися. Всё им сказанное приводить здесь было бы неудобно: уж очень много. Однако главнейшие идеи стоят цитирования: «Злокозненный плевелоноситель и супостат… диавол, видя от… славного ратоборства христианским родом тишину и мирное устроение, а неприятелем христианским озлобление и искоренение, всеял в… славных ратоборцев сердца местные случаи возлю-бити, от которых в мимошедшая времена в ратных и в посольских, и во всяких делех чинилася великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление. Тем же наша царская держава, разсмотря, яко сие местничества дело благословенной любви вредительно… паче же всевидящему оку мерзко и ненавистно, желаем, да божественный Его промысел… своим всесильным повелением оныя разрушающия любовь местничества разрушити изволит»[165].

Первый аргумент против сохранения местничества — государственный: интересам державы чинится «пагуба».

Второй — христианский. Местничество небогоугодно, поскольку сеет раздоры.

Затем звучит третий — патриархальный. Федор Алексеевич напоминает собравшимся, что дед его, царь Михаил Федорович, и отец, царь Алексей Михайлович, неоднократно предпринимали меры по ограничению местничества. А там, где старый обычай местничать сохранялся без ограничений, русскому воинству враг наносил тяжкие поражения — например под Чудновом и при Конотопе. Ныне, отвергая местничество, государь не рушит старину, а всего лишь следует

«благому намерению» предков.

По словам знаменитого исследователя местничества А. И. Маркевича, слова «…царя Федора Алексеевича на Соборе об уничтожении местничества дышат полнейшею искренностью»[166]. Именно так. Видна ярко выраженная эмоциональная вовлеченность государя в очередную реформу.

«Ныне же, — завершает Федор Алексеевич свою речь, — благодатию божественного промысла явлено яко намерение о том и промышление бывшее блаженныя памяти деда и отца нашего великих государей является непраздно и нашея тихости желание на разрушение той прежде бывшей между христианских родов вражды хощет пристойное определение прияти, поспешествующим вашим архиерейским святым молитвам, да вине оной многих злоб местничеству разрушившуся и должной христианам любви насадившейся, прославится истинный Он монарх и страшный, вся нам благая подаваю-щий…»[167]. Это очень важные слова. Царь придает действиям комиссии князя Голицына значение Божьего Промысла, осуществляющегося в действиях «выборных людей». На столь ответственный поворот в речи государь мог решиться, лишь заранее заключив соглашение о поддержке с патриархом Иоакимом. И тот, недавно отведя от Церкви непродуманную епархиальную реформу[168], видимо, счел необходимым встать на сторону монарха. Отказавшись повиноваться царю в одном важном вопросе, глава духовной власти проявил полную с ним солидарность в другом. Но только ли необходимость смягчить конфликт толкала на это Иоакима? Видимо, нет. Он сам происходил из дворянской семьи Савеловых, не относившейся к родовитой аристократии. А значит, помнил по собственному опыту, сколько ссор и раздоров рождает в среде военно-служилого класса местничество. Патриарх, думается, увидел долг христианского пастыря в том, чтобы поддержать его уничтожение. В нравственном смысле он был конечно же прав. Государю оставалось прямо обратиться к нему с вопросом о мнении Церкви: «И вы бы, святейший патриарх, со архиереи нам, великому государю, намерение свое о том объявили: по нынешнему ли выборных людей челобитью всем разрядам и чинам бытии без мест или по-прежнему быть с месты?»[169]

Патриарх в единодушии с духовными властями дал тот ответ, которого, скорее всего, и ждал царь. Он высказал самое горячее одобрение. Его точка зрения — четкая, ясная, не оставляющая места для сомнений: «Велие (то есть великое. — *Д. В.) и* похвалы достойное дело… от которого есть и будет умножение любви между человеки». Иоаким обещал соборно и келейно возносить моления, чтобы Господь Бог благоволил привести царское намерение к успешному совершению.

Заручившись поддержкой князя В. В. Голицына, патриарха Иоакима и прочих архиереев, Федор Алексеевич получил твердые позиции. Теперь он мог обратиться к Боярской думе. Именно в ней концентрировалась высокородная знать, чьи интересы в первую очередь задевало упразднение местничества. Если бы Дума открыто высказалась против, судьба царского нововведения повисла бы на волоске. Но за шесть лет правления Федор Алексеевич, как видно, научился обеспечивать себе в политических делах солидный перевес над оппонентами. Дума оказалась перед лицом сильной коалиции. За государя стояла, помимо Голицына, еще царская родня, занимавшая видное положение в самой Думе. А кроме нее — люди, поднятые до думных чинов волей государя, а не собственной «высокой кровью».

Отказать не получалось.

Боярская дума ответила покорной просьбой: «Чтоб он, великий государь, указал учинить… всем им во всяких чинах быти без мест… а ныне указал бы он, великий государь, на искоренение той меж ими злобы, от которой происходит нелюбовь, — разрядные случаи

отставить и совершенно искоренить»[170]. Мельком в документах Соборного совещания говорится и о мнении не столь высокопоставленных вельмож. «Стольники, стряпчие, дворяне и дети боярские» также не выразили несогласия.

Федор Алексеевич мог ликовать: судьба реформы оказалась решена в положительном ключе.

Может показаться странным, что ни один из знатнейших аристократов, прямо задетых отменою местничества, не начал протестовать. А о групповом, «партийном» протесте и говорить нечего! На Соборном совещании не произошло ничего подобного. Отчего же русская знать так легко сдалась? Допустим, против нее царь собрал преобладающую силу. Но почему служилая аристократия — богатая, горделивая, вельможная — даже не заявила о своем несогласии? Темно, жутковато выглядит эта ее немотствующая покорность…

Историк С.М. Соловьев предположил по этому поводу следующее: «Быть может, некоторые спросят: как же это вдруг сделалось? Легко, без всякого сопротивления отменен вековой обычай, отменен без малейшего сопротивления со стороны тех людей, которые шли в тюрьму и под кнут, отстаивая родовую честь? Отменен не железною волею Петра, но волею слабого, умирающего Феодора? На этот вопрос ответим вопросом же: что можно было возразить на слова царя и патриарха, порицающих местничество? Что можно привести в защиту этого обычая?[171]Всякий, *при случае,* считал своею обязанностью отстаивать родовую честь… но при случае, когда он знал, что следствием этого случая будет бесчестье, позор и укоризны; так и в последнем случае служилых людей расписали по-новому в разные войсковые должности, и они бьют челом, что члены других родов в эти должности не назначены, так не было бы им от них после бесчестья и лучше всего уничтожить места. Все восставали *при случае,* но за местничество вообще, как за что-то полезное и нравственное, никому восставать было нельзя…»[172]

Но ответ может быть и другим. Недовольство звучало — об этом уже говорилось выше. Однако главный источник, по которому судят о ходе Соборного совещания 1682 года, — «Соборное деяние», официальный документ. Насколько он достоверен — вопрос, до сих пор не получивший серьезной разработки. Возможно, русская знать открыто возмущалась и боролась с неугодным нововведением, возможно! Однако при составлении бумаги общегосударственной важности этот протестный аспект могли просто-напросто опустить, дабы не подавать никому соблазна к мятежным настроениям…

Царь повелел боярину князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому и думному дьяку Василию Григорьевичу Семенову принести все разрядные книги, «…в которых писаны бывшие случаи с месты при прежних великих государях царех и великих князех российских и при деде его… Михаиле Федоровиче… и при отце его… Алексее Михайловиче».

Разрядные книги велись как минимум со второй половины XV столетия, то есть со времен Ивана III Великого. Их накопилось громадное количество. Именно они служили главным аргументом при местнических тяжбах. В них содержались списки воевод, а иногда еще и командиров пониже рангом для всех сколько-нибудь значительных воинских операций. Туда же записывали всех заметных участников дворцовых церемоний — например, свадеб царя, его родни, знатнейших лиц державы. Туда же попадали те, кто составлял государям застольную компанию, строил города, вел разведку в степи… И конечно же пересказывались главные местнические тяжбы.

Таким образом, разрядные книги содержали в себе ключ к успеху в борьбе за «места», а значит, и за возвышение аристократического рода.

Когда выросла груда книг, принесенных слугами, Федор Алексеевич вновь заговорил, подводя итог. Его слова звучали приговором для старинной русской политической традиции:

«Быти всем во всех чинах без мест… А буде кто от сего времени… искорененные разрядные случаи каким не есть образом взочнет и учнет на кого бити челом великому государю, презрев сие твердое нынешнее постановление, и которые роды ныне… не написаны в ротмистры и в порутчики, а кто кого учнет тем попрекать и укорять, и того лишити данные ему милости государской, чести, в каковой он тогда будет, а поместья его и вотчины взять на великого государя… Так же буде кто мимошедших времен какие случаи начнет возвышатися и другим родам чинить укоризну и безчестие, или кому учнут чинить безчестие тем, либо кто… до сего времени был или впредь… будет по воле государской или от бедности в… низком чине, и тем, кто те случаи взочнет и безчестить кого чем учнет, и тому роду всем, сколько их объявится, взять безчестие[173]… »[174]

У реформы оставалась лазейка: пусть старые местнические «случаи» использовать и нельзя, но разве это отменяет возможность использовать новые — какие будут после сожжения разрядных книг?

На этот счет пришлось издать особое распоряжение с угрозой драконовских наказаний в финальной части. Вот оно: «Которые ныне есть в Разряде и в Посольском, и в иных приказах и в городах записки, приличные к случаям отеческих дел[175], или впредь по его, великого государя указу… будут какие записки ж о полковых и о посольских и о всяких делах, и теми прежними записками и *которые впредь будут,* никому никого не безчестить и не попрекать, и в укоризну, и в потерьку, также и себе в находку не ставить и мест не всчинать никакими мерами… А буде кто, забыв его царское повеление и указ, прежними какими ни есть записками или которые такие ж записки будут, дерзнет кого тем безчестить и попрекать, а себе то в находку ставить… от него, великого государя, тем людям… быть в опале и в разорении безо всякия пощады»[176].

* * *

Вместе с тем родовая честь аристократических семейств не уничтожалась. Она всего лишь теряла силу как аргумент при занятии ключевых должностей. Таким образом, Федор Алексеевич не наносил высокородной знати оскорбление, но отбирал у выходцев из этого слоя особые привилегии.

Служилой аристократии объявили, что древнее родословие ее не будет забыто. Федор Алексеевич публично пообещал: «…Впредь… на память изволит бытии в Разряде[177] родословной книге их родов. Также и в домах своих такие родословные книги им держать по-прежнему. А награждая их своею государскою милостию, ту родословную книгу ныне повелевает он… пополнить, и которых имен в той книге… не написано, и те имена в ту родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками[178]. А которые княжеские и иные честные роды при предках его государевых и при нем, великом государе, были в честях, в боярех и в окольничих, и в думных людях, также и старые роды, которые, хоть и не явились в честях, а с царства прадеда его государева, блаженной памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича… при его государеве державе явились в посольствах и в полках, и в городах в воеводах, и в иных знатных посылках и у него, великого государя в близости, а в родословной книге имен их не написано, и те роды с явным свидетельством[179] написать ныне в особую книгу»[180].

Так фиксировалась принадлежность высшей знати, давно стоявшей рядом с престолом, к особому аристократическому слою. По идее Федора Алексеевича, эту принадлежность

требовалось отследить максимально широко, дабы не забыть никого.

Для тех родов, которые явились «в полковых воеводах и в послах… и в знатных… посылках, и в иных честных чинах, и в десятнях[181] в первой статье написаны», но не со времен Ивана IV, а попозже, со времен царя Михаила Федоровича, предписывалось завести другую «родословную книгу».

А для тех родов, которые в «честных и знатных чинах» не бывали и пишутся в десятнях «средней» да «меньшей» статьей, следовало завести особую, третью, «родословную книгу»[182].

Эта часть реформы, связанной с отменой местничества, имеет самое прямое и очень серьезное последствие для исторической науки. Родословные памятники, хранившиеся в домах русского дворянства и русской аристократии, донесли до наших дней уникальные сведения о жизни и быте военно-служилого класса. Без них представления современной исторической науки о состоянии русского «благородного сословия» в допетровской России были бы, мягко говоря, весьма неполны.

Что же касается «родословных книг», которые предполагалось хранить в Разрядном приказе, то чуть позднее, в середине февраля 1682 года, последовало монаршее разъяснение. В соответствии с ним теперь намечалось составить не три, а целых шесть родословных книг:

1. «Родословным людям», иначе говоря, «служилой аристократии».

2. «Выезжей» знати.

3. «Московским знатным родам», то есть верхушке московского дворянства, смыкающегося с аристократией, но не входящей в него.

4. «Дворянским» родам, иными словами, дворянству городовому, провинциальному — низшей и самой многочисленной части русского дворянства.

5. «Гостиным» и «дьячим» родам — семействам наиболее привилегированных купцов и «приказных людей» (администраторов).

6. «Всяким низким людям».

Разбираться со свидетельствами дворянского родословия поручили особому учреждению — Палате родословных дел. В ее распоряжение попал древний «Государев родословец» 1555 года — своего рода официальный справочник по генеалогии монаршего рода, княжеских, боярских, а также татарских служилых «царей». Но к нему требовались значительные дополнения. И палата принялась собирать у представителей знатных и незнатных родов документы, подтверждавшие их прежние службы московским государям, пожалования чинов и земельных владений, а также списки (как тогда говорили, «росписи») их «родословия». Ее работа началась в конце января 1682 года[183]. Именно Палата родословных дел сконцентрировала колоссальное собрание документов по истории нашего дворянства. К сожалению, значительная часть ее бумаг сгорела во время великого московского пожара 1812 года[184].

Палата родословных дел просуществовала два десятилетия. Однако со своей прямой задачей она справилась не до конца. Из недр этого учреждения вышла так называемая «Бархатная книга» (1688). Она представляет собой обширное собрание родословий аристократии — наиболее знатных семейств. До «городовых» дворян, «гостей» и дьяков дело не дошло. Как,

впрочем, не попали туда и многие древние роды московского дворянства. Но и то, что ею было сделано, — великий труд. «Бархатная книга» стала самым авторитетным источником для всякого рода справок по генеалогии допетровской аристократии. С течением лет данные «Бархатной книги» дополнялись.

* * *

Цели создания родословных книг достойны более подробного разбора. Как видно, государь придавал им большое значение. Но смысл его распоряжений на сей счет ускользает от потомков.

Отмена местничества мыслилась, очевидно, как первый шаг в сторону создания *единого дворянского сословия* — наподобие польского шляхетства. При этом, разумеется, вряд ли кто-нибудь всерьез мог подумать о противопоставлении русского «шляхетства» власти русского царя. Польское «благородное сословие» получило изрядную долю своих прав, борясь с монархами, — вымогая привилегии для себя и ставя стеснительные рамки государям. Шляхта имела самостоятельное политическое значение, никак не связанное с волей и желаниями королей. Притом в некоторые периоды польской истории значение это оказывалось выше политического веса самой королевской власти. Московское государство такой борьбы не знало. Русское дворянство XVII века во всем зависело от государей — их гнева и милости. Самостоятельную силу в России имела лишь незначительная группа «служилой аристократии», но именно она-то в 1682 году и лишалась своих привилегий, именно она-то и ослабела.

Иначе говоря, *различие между знатью и общей массой дворянства разом уменьшилось.* А с течением времени оно сокращалось всё больше.

Тут видна принципиальная разница между порядками Речи Посполитой и Московского царства — не на словах, а на деле.

Если в Речи Посполитой шляхетство постепенно росло в правах и своей независимости, то в России XVII века шел обратный процесс: наиболее мощная и независимая от царской власти группировка теряла свои позиции. А значит, вместе с тем падала возможность увеличения прав и политической самостоятельности всего дворянства. Для низших и средних слоев русского дворянства *в ближайшей перспективе* от этого никакой беды не предполагалось. Напротив, перед ними настежь открыли двери для служебного роста, для них окончательно сняли запрет на занятие высших государственных и военных постов. Но при всем том само карьерное продвижение оказывалось целиком и полностью под контролем монарха. Следовательно, *в перспективе долгой* проигрывали и эти слои.

Родословные книги должны были стать несокрушимым свидетельством принадлежности рода к «русскому шляхетству». Правительство уже задумывалось и о гербах для дворянских фамилий. Наличие записи в государственной родословной книге, собственного герба и «истории служб» рода автоматически относило его к единому привилегированному сословию.

Это сословие, теоретически, могло пополняться лишь по трем каналам. Либо естественным приплодом старых дворянских фамилий, либо «выезжими» дворянами из Европы, Кавказа или азиатских государств, либо царскими пожалованиями дворянского положения недворянам за особые заслуги. Последнее случалось крайне редко и не имело устойчивой «процедуры». Таким образом, «выслужить» дворянский статус удавалось лишь считаным единицам и в виде исключения. Введение родословных книг теоретически еще более затрудняло переход купца или, скажем, ремесленника в дворянское звание.

Выходила почти замкнутая общественная группа, жившая по единым законам и получавшая в родословных книгах единое подтверждение своим привилегиям. Конечно, различия между богатейшей и влиятельнейшей знатью и рядовыми служильцами не стирались. Их, кажется, не смогло преодолеть ни одно национальное европейское дворянство. И, конечно, перевес аристократии будет чувствоваться еще очень долго — об этом пойдет разговор ниже. Но разрыв между знатью и прочими «служилыми людьми по отечеству» из пропасти превращался в канаву, а вот канава, отделявшая русских дворян от прочего населения страны, начала оборачиваться пропастью. В этом сходство с польским шляхетством у нашего дворянства появлялось. Что же касается действительного политического веса и объема привилегий — разницы оставалось гораздо больше, чем сходства. Различий, в каком-то смысле, даже добавилось…

Табель о рангах государя Петра Алексеевича принципиально переменила эту картину. Она давала возможность «выслужить» дворянство широкому кругу недворян. Этот канал рекрутирования новых людей в состав «благородного сословия» из ничтожного превратился в очень значительный. О таком варианте ни аристократия, ни дворянство меньших рангов при Федоре Алексеевиче и помыслить не могли…

* * *

Как только отгремели чеканные речи Соборного совещания, вся местническая документация была предана огню в сенях «государской передней палаты». При ее сожжении присутствовали архиереи, а вместе с ними — князь М.Ю. Долгорукий с думным дьяком Семеновым.

Михаил Юрьевич лучше всех понимал смысл происходящего. Он хоть и был Рюриковичем, но происходил из не очень-то знатного семейства. Долгорукие еще в XVI веке стояли на периферии высшей знати. Они принадлежали аристократии «второго сорта». Лишь при первых Романовых высоко взошла их звезда. Царь Михаил Федорович первым браком женился на княжне Марии Владимировне Долгорукой, правда неудачно: она вскоре умерла. Твердо державшиеся новой династии Долгорукие часто удостаивались воеводских и думных чинов. Славнейший среди них, князь Юрий Алексеевич, сделался искусным полководцем и большим вельможей. Он прославился на фронтах великой войны с Речью Посполитой и разинщины и очень способствовал возвышению всего рода. Князья Долгорукие оказались в верхнем эшелоне русской военно-политической элиты лишь к середине XVII столетия. Однако закрепились там прочно.

И вот на глазах выдающегося представителя этого рода сгорала целая эпоха. Пылала старинная «захудалость» его семейства, уходило в дым достигнутое им позднее высокое положение. Обращались в пепел незыблемые права древней знати: Рюриковичей, Гедиминовичей, старинного московского, тверского, рязанского боярства. Горел порядок, продержавшийся без малого два века. Начиналась новая, иная жизнь, когда знатный человек станет гораздо больше зависеть от служебных успехов и от благоволения монарха, нежели от высот собственного происхождения. Достижения предков более не гарантировали прочного положения потомкам.

Исчезало то, что казалось незыблемым. Происходило потрясение основ. Князю Долгорукому, наверное, слышался гром, гремящий над Кремлем, представлялись молнии, бьющие с неба.

Государственный порядок нанес родовым устоям страшный удар. Сам Иван Грозный, вгонявший высокородную знать в трепет, не мог сокрушить местничества. Бояр казнил, но на разветвленный механизм местнической иерархии даже не замахивался. А невеликого здравия молодой государь Федор Алексеевич — сумел.

Под «соборным деянием», уничтожающим местничество, помимо самого Федора Алексеевича и патриарха Иоакима, поставили подписи 6 митрополитов, 2 архиепископа, 2 архимандрита, 41 боярин, 28 окольничих, 19 думных дворян, 10 думных дьяков, 54 представителя меньших «дворовых» (придворных) чинов (комнатных стольников, стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов), 2 генерала, 6 рейтарских и пехотных полковников[185]. Итого 172 человека. Иначе говоря, верхушка духовных и светских властей Московского государства почти в полном составе.

Сам царь, подчеркивая личную заинтересованность в реформе, поставил под «соборным деянием» весьма пространную подпись: «Божиею милостию царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малые и Белыя России самодержец, во утверждение сего Соборного деяния и в совершенное гордости и проклятых мест в вечное искоренение моею рукою подписал»[186]. Выражения «проклятые места» и «в вечное искоренение» не имеют никакого отношения к обычному языку старомосковского делопроизводства. Это не «этикетная формула». Это живые эмоции, выплеснувшиеся на бумагу. Государь своего добился и торжествовал.

Выдающийся исследователь XVII столетия Н.Ф. Демидова заметила: «Отмена местничества являлась величайшим достижением внутренней политики правительства Федора»[187]. Отчасти это верно. Величайшее достижение относится, по мнению автора этих строк, к сфере просвещения, и о нем еще пойдет разговор ниже. Но какое бы из достижений Федора Алексеевича и его правительства ни ставилось на первое место, а упразднение местничества в любом случае — масштабный успех.

* * *

Итак, волей молодого царя совершилось дело поистине великое. Русская церковь и русская аристократия официально поддержали государя в его начинании. Во всяком случае, не стали оспаривать его планов.

Вот только… действительно ли местничество упразднилось после его публичной ликвидации?

Этот вопрос вызывается естественным сомнением: никакое явление, проникшее во все поры общественного организма, а потому получившее грандиозный масштаб и повсеместное распространение, нельзя остановить одномоментным действием. И указ есть (1681), и «соборное деяние», прилюдно подписанное без малого двумя сотнями персон, но соблюдались ли введенные ими нормы? Государь-то скончался через три месяца после отмены местничества! А вслед за его кончиной началась свистопляска стрелецкого восстания.

Так до какой степени закрепилось в общественной практике вечное «безместие», объявленное Федором Алексеевичем?

Историк В.Н. Татищев, родившийся пятью годами позднее уничтожения местничества, собрал об эпохе Федора Алексеевича изрядный материал. В его распоряжении оказалась некая «история» о царствовании Федора Алексеевича, созданная монаршим приближенным А.Т. Лихачевым. Татищев имел возможность пользоваться документами. Помимо того, Василий Никитич мог записать драгоценные отзывы очевидцев государственной деятельности царя, а то и деятельных участников «большой политической игры» в его царствование. Так вот, Татищев в своей «Истории Российской» об упразднении местнических дел высказался со скепсисом:

«Шляхетство до его величества служило сотнями, и к ним голов воеводы определяли и

полковников не было. И хотя его величество, учиняя комиссию, желал учредить по обычаю польскому, чтоб ротмистры, порутчики и хорунжие всегдашние были и всякий бы знал, у кого в роте написан… однако ж то не утвердилось. И хотя имяна чинов остались, но выбирали по-прежнему воеводы… Понеже в чигиринской поход великой из того вред зделался, також и в Москве в делах управления великие споры и государю докуки происходили, того ради сей государь весьма оное хотел искоренить и для того книги случайные[188] велел пожечь. Но оное было токмо на словах, а на деле никто никому места уступить не хотел… Тот, кто в комиссии первым был, князь Голицын, вскоре потом сделал, что все знатные роды с собою в товарищи[189] писал, а своего рода ни с кем написать не хотел… И тако оное до времен его императорского величества Петра Великого осталось, который с основания оное местничанье искоренил и сущему забвению предал»[190].

Конечно, преобразования петровского времени, а особенно Табель о рангах, жестко закреплявшая принцип получения чинов не по «крови», а по «службе», похоронили всякую память о местничестве. Но между началом бурных реформ Петра I и финалом правления его старшего брата — два десятилетия. А Табель о рангах появилась лишь под занавес царствования Петра I — 40 лет спустя.

Что происходило в эти годы? Отчего Петру Алексеевичу понадобилось вновь утверждать принцип «знатность по годности считать»? Ведь его давно уже ввел в действие Федор Алексеевич…

Чины поручиков, хорунжих, капитанов и полковников сохранились в русской армии. Но прав В.Н. Татищев, когда говорит о том, что в действующей полевой армии людей еще долго расставляли по должностям в соответствии с волею воевод. Идея незыблемого «штатного расписания» туго утверждалась в умах. Окончательно победит она нескоро — лишь в петровское время.

А как же основа и ядро всей реформы — запрет на местнические тяжбы и полное уничтожение системы «счетов», «случаев», «находок», «потерек»?

На практике новый порядок набирал обороты весьма медленно, а дух местнический выветривался до крайности долго…

Сильные люди — тот же князь В.В. Голицын, например, — постарались соблюдать особый интерес аристократических родов если не по букве закона, то хотя бы по духу. И старинная русская знать по-прежнему составляла основу военно-политической элиты. Исчезло местничество, но разве Шереметевы, Голицыны, Трубецкие, Куракины, Долгорукие перестали быть великими родами? Разве ушли они с позиций у самого престола? Разве не сменят представители этих семейств парадные «ферязи» на генеральские мундиры?

В XVIII—XIX столетиях вместо древней «служилой аристократии» появится «придворная аристократия». Значительную часть ее составят старинные роды — бывшие княжеские, боярские да сливки московского дворянства… И она, аристократия эта, будет служить совсем иначе, нежели рядовое провинциальное дворянство. Ей дарованы будут привилегии, странным образом схожие с привилегиями допетровской знати: скорее добиваться высоких чинов, стоять «в приближении» к монархам, оказывать «протекцию» родне, влиять на ход большой политики. Так может, по сути ничего не изменилось?

Вопрос непраздный и непростой.

Отвечая на него, стоит вслушаться в голоса современников и недальних потомков: как

отозвалось общество на крушение местнической системы? Стоит всмотреться в документы той эпохи: видны ли в них признаки оживающего местничества?

Современники слабо откликнулись на это деяние Федора Алексеевича. Вот парадокс: запрет на охабни отразился во множестве источников иностранного и русского происхождения, а об упразднении местничества литературные памятники того времени сообщают редко, скупо!

Подробнее прочих высказался Сильвестр Медведев: «Изволися ему, государю, в чинах царскаго своего сигклита всякаго чина разсмотрити, како бывает председети в сигклите его и воинских делах, егда по их государским указом посылают в полки с ратными людьми или в правление по их царскаго величества в царственные гроды яко в Киев, и в великий Новград, в Казань, в Астрахань, в Сибирь боляре и окольные и думные дворяне с товарыщи или бывают люди и крови благородием великия боляре, ины из меншаго благородства честию тою же болярства от царскаго величества за службы или за разуменное правительство пожалованы и в близность к ним государем бывают в совет допущены, ини же по роду своему честь имеюще стольника или окольничаго, и той стольник не из рода суща благороднаго, аще будет и болярин, не хощет под ним седети, не хощет с ним ни в каком деле и в полках в товарыщах быти и наченши от больших даже до меншей чести сице творилося, от чего были и ныне суть великия между их в таких случаях вражды, и беды несказанныя, и злыя друг на друга вымыслы, людем же мелким в полках и в городех не правление между таких бывает, но велие погубление: един до единого болши творится, и котории подначальнии люди к коему единому начнут ходити, другии тем ненавидит; и он, государь, видя тую неправду в царствии своем, зело тщание полагал, чтобы оную тщетную злобу изтребити и местничества в председательстве никому бы собою не имети, кого когда пошлют на их государскую службу, аще вручат кое правление во стране, и в полкех, хотя и не великого рода, а честию их государскою пожалован и в таком деле искусен, о том ни с кем не считатися… Человеком же, яко единому телу, удом же разным в вере единой в государстве едином подобает всем звание свое хранити в нем же кто призван: аще болярин, да в государстве во всяких вещех царем благочестивым к славе Божией належащих делах и ко мирному и прибылному государству всего добротворению зболезновати должен есть: воевода — в воинстве, яко достоит, да промышляет и управляет; воин такожде службы своя надлежащие да не оставляет; подданный в земледельстве труждаяся, должный оброк господину своему да воздает. Все же люди суть Божий и никто един благороден без единого мнимаго и меншаго жити возмогает; того ради всю любовь имуще Господу Богу кланятися и Его единаго славити должни суть, чести же наипаче даваемы бывают и правление по разуму и по заслугам, во всяких государственных делах бывшим, и людем знающим и потребным»[191].

Отзыв Медведева обширен и велеречив, но суть высказана кратко. В двух словах ее можно выразить так: «честь» следует давать «по разуму и по заслугам», а не по «благородству крови». Медведев безусловно поддерживает реформу. И было бы странно, если бы он ее оценил в негативном ключе: еще учитель Медведева, Симеон Полоцкий, ругал местничество. И, возможно, именно он когда-то заронил в ум государев идею решительного отказа от этой общественной традиции.

Иноземец-аноним, являвшийся, по всей видимости, агентом католического священноначалия в Москве, отметил крайнее неодобрение царских действий русской знатью. По его словам, «бояре» и без того не любили Федора Алексеевича, «возненавидевшего отеческие обычаи» и полюбившего «одежду и украшение польские», но особенную неприязнь он вызвал тем, что «приказал сжечь книгу государства Московского, содержавшую в себе означение степени и достоинства древних и знатных фамилий, то, чем кто заслужил право на именитость. Так как в эту книгу многие вносили свои имена не за какой-нибудь доблестный подвиг воинский, а за то,

что богаты и успели подкупить, то государь приказал сжечь ее, выставляя причиною то, что это несправедливое предпочтение одних другими, после внесения имени в книгу, причиняет часто большой беспорядок и непослушание ему, государю, и что за этим необходимо должно последовать падение государства. Нередко случалось, что в военное время мужи крепкие и рукою и умом, но беднейшие и не так значительные предпочитались другим по должности, быв назначены в военачальники или полководцы; но, не быв означены в книге вышеписанной, бывали презираемы другими, которые, быв почтены не за заслуги, а за пролазничество и деньги, или за что-нибудь другое внесены в книгу, хвастались именитостью, доставшеюся им от предков. Из этого происходили с той и другой стороны споры, несмотря на права должностных людей, и угрожали царству гибелью. Сожжение этих книг, учиненное под таковым предлогом, поселило в сердцах многих людей отвращение к Феодору»[192].

Тут, конечно, происходит путаница между двумя принципиально различными явлениями русской жизни. Борьба с местничеством — одно, а противодействие, которое оказывала сама знать попыткам неродовитых людей влезть в высший эшелон политической элиты (в том числе и за счет фальсификации разрядных документов), — совсем другое. Неточность в письме иноземца понятна: до конца понять суть местничества, его недостатки и достоинства, а также причины его отмены легче было русскому человеку. Для иностранца это элементарно трудно: слишком уж специфическое явление… Но сообщение это ценно тем, что в нем ясно показана отчетливая ненависть к реформе со стороны пострадавших от нее «бояр». Иначе говоря, со стороны древней русской аристократии. Очевидно, открытого выступления не произошло только по одной причине: Федор Алексеевич стоял во главе мощной консолидированной группировки, и ему сочувствовала та часть дворянства, которая оказалась лишена карьерных перспектив из-за местничества. Сила солому ломит…

Тот же автор (да и некоторые другие) сообщает о желании «бояр» похоронить преобразования, сделанные Федором Алексеевичем, после его кончины. Однако царевна Софья, правившая твердой рукой, не позволила этим планам сбыться.

Иностранные авторы, писавшие в XVIII веке, оказывались в более сложном положении. Они не могли воспользоваться той свежестью впечатлений, какой располагал очевидец или хотя бы современник. И, разумеется, они пытались трактовать местничество как нечто подобное жестокому противоборству абсолютных монархов Европы со своими фрондирующими герцогами. Но какая у нас фронда? Где она? Ко второй половине XVII столетия русская «служилая аристократия» пришла с гораздо более слабыми позициями, нежели аристократия европейская. У нее отбирали последнюю привилегию — жалкую, неудобную, но все-таки отделявшую полсотни родов от прочего дворянства. Уничтожение этого «разделителя» европейские авторы понимали; но относительная слабость нашей знати и ограниченность ее прав ускользали от их разумения.

Никто из современников не порицает это преобразование Федора Алексеевича. Князь М.М. Щербатов, историк и публицист екатерининского времени, помянет его недобрым словом. Но авторы конца XVII столетия кратко, без особых «цветов красноречия», выражают удовлетворение. Кажется, местничество и впрямь отжило свой век: общество смирилось с официальным его уничтожением без диспутов и мятежей. Как видно, идеи о ликвидации местнического обычая давно усвоились коллективным сознанием военно-служилого класса, к ним привыкли.

Современный историк А.П. Богданов высказался на этот счет, высоко подняв сознательность русского военно-служилого класса: «Почему же современники не заметили самого мероприятия, из-за коего потомки пролили столько чернил? Соборный акт отменял устаревший обычай, затруднявший службу одним, угрожавший благополучию других и

мешавший осуществлению государственной власти силами дворянства. Поэтому о местничестве, хотя его рецидивы еще случались, никто и не вздохнул»[193]. Что ж, в какой-то степени А.П. Богданов прав. «Вздыхали»-то по старине, должно быть, многие. Однако неудобство ее отчетливо осознавалось в русском обществе.

Но, вероятно, причиной относительно слабого внимания, обращенного людьми конца XVII века на столь значительное царское деяние, было еще и то, что ждали продолжения «ползучего», неявного местничества там, где его громогласно и прилюдно уничтожили.

Так и происходило.

Тот же историк местничества А.И. Маркевич пишет: «Совершенная правда, что служебное местничество продолжалось и после своей официальной отмены; такова была сила местнических традиций, что правительство, в иных случаях, где местничество было несколько замаскировано и не било в глаза ссорою, делало постановления, объясняемые исключительно его местническою точкою зрения…»[194]

Из-за подобных ситуаций правительство после смерти Федора Алексеевича еще несколько раз издавало указы о недопустимости местнических тяжб — то в одной служебной сфере, то в другой. Казалось бы, как можно ограничивать то, что уже полностью уничтожено?! Но прямолинейная «математическая» логика плохо подходит к столь тонкой материи, как реформирование социальной сферы. Эти «подправляющие» указы напоминали потенциальным местникам: «Будьте осторожны! Глубинная суть столкновений, коим вы становитесь заводчиками, правительству ясна. Не стоит нарываться на неприятности, предерзостно обходя закон».

Помимо таких вот «неявных» тяжб время от времени случались местнические столкновения открытые, притом ничем не отличавшиеся, по сути, от больших местнических битв прошлого. Бывали они на протяжении всего конца XVII века — как минимум до середины 1690-х! Подвергались ли местники карам? Не всегда. Если их все же ставили на место, то делалось это сочувственно, «с пониманием». А значит, без особой суровости. Государство било их, большей частью… с ленцой.

Не удивительно! Правящий круг привык к такому положению вещей, когда высшие дворянские роды следует различать по их «честности», по их «отечеству». Должно было уйти целое поколение людей, которые иначе не мыслили устройства власти, чтобы с ними исчезла цепкая сила древней местнической традиции, против буквы закона державшаяся за умы и сердца. А со сцены большой политики персоны, начинавшие служилую карьеру при Алексее Михайловиче, уйдут, в лучшем случае, на рубеже веков. Отчасти же — позднее, под гром баталий Северной войны. И только с ними, с их представлениями, с их сердечными склонностями к доброй старине, окончательно исчезнет и местнический обычай. А.И. Маркевич весьма разумно объясняет щадящие меры, предпринимаемые правительством в отношении злостных местников, не только инерцией мышления, но и нежеланием напрасно плодить конфликты. С его точки зрения, «…после отмены местничества было довольно много и прямых случаев такового… Как относилось к этим спорам правительство? Оно никогда не признавало их правильности и наказывало мест-ничающихся; но наказания эти были не особенно сильны, вернее сказать, временны, и местничающиеся вскоре бывали прощаемы. Полагаем, это вовсе не объясняется симпатией князя Голицына к местничеству, а скорее правильным пониманием того факта, что столь долго живший, вошедший в плоть и кровь служилых людей институт, как местничество, не может быть моментально истреблен без всякого остатка и что даже полезно мягко обращаться с нарушителями закона, не уступая им конечно, но не озлобляя людей, иногда весьма полезных и почтенных… особенно если местничество случалось во время каких-

либо церемоний, где могло сделать беспорядок, но не причиняло вреда»[195].

Итог: не следует видеть в реформе 1682 года мину, от взрыва которой древнее социальное зло моментально пошло под откос. Ничего моментального! Федор Алексеевич вовсе не остановил несущийся на полной скорости состав местничества. Правильная картина его деяния — несколько иная. Государь *сильно затормозил движение поезда, и без того начавшего сбрасывать ход.* После же монаршего воздействия инерция торможения еще оставалась…

Метко высказалась по этому поводу Г.В. Талина: «Процесс уничтожения местнической системы и идеологии затянулся на всю вторую половину XVII столетия. Хотя формально отмена местничества пришлась на начало 1680-х годов, требовалось время, чтобы общество перестало мыслить местническими категориями, бояться того, чего опасалось на протяжении двухвекового господства этого института»[196].

Это вовсе не значит, что масштаб столь серьезной реформы, как упразднение местничества, искусственно завышен. И подавно не стоит говорить о ничтожности деяния Федора Алексеевича. О нет, это его деяние — поистине великий шаг в истории Российской державы. Просто оценивать его надо справедливо и с открытыми глазами.

Мощь родового начала в истории Московского царства огромна. Оно намного сильнее влияло на весь склад политического устройства, нежели на Западе. Такова особенность исторического развития России. Единая общерусская государственность, появившаяся из россыпи земель и княжеств, первое время была слаба, а соседи ее — сильны. Государственность юная, очень непохожая на древнекиевскую, сгоревшую в огне монголо-татарского нашествия, медленно устраивалась и тратила изрядную часть своих ресурсов на постоянную оборону границ. Отсюда ее предельная милитаризация. В таких условиях родовое начало, более архаичное по сравнению со служебным, играло для нее роль подпорки. Когда пришла пора отказываться от него, воздвигать приоритет службы над родом, слом родовых привилегий стал делом времени. Но этот слом по необходимости должен был происходить медленно — слишком уж долго использовалась чудесная «подпорка». И если бы кто-то из правителей не совершил решительного шага в этом деле, процесс мог бы длиться поколениями.

Федор Алексеевич отважился совершить этот шаг.

Поневоле в голову приходит едкая фраза: «Рубить псу хвост по частям». Так вот, Федор Алексеевич предотвратил именно такой сценарий: вялое «отрубание» государством новых и новых пространств местничества, оставляющее за собой вечно тлеющий конфликт, вечную неопределенность в отношениях правительства и знатнейших семейств.

Да, громадный поезд «тормозил» еще на протяжении многих лет после кончины государя. Но скорость его упала очень значительно.

Высчитывая, когда именно произошла последняя тяжба, заряженная местническим духом, невозможно понять сути происходившего. Дело тут не в качественных характеристиках («поезд едет» / «поезд стоит»), а в количественных (насколько «упала скорость»). И они объясняют очень многое.

Если подсчитать число подлинных местнических «дел», сохранившихся до нашего времени, результат всё расставит по своим местам.

От 31 года царствования Алексея Михайловича дошло 85 «дел». Итого в среднем по 2,7 «дела» ежегодно[197].

От 6 лет царствования Федора Алексеевича— 17 «дел». Итого в среднем по 2,8 «дела» в год. Примерно тот же результат. Стоит напомнить, что «вечное безместие» Федор Алексеевич утвердил всего за несколько месяцев до смерти.

От 7 лет правления царевны Софьи и первых пяти лет царствования молодого Петра Алексеевича (1682—1694) — только 10 «дел». То есть всего лишь по 0,8 дела за год.

От более позднего времени местнических дел не сохранилось. Что же касается петровской Табели о рангах, то ее ввели четвертью века позже последней местнической тяжбы. По большому счету, ею уже нечего было уничтожать, и цели ее введения — иные.

Вот так. Результат впечатляющий.

Эти цифры со всей ясностью показывают: все-таки *именно Федор Алексеевич и его реформа переломили хребет местничеству.*

А как же «придворная аристократия» Петербургской империи?

Да, она существовала, и ее влияние на судьбы страны всегда оставалось значительным. В то же время она представляла собой явление, принципиально другое по сравнению со «служилой аристократией» Московского царства. До Федора Алексеевича высокое положение на службе гарантировалось представителю аристократического рода в силу одного только его происхождения, «высокой крови». Что же касается двухсотлетнего периода императорской России, то могущество новой «знати» опиралось на совершенно иной фундамент. Оно зиждилось на богатстве, связях, монаршей милости, а порой и на служебных заслугах выходцев из ее среды. Ведь порой среди них появлялись одаренные полководцы и государственные деятели.

Конечно, древние фамилии прекрасно помнили о своем прежнем величии. Но сколько их лишилось высокого положения, ушло в тень, слилось с многотысячной массой рядового дворянства! Нет, ни при Екатерине II, ни при Николае I, ни тем более в эпоху Великих реформ «высокая кровь» уже ничего не гарантировала. Император волен был поднять на самый верх политической пирамиды безродного «выскочку», и никто не посмел бы ему и слова сказать. А волен был ничего не давать семейству с пятисотлетним родословием, и это ни у кого не вызывало ни малейшего удивления.

Князь М.М. Щербатов, певец старинных нравов и обычаев русской знати, хвалил местничество: «Почтение к родам умножало еще твердость в сердцах наших предков; беспрестанные суды местничества питали их гордость; пребывание в совокуплении умножало связь между родов и соделовало их безопасность что твердое предприять, а тогда же и налагало узду, кому что недостойное имени своего соделать; ибо бесчестие одного весь род того имени себе считал. А сие не токмо молодых людей, но и самых престарелых в их должности удерживало. Благородной гордости бояр мы многие знаки обретаем». Глядя на времена Московского царства, этот вельможа екатерининской эпохи вздыхал с печалью. Отмену местнических порядков он считал, наряду со всюду проникающим сластолюбием, одной из главных причин глубокого нравственного развращения дворянской среды: «Сказал я, что сластолюбие и роскошь могли такое действие в сердцах произвести; но были еще и другие причины, происходящие от самых учреждений, которые твердость и добронравие искоренили. Разрушенное местничество (вредное впрочем службе и государству) и незамененное никаким правом знатным родам, истребило мысли благородной гордости во дворянех; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый стал добиваться чинов, а не всякому удастся прямые заслуги учинить, то, за недостатком заслуг, стали стараться выслуживаться,

всякими образами льстя и угождая государю и вельможам; а при Петре Великом введенная регулярная служба, в которую вместе с холопами их писали на одной степени их господ в солдаты и сии первые, по выслугам, пристойным их роду людям, доходя до офицерских чинов, учинялися начальниками господ своих и бивали их палками. Роды дворянские стали разделены по службе так, что иной однородцев своих и век не увидит. То когда ли остаться добродетель и твердость в тех, которые с юности своей от палки своих начальников дрожали? Которые инако как подслугами почтения не могли приобрести, и быв каждый без всякой опоры от своих однородцев, без соединения и защиты, оставался един, могущий предан быть в руки сильного?»[198]

В словах князя содержится немало правды. Новый, постместнический порядок содержал в себе и добрые семена, и злые. Но в любом случае поворотить время вспять, исправить давно свершенное ни Щербатов, ни кто-либо еще из древних аристократических семейств не имели ни единого шанса.

Нет-нет, Российская империя — другая эпоха, и ей приличествовала совсем другая аристократия.

Итак, надо честно признать за третьим государем из династии Романовых большую историческую заслугу перед Россией. Он отважился взяться за очень важное и в какой-то степени рискованное дело, лично принял участие в важнейшей фазе и довел его до конца. Не напрасно над гробницей его в Архангельском соборе вывели: «Братоненавистные, враждотворные и междоусобные местнические споры прекратил»[199].

Державная работа Федора Алексеевича достойна доброй памяти и вечной благодарности со стороны русского народа.

Меж двух патриархов

Со времен Сергия Радонежского до эпохи митрополита Макария Русская цивилизация переживала расцвет. Она находилась на пике развития. Всё, что поднимало дух на высочайшие вершины, всё лучшее, умнейшее, красивейшее создавалось именно тогда.

А последняя треть XVI века и весь XVII век стали временем, когда государство-цивилизацию корежили, гнули, разрушали давление извне и страшные диспропорции внутреннего развития. Она, цивилизация, выжила и перешла на уровень более стабильного существования. Но при этом должна была пройти через несколько больших трагедий, через кровь, смуту и великие колебания духа.

Одной из этих трагедий стал раскол. Возможно, тяжелейшей трагедией, поскольку коснулся он не общественного строя, не экономики и не государственного аппарата, а самой основы нашей цивилизации — веры.

Великий русский церковный раскол уходит корнями в безобидный на первый взгляд процесс «книжной справы». Простой труд хорошо образованного редактора, как оказалось, может таить в себе заряд страшной взрывной силы… если он исправляет тексты, связанные с богослужением. Когда этот заряд, наконец, рванул, через всё здание Русской цивилизации прошла глубокая трещина[200]. Церковная реформа патриарха Никона, прямо коснувшаяся «книжной справы», потрясла русское общество, а последовавший за ней раскол мощно повлиял на всю жизнь страны в течение нескольких столетий.

Разбираясь в помыслах и действиях государя Федора Алексеевича, вглядываясь в его

отношения с Церковью, в его религиозные приоритеты, следует постоянно возвращаться умственным взором к истории раскола. Без подробного разговора о причинах его и сути, без обращения к судьбам главнейших его деятелей невозможно понять многих поступков государя.

Значит, необходимо вернуться на несколько десятилетий назад и пройти Великий раскол вместе с центральными действующими лицами. С патриархом Никоном, протопопом Аввакумом и прочими «ревнителями благочестия».

* * *

Будущий патриарх Никон родился на Нижегородской земле в 1605 году. Около двадцати лет он стал священником, а потом принял иноческий постриг и сменил мирское имя Никита на монашеское Никон. Долгие годы Никон провел на Соловецких островах, а также в суровых диких местах под северным городом Каргополем. Там он стал игуменом Кожеозерской пустыни. А впоследствии, произведя впечатление на государя Алексея Михайловича, уехал в Москву, где принял игуменство в богатом Новоспасском монастыре.

Никон отличался большим личным благочестием, значительной образованностью и стремлением к мирской справедливости. Царь часто беседовал с ним и оказывал ему покровительство. В 1648 году Никон был поставлен в митрополиты Новгородские. Он занял один из главнейших постов в русской церковной иерархии. Как архиерей, Никон проявлял строгость, требуя неукоснительного соблюдения уставных правил, а также старался придать богослужениям большую пышность. Владыка Никон располагал даром искусного и пламенного проповедника.

Он имел прочные связи с кружком так называемых «ревнителей благочестия». Их сообщество сложилось в Москве задолго до того, как митрополит Новгородский Никон превратился в патриарха Никона. Туда входило несколько священников-книжников, среди них царский духовник протопоп кремлевского Благовещенского монастыря Стефан Вонифатьев (или Внифантьев), протопоп Казанского собора в Москве Иван Неронов, а также юрьевский протопоп Аввакум. По словам современного историка старообрядчества Елены Агеевой, «все они тогда стояли за строгость и чистоту церковных обрядов, идеалом которых считалась отечественная древность». Этот кружок был явлением чисто русским, само его существование показывает прочность и большую духовную силу православной цивилизации в Московском государстве. В 1649—1651 годах «ревнителям» удалось установить контроль над Московским печатным двором.

В 1652 году Никон взошел на московскую патриаршую кафедру Патриаршествовал он всего шесть лет, но след по себе оставил на века.

Никон всячески способствовал церковному просвещению. Он пригласил в Россию белорусских мастеров-печатников из Кутеина монастыря и с их помощью наладил работу еще одной типографии. Считая Москву по ее религиозной роли, по благочестию и святости вторым Иерусалимом, Никон начал строить Новоиерусалимский монастырь под Москвой. Архитектура этой обители изобилует символами и аллегориями из Священного Писания.

Пытаясь привести русское богослужение в соответствие с практикой православной церкви на Балканах и Ближнем Востоке, Никон ввел несколько радикальных изменений в его порядок и в богослужебные книги. Чаще всего он руководствовался греческими образцами. Производя церковную реформу, Никон прямо противопоставил себя «ревнителям благочестия», прежде бывшим его друзьями и соратниками. Иван Неронов и Аввакум выступили против изменений, противоречивших русской церковной старине, и жестоко пострадали от этого.

Патриарх попытался развить идею первенства «священства» (то есть Церкви и духовной власти) над «царством» (то есть государственным аппаратом и властью светской). Однако благоволение Алексея Михайловича не распространялось столь далеко. Когда охлаждение между ним и царем стало явным, Никон самовольно покинул патриаршую кафедру, устранившись от служения. Долгое время ни царь, ни Церковь не знали, как поступить в этой ситуации. На патриаршую кафедру был назначен сначала «местоблюститель», а потом и новый патриарх. Никона же в 1666 году лишили патриаршего сана. Он решения церковного суда не признал, однако ему пришлось подчиниться и надолго отправиться в ссылку…

Патриарх Никон — одна из самых противоречивых фигур в истории Русской церкви. Сам он желал ей только добра: благочиния, процветания, возвышения на международной арене… Но своими радикальными действиями Никон привел церковный организм в кризисное состояние. Возможно, избыток практической, политической логики в помыслах и действиях слишком часто заменял ему живую интуицию, понимание тех чувств и ценностей, которыми дышал православный народ России.

Последние лет десять в русской публицистике на церковные темы стало модным бранить патриарха Никона. То его обвиняют в гордыне, то в невежестве, то в честолюбии, а то и в тирании. Как будто один человек, хотя бы и патриарх, может считаться виновником столь огромного и разрушительного явления, каким стал церковный раскол!

Когда-то митрополит Платон (Левшин) высказался о Никоне как о личности противоречивой: «…патриарх Никон был просветителем выше своего века… он, как пастырь, был ревностный и попечительный, и как человек — доброй и верной души, но своенравен и горяч даже до излишества, неуступчив даже до упрямства…» Слова эти очень точны и очень важны для понимания того, что происходило три с половиной столетия назад с Никоном и всей нашей Церковью.

Отыскивая причины к появлению глубокой трещины, рассекшей церковное тело после реформы Никона, трудно не заметить жестокую неуступчивость — как со стороны самого Никона, так и со стороны врагов реформы. Столь многие авторы, писавшие о расколе, принимаются говорить о каких-то психологических причинах взаимного озлобления. Дескать, нашла коса на камень! Но в психологии ли тут дело?

Да, жесткость и даже порою жестокость проявляет пастырь к своим неприятелям. Не церемонится он с прежним товарищем и «ревнителем благочестия» протопопом Иваном Нероновым, сурово наказывает за споры коломенского владыку Павла… Да, несогласные с его «курсом» столь же решительны и неразборчивы в средствах борьбы. Разве не было у нескольких умных, благочестивых иереев амбициозного желания через давнего знакомца, ставшего главой Церкви, мощно повлиять на весь церковный организм? Разве не вели они против него интриги, когда Никон отказался от их настойчивого попечительства? Разве имелась в их действиях малейшая крупица смирения? Прежняя теплая компания «ревнителей благочестия», куда до принятия патриаршего сана входил Никон, разделилась, и былые соратники сошлись в жестоком бою.

Один только Стефан Вонифатьев, человек умный, книжный и смиренный, повел себя как добрый христианин. Он отказался от патриаршества, хотя имел возможность взойти на московскую кафедру вместо Никона, а потом удалился в монастырь, не желая встать ни на одну из сторон. Ему претило нелюбие, поселившееся между старыми друзьями. Между тем именно он был когда-то самой крупной фигурой в кружке «ревнителей», именно он имел огромное влияние на царя, будучи его духовником. Но принять битву, которую обе стороны вели из соображений сухой веры, без малейшей частицы христианской любви, этот большой

человек не смог… Следует вглядеться в историю Стефана Вонифатьева и убедиться: он — исключение из общего правила. А убедившись в этом, еще раз обратиться к словам митрополита Платона: своенравие, горячность, неуступчивость, упрямство… Было это? Да! Но что породило гремящий поток ожесточения, столь характерный и для Никона, и для его неприятелей? Неужто — одна психология?

Нет.

Церковные преобразования проводились Никоном в страшное время. Всё церковное здание было донельзя расшатано, а вместе с ним шаталась и вся Российская держава. Всего за три десятилетия до того с великими трудами и большой кровью утихомирили Смуту. Россия, разоренная, ослабевшая, принялась зализывать раны, но от бунта отстала только потому, что сил для нового большого мятежа не оставалось. Слишком уж тяжелым оказалось для народа это кровопускание. Общественное единство пребывало в руинах. Государство, пытаясь восстановить армию и административный аппарат, а потом отбить утраченные земли, выжимало все соки из городов. Те в ответ то и дело вспыхивали восстаниями. Придорожные чащобы наполнились разбойничьими шайками. Законодательство утвердило убийственно жестокие меры, направленные против всякого «скопа», «заговора» и бунтарского «воровства» — как тогда говорили. Но мятежный дух бродил в обществе и никак не успокаивался. Авторитет Церкви пал низко. Нищий приходской поп тут и там оказывался малограмотным, пьянчужкой, лентяем, а прихожане отлично помнили, как в лихую годину безнаказанно куражились и над попами, и над архиереями. Патриарха Иова — самого патриарха! — свергли бессудно, а патриарха Гермогена уморили в заточении. Где тут ожидать кротости в отношении простого священника, требующего от паствы соблюдать простейшие церковные нормы?

Дух смуты, дух мятежа переполнял сердца и души — вот в чем суть того времени! Власти чувствовали постоянную угрозу и склонны были карать непокорство с дикой свирепостью… если удавалось с ним справиться.

Невидимое пламя бунта, изнутри сжигавшее душу страны, коснулось и Церкви. Ведь то, что произошло в ответ на реформы, и явилось церковной смутой…

Никон делал важную и правильную работу. Он добился торжественного перенесения мощей святых Ионы, Гермогена и Филиппа, восславив русских святителей и укрепив тем самым авторитет Священноначалия. За мощами святого митрополита Филиппа, пострадавшего от рук опричников, Никон лично плавал на Соловки и чуть не погиб, но доставил драгоценный груз под своды кремлевского Успенского собора… Он требовал церковной дисциплины и железной рукой карал ослушников. Но и это резонно: церковный механизм разболтался до предела, а за этим пределом Церковь ожидал хаос. Никон принялся выжигать поповское пьянство. Греческий архидьякон Павел Алеппский, побывавший в Москве при Никоне, сообщает: «Патриаршие стрельцы постоянно обходят город, и как только встретят священника или монаха нетрезвого, немедленно берут его в тюрьму и подвергают всякому поношению… Замеченные в пьянстве или в нерадивом исполнении пастырских обязанностей ссылались в сибирские монастыри». Кто посмеет упрекнуть главу Церкви за столь ревностное отношение к своим обязанностям? Никон не желал допускать к иерейскому званию непригодных людей. Историк Русской церкви Н. Тальберг писал о нем: «Никон обязывал духовенство читать в церквах поучения, сам усиливая свою ревность в проповедывании. Он требовал от духовенства должного знания св. Писания и церковной службы, христианской жизни, дабы служить примером для пасомых». Патриарх поднимал иноческую жизнь — им основаны Иверская обитель на Валдае, Воскресенский Новоиерусалимский монастырь под Москвой и Кийский Крестный — в Прионежье.

Всё сопротивлялось Никону, всё давалось ему с боем, во всем жил дух отрицания. И он вел себя точно так же, как светская власть: карал, рубил, давил. Никон родился в 1605 году и в зрелом возрасте помнил, наверное, как прокатывался над страной вал бунтовского бешенства. В 1650 году оказался в центре иного мятежного урагана — большого новгородского восстания. Тогда он едва не лишился жизни и, будучи митрополитом Новгородским, принял самое активное участие в усмирении моря людского…

Никон имел очень серьезный опыт монашества. Он несколько лет провел в крайне тяжелых условиях скитского жительства на Анзере, самом северном из Соловецких островов. А потом в великой скудости пустынничал при Кожеозерской обители. Наверное, научился там смиряться и прощать. Но все-таки поступал со своими врагами не кротко и не милосердно. Иначе не мог: знал — смута в сердцах! Чуть поддайся, чуть покажи любовь и прощение, и явятся «скоп», «заговор» и «воровство». Не ответят любовью на любовь, просто почувствуют слабость. Патриарх, таким образом, оказывался заложником своего времени: ему приходилось быть жестоким, потому что иного пути само состояние общества ему не позволяло.

Церковные реформы Никона — изменения в богослужебных обычаях, замена двуперстного крещения на трехперстное, большие поправки в церковных книгах — подчинялись благой цели. Никон искал единства православного мира. Ему хотелось поднять Русскую церковь над немощью греческой православной иерархии, нищей, униженной турками, искательно стоящей у дверей католических прелатов. Этому мешали различия между греческими церковными традициями и русскими, а более того, досадный недостаток духовного просвещения в России: ни серьезных училищ, ни тем более академий… Если убрать оба препятствия, Москва могла бы стать центром православного мира — вот о чем мечтал Никон. Ради этого единства и ради возвышения он дал грекам роль учителей, уступил греческому духовенству то, что составляло русскую национальную традицию в отношении Церкви. Но ведь не на догматы покусился он, не Священное Писание переделал, а всего лишь взялся переиначивать церковный быт! Та болезненная, раздраженная реакция, которую получил патриарх, вызвала у него единственно возможный в то бунташное время ответ, какой власть могла дать смуте: проявить суровость.

Легко судить Никона из нынешнего времени: там ошибся, здесь был слишком деспотичен… Вот только в своем времени он работал за троих и, возможно, стальной своей твердостью остановил процесс распада, хаотизации Церкви, дал ей порядок. Хотя бы — такой ценой.

* * *

В 50—60-х годах XVII столетия судьба реформы Никона висела на волоске. Народ противился ей, колебались многие священники и даже архиереи. Сторонники «старой веры» обнаружились не только среди голытьбы: в ее пользу высказывались представители аристократических родов, опоры престола. Княгиня Евдокия Урусова и боярыня Феодосия Морозова предпочли принять пытки и смерть в заточении, лишь бы не изменять «старой вере». Уход самого Никона от патриаршества и сомнения царя ставили под вопрос сохранение церковных преобразований.

Однако после Большого собора 1666—1667 годов для староверов, или, иначе, старообрядцев, наступили тяжелые времена. Были подтверждены все введенные при Никоне изменения, а кроме того, сторонников «старой веры» объявили еретиками. А по 1-й главе Соборного уложения[201] еретиков, особенно тех, кто заявит о своих воззрениях прямо в церкви или помешает богослужению, ожидали суровые наказания — вплоть до сожжения. Многие историки считают, что жесткость собора в его решениях относительно староверов во многом диктовалась мнением приезжих греческих архиереев: им унификация православной веры виделась единственным способом ее выживания во враждебном мире…[202]Была ли эта «платформа» полностью оправданной — трудно сказать. Твердая позиция царя, высшего

русского духовенства, а также иерархов Православного Востока, приехавших на собор, окончательно оформила противостояние патриаршей Русской церкви и старообрядчества.

Если прежде власти светские и духовные могли проявить к сторонникам «старой веры» известное снисхождение, то теперь все их вожди встали перед выбором: либо покаяться, либо подвергнуться ссылке или даже «огненной казни». В свою очередь, старообрядцы использовали любой бунт ради жестокой борьбы с Церковью за возвращение «старины». Они также не собирались идти на какие-либо уступки и требовали реставрировать все дониконовские обрядовые формы без изъятия. Их лидеры готовы были пойти на вооруженное противостояние властям.

Так, в Соловецком монастыре вспыхнуло восстание, поднятое теми, кто не счел уместным раскаяться, принять «новый обряд» и молиться за государя. Монастырь располагался на Большом Соловецком острове посреди Белого моря и представлял собой мощную крепость, а «гарнизон» его составляли люди решительные и убежденные в своей правоте. Правительственные войска долго не могли взять монастырь. Позднее, в 1682 году, старообрядцы выступили вдохновителями и наставниками взбунтовавшихся стрельцов. Прямо посреди мятежа происходил жаркий диспут между идейным вождем староверов Никитой Пустосвятом с товарищами и просвещенным книжником Афанасием (владыкой Холмогорским), а также другими православными иерархами; дошло до рукоприкладства. После подавления бунта Никите Пустосвяту отсекли голову.

Самый известный духовный вождь старообрядчества — протопоп Аввакум. Он родился в селе Григорове Нижегородской земли. В 1644 году стал священником, а позднее снискал расположение Стефана Вонифатьева, духовного лидера «ревнителей благочестия». Аввакум обладал стойким и непримиримым характером. Исправляя нравы прихожан, он никогда не отступал и не шел на компромиссы. В 1652 году его поставили протопопом города Юрьевца-Повольского. Затем он служил в столичном Казанском соборе.

При патриаршестве Никона Аввакум становится несгибаемым бойцом в защиту старообрядческого движения. Он терпит заключение, опалу и дальнюю ссылку — сначала в Тобольск, а затем в Забайкалье, туда, где русские власти еще очень слабы, а русские поселенцы немногочисленны. Там Аввакум и его семья мучаются от голода, холода, издевательств воеводы… но это ничуть не умеряет их твердость в защите «старой веры». Наоборот, за 11 лет сибирской одиссеи в Аввакуме укрепляется талант пламенного проповедника и обличителя. В 1664 году ему дают возможность вернуться из ссылки, ожидая раскаяния и покаяния. Однако вместо этого Аввакум пишет царю пламенную челобитную о возвращении древле-православной старины. Очень скоро его отправляют в новую дальнюю ссылку, на север…

Аввакум прославился тем, что в любых условиях, в любых обстоятельствах крепко держался своей правды, ни уступал ни в малости, постоянно сочинял письма, обосновывающие его позицию, и призывал староверов непримиримо отстаивать «аз единый», то есть каждую букву вероучения. Позднее принялся хулить государя московского и его семью…

От него и его соузников осталась «Пустозерская литература» — описание жизни, страданий и борьбы старообрядческих вождей, где-то пламенное, жаркое, страстное, а где-то лиричное, тонко-психологическое. Всё это было создано в заточении. Особенно близок современному образованному верующему стиль инока Епифания — удивительно мягкий, наполненный интимными переживаниями веры, жалобами на страдания и поиском истины.

После поражения Соловецкого восстания в 1676 году и разгрома Стрелецкого бунта в 1682-м

старообрядцы не предпринимали попыток масштабного вооруженного сопротивления властям. В 1685 году правительство издало указ из двенадцати статей о суровой борьбе с любыми проявлениями «старой веры». И ее поборникам оставалось удалиться в глухие и отдаленные области, чтобы там основать общины, построить храмы и вести богослужение по старому обряду. Так большие поселения староверов появились на Дону и Прикубанье, на Русском Севере, по реке Керженец в Нижегородской земле, а также в районе Стародуба и Гомеля (на территории Великого княжества Литовского). Позднее «старая вера» распространилась на Сибирь и Америку.

Рассеяние старообрядчества имело не один лишь географический смысл. Старообрядческая среда породила множество разных направлений или, иначе говоря, «согласий», «толков». Они не только отрицали «никонианскую» реформу, но и спорили друг с другом по поводу догматов, необходимости собственной церковной иерархии, возможности контактировать с властями, а также по многим другим вопросам.

Некоторая часть старообрядцев вернулась в лоно Русской православной церкви, выговорив условие, чтобы им позволили вести богослужение по дониконовским книгам и обычаям. Их называют единоверцами. Первые единоверцы появились еще в 80-х годах XVIII столетия. В начале XX века у них было около тысячи приходов по всей Российской империи. Однако в советское время единоверцы не соглашались сотрудничать с «безбожной властью» и оказались жертвами страшных гонений. В настоящее время их немного.

В большей или меньшей степени староверы подвергались преследованиям со стороны государства с середины XVII столетия по 1906 год. Иной раз государство обходилось с ними весьма жестоко. В ответ радикально настроенные согласия проповедовали самосожжения и иные формы коллективного самоубийства — лишь бы не подчиниться Антихристу, который, по их представлениям, уже явился в мир и взялся калечить древнее благочестие. Так, в XVIII столетии появились «филипповцы», видевшие в самосожжениях избавление. Столь же радикально были настроены и «нетовцы» или, иначе, «Спасово согласие». Настоящий старовер-«бегун» (а они в небольшом количестве сохранились до настоящего времени) не может иметь паспорт или иные документы, не должен где-либо ставить подпись…

В то же время существуют многолюдные согласия, далекие от столь жутких форм противостояния Русской православной церкви и государству. Так, значительное согласие поповцев создало собственную церковную иерархию. Ее центром стал Белокриницкий монастырь на территории современной Украины. Позднее в Белокриницкой иерархии появилась Московская архиепископия (1853) с резиденцией на Рогожском старообрядческом кладбище. Другое крупное согласие, беглопоповское, не признало Белокриницкую иерархию и завело свою. Ныне ее возглавляет архиепископ, сидящий в городе Новозыбков на Брянщине. Подобные согласия создали значительную полемическую литературу, оригинальную художественную культуру, способствовали сохранению древних традиций русской книжности. Из их среды в период Российской империи вышло немало богатых предпринимателей.

В 1971 году Поместный собор Русской православной церкви снял со старых обрядов анафему, наложенную еще в 1667 году. Однако большинство старообрядческих общин России и зарубежья пока не выразили готовности к воссоединению. Таким образом, последствия великой исторической драмы, развернувшейся 350 лет назад, до сих пор терзают Россию.

* * *

А теперь попробуем взглянуть на состояние Русской церкви и результаты церковной реформы глазами Федора Алексеевича.

Восходя на царский престол, он застал духовную сферу в явном беспорядке. Отец его, отличавшийся большим личным благочестием и милосердным характером, тем не менее церковные дела решал тяжкой рукой. Сыну Алексей Михайлович оставил непростое наследие.

В ссылке по сию пору томился Никон, так и не признавший своего извержения из патриаршего сана. 1676 год застал его на восьмом десятке, но старческий возраст ничуть не поколебал ни воли его, ни его крайней неуступчивости. Даже являясь «опальным человеком», он все еще обладал большим духовным авторитетом.

Старообрядчество пронизывало весь русский социум. Люди «старой веры» надеялись на возвращение дониконовской эпохи, на отмену всех «новин». Более того, они готовы были отстаивать свои убеждения с оружием в руках, идти за них в огонь, подвергаться любым наказаниям со стороны власти. Кончина Алексея Михайловича вызвала к жизни новые упования староверов: авось новый государь переменит образ действий в церковных делах, авось отринет преобразования, утвержденные волей его отца.

Что касается надежд на смену курса в делах церковных, то Федор Алексеевич развеял их самым решительным образом. Он выказал себя более радикальным сторонником реформ Никона, чем даже его отец.

Это видно из его действий, связанных с подавлением бунта в Соловецкой обители, а затем и с сожжением духовных вождей церковного раскола.

С 1674 года воевода Иван Мещеринов вел энергичные боевые действия, осаждая Соловецкую обитель. Иноки соловецкие оказались крепчайшими сторонниками «старой веры». Запершись в неприступной цитадели на Большом Соловецком острове, они отбивались на протяжении нескольких лет — даже когда заговорили пушки. Укрепления Соловецкого монастыря были таковы, что для их полноценной осады требовалась целая армия с мощной осадной артиллерией. Притом трудоемкая доставка даже самых мощных орудий отнюдь не гарантировала успех. Их ядра могли оказаться бессильными против могучей валунной кладки стен и башен обители.

Те на Соловках, кто желал по-прежнему молиться за царя и принял новый обряд, оказались в узилище. Староверы применяли насилие точно так же, как и правительство, когда они имели такую возможность.

Летом 1675-го Мещеринов получил с материка подкрепление. Еще через полгода он отважился на штурм, окончившийся неудачно. Но к концу января 1676 года за монастырскими стенами отыскался доброжелатель воеводы: среди братии и собравшихся в обители мирян шла борьба между сторонниками вооруженной борьбы и ее противниками. Доброжелатель этот показал тайный проход в монастырь, и воевода со стрельцами проник внутрь. Краткий бой завершил сопротивление осажденных. Многих из них Мещеринов, гневаясь, казнил, не ожидая на то указа из Москвы. Воевода освободил узников монастырской тюрьмы — тех, кто не поддержал восстание, продолжал молиться за царя и за это лишился свободы.

И тут из Москвы приходит сообщение о кончине Алексея Михайловича.

Для Мещеринова, безраздельно властвующего в обители, открывается соблазн: вознаградить себя за долгое осадное стояние монастырскими сокровищами. В условиях перехода власти из одних рук в другие, да еще на окраине царства, воевода мог надеяться на безнаказанность. И он изрядно набил мошну деньгами, иконами в драгоценных окладах, дорогими книгами, мехами, иным ценным имуществом. Этого Мещеринову показалось мало, и он принялся

вымогать взятки у иноков.

Однако иноки сумели отправить в Москву челобитье на воеводу.

Может быть, сам Федор Алексеевич, а может быть, его вельможи приняли решение: наказать Мещеринова за бесчинства и корыстолюбие. Князь Владимир Волконский возглавил стрелецкий гарнизон, расследовал дело Мещеринова и посадил его под арест. Тот расстался с награбленным и только в 1677 году получил возможность выехать в Москву.

Но Мещеринова наказали не за взятие монастыря, а именно за его разграбление. Использование вооруженной силы в таком деле ничуть не ставилось под сомнение новым государем. При нем на Соловках стоял большой отряд стрельцов. А соловецкую братию в царствование Федора Алексеевича полностью заменили иноками из других обителей. Монастырские власти также были сюда отправлены из других мест. На Соловках, пользуясь точным словечком из современного лексикона, «зачистили» старообрядчество и полностью уничтожили возможность нового бунта. Этому, уже усмиренному, монастырю несколько лет спустя Федор Алексеевич даровал Спасскую церковь на Красном Бору в Устюге Великом со всей утварью и пашенными землями.

По всей России никаких вероисповедных послаблений староверы не дождались. Более того, репрессии со стороны правительства усилились. Весной 1682 года в Пустозерске подверглись огненной казни виднейшие духовные лидеры старообрядчества: протопоп Аввакум, инок Епифаний, дьякон Федор и поп Лазарь. Уничтожение персон такого уровня — не ошибка и не следствие интриг какой-то придворной партии. Это политическое решение, принятое царем осознанно, притом на закате царствования, когда он уже давно вышел из отроческого возраста. Алексей Михайлович оставил жизнь вождям староверов, хотя и держал их подальше от Москвы. Федор Алексеевич обошелся с ними жестче отца.

Аввакум в 1676 году отправил царю послание, где резко критиковал его отца и патриарха Иоакима. Об Алексее Михайловиче он прямо говорил: «В муках он сидит» — то есть попал в ад. Но не письмо подтолкнуло монарха к суровому решению. Из-за этой бумаги узников всего лишь оставили без чернил и бумаги. Дело в другом: осенью 1681 года Большой церковный собор официально попросил Федора Алексеевича «развратников и отступников», которые «по многом церковном учении и наказании» не покаются и не обратятся к правой вере, но останутся непокорны Церкви, «отсылать ко градскому… суду». Иначе говоря, переводить из церковной юрисдикции в светскую. А у светского суда, следующего кратким и четким формулировкам действующего законодательства, для самых неистовых старообрядцев был один приговор: сожжение.

Федор Алексеевич просьбу Церкви удовлетворил.

Во-первых, потому что видел: Церковь с расколом своими силами справиться не может.

Во-вторых, потому что старообрядцы сделались бродильным элементом для разного рода беспорядков и вооруженных выступлений. Многие староверы поддерживали Разина. А разинские вожаки баламутили потом Соловецкий монастырь, питая тамошний бунт своими мятежными привычками. В самой столице старообрядцы распространяли «воровские письма» и устраивали бесчинства (1681).

В-третьих, царь помнил пример отца, не постеснявшегося прибегать к огненной казни старообрядцев. Незадолго до смерти Алексей Михайлович принялся нещадно жечь их.

Наконец, в-четвертых, тот латинский элемент, который внесло в личность государя его

обучение у Симеона Полоцкого, знавшегося с иезуитами, заставлял его смотреть на противников церковной реформы с крайним раздражением. Как на… варваров, как на упорствующих и притом опасных невежд. Очевидно, учитель рассказал о методах, применявшихся в Европе, когда требовалось решить животрепещущие вопросы веры. Эпоха Религиозных войн превратила жестокость по отношению к представителям иной конфессии в обычное дело. И Россия быстро переняла «передовой опыт». Любопытно, что и сам Аввакум требовал у Федора Алексеевича воинской силы — жечь и «пластать» ненавистных ему «никониан». Он ведь принадлежал той же политической культуре…

Это значит: сожжения, происходившие на закате правления Алексея Михайловича, вернулись и умножились.

Раскольники отвечали власти дикими самосожжениями. По их представлениям выходило, что отдать жизнь за веру — лучше, чем подчиняться «безбожному» начальству. «Вы нас хотите сжечь? — как бы отвечали староверы властям. — Так мы сами себя спалим еще того быстрее, нимало ваших казней не устрашась».

«Гари», как свидетельствуют документы, случались еще при Алексее Михайловиче: уже тогда десятки, сотни, а порой и тысячи людей обрекали себя на смерть в пламени… Его сын о подобных «духовных подвигах» отлично знал, тем не менее мягкости и милосердия к раскольникам проявлять не собирался. Они дали ему ответ в виде нескольких больших — сотенных и тысячных — гарей и множества мелких. Настоящий кошмар происходил на Сибирской земле. Запылала пустынь с людьми под Тобольском. Далекая Тюмень озарилась пламенем, пожравшим 1700 человек.

Итак, отношение Федора Алексеевича к староверам очевидно. Его можно охарактеризовать как резко отрицательное.

А вот его отношение к опальному Никону — более сложное. И тут не видно никакой ясности и однозначности.

* * *

Никон и Алексей Михайлович долгое время являлись «собинными друзьями». Первый из них, будучи намного старше второго и богаче духовным опытом, на протяжении нескольких лет играл роль наставника. Но претензия патриарха активно вмешиваться в дела большой политики привела его к жестокому конфликту с царем. Вообще говоря, нормально, когда глава Церкви и монарх советуются о державных делах. Нормально — для состояния «симфонии», иначе говоря, соработничества двух властей. Весь вопрос в масштабах церковного влияния на политические процессы. Если первоиерарх пытается подменить собой государя, то он берется не за свое дело. Никон время от времени подавал царю ценнейшие советы. Без него победоносная война с Речью Посполитой вряд ли началась бы в 1654 году. Но Алексей Михайлович понемногу выходил из юного возраста, опека Никона становилась для него всё обременительнее. Когда монарху показалось, что его «собинный друг» перегибает палку, требуя слишком интенсивного присутствия в управлении страной, наступило охлаждение. Прежние, крайне доброжелательные отношения между этими двумя выдающимися людьми испортились. Их столкновение содержало много личного, психологического.

Итог: до самой кончины государя Алексея Михайловича патриарх Никон оставался в ссылке. Он был «почетным ссыльным» в Ферапонтовом монастыре, притом условия его быта становились то легче, то тяжелее. В последние годы жизни царя Никон пользовался большой свободой. Но полного прощения Алексею Михайловичу он не дал, поскольку монарх напал не

только на него лично, а на Русскую церковь, оскорбил ее и нанес ей тяжелый урон.

Само осуждение Никона на церковном соборе 1666 года, извержение его из патриаршего сана, лишение сана священнического — акция государства, страшная и разрушительная для Церкви. Да и каноничность этого решения сомнительна. Сам Никон на протяжении всей своей ссылки продолжал считать себя патриархом. На озере близ места заточения он поставил крест с надписью: «Никон, Божиею милостию патриарх, постави сей крест Господний, будучи в заточении за слово Божие и за святую Церковь на Белеозере в Ферапонтовом монастыре в тюрьме». Что же касается общего значения той пощечины, которую нанес государь Алексей Михайлович русскому священству, то о нем ясно и точно высказался ученый середины XX века М.В. Зызыкин: «Идее самостоятельного в церковных делах Патриарха нанесен был непоправимый урон. Оставалось по внешности учреждение, из которого была вынута душа, и Патриарх стал простым викарием царя. Раз представитель Высшей Церковной Власти был сведен на роль подсобного орудия царя, то надо только ждать того времени, когда бы царь решил, что орудие власти может быть устроено и другое, более гибкое и удобное для воздействия»[203]— то есть Синод.

Как уже говорилось, Алексей Михайлович Никона из Ферапонтова монастыря не вернул. И ущерба, нанесенного Церкви, не выправил. Поэтому опальный патриарх даже после смерти монарха не дал ему формального письменного прощения. Сам он, как частное лицо, мог простить царя и о том объявил. А вот как патриарх (а Никон ведь не отказывался от патриаршества) он прощения давать не пожелал, поскольку государь пальцем не пошевелил ради этого. От соборных деяний 1666 года царь не отказался, ссылку Никона ошибкой не признал и даже перевести Никона в Воскресенскую обитель не позволил. А опальный патриарх так мечтал завершить давно начатое там масштабное строительство! Так хотел вернуться к своему любимому детищу! Но в словах Никона, сказанных посыльным, явившимся из Москвы после смерти бывшего «собинного друга», звучит отнюдь не персональная обида, а слово пастыря о нераскаявшемся грешнике: «Воля Господня да будет, если государь здесь на земле перед смертью не успел получить прощения с нами, то мы будем судиться с ним во второе пришествие Господне; по заповеди Христовой я его прощаю и Бог его простит, а на письме прощения не дам, потому что при жизни своей не освободил нас от заточения». Всякое раскаяние видно по перемене поведения, по отказу от совершённых им грешных деяний, а царь Алексей Михайлович ничего подобного не явил.

Строго говоря, Никон прав.

Новый царь, Федор Алексеевич, Никона знать не знал. Если и видел его, то недолго и при случайных обстоятельствах. Тем более не вступал в сколько-нибудь тесные отношения. Когда пишут, что Федор Алексеевич являлся «учеником Никона», это грубая ошибка. Царевич Федор в отношения ученичества никогда с Никоном не вступал.

Между новым царем и Никоном не стояла ссора бывших друзей. Но и дружества тоже никакого не было.

Политически Федор Алексеевич оказался близок жесткому стилю Никона. Церковные преобразования, сделанные много лет назад, при его патриаршестве, получили у молодого царя полную поддержку. А претендовать на сколько-нибудь серьезную власть бывший первоиерарх Русской церкви уже не мог: на его месте сидел энергичный патриарх Иоаким. Так зачем же томить старика в ссылке?

Первое время к тому имелись две причины.

Во-первых, тот самый отказ дать грамоту с прощением скончавшемуся Алексею Михайловичу. Федор Алексеевич мог воспринимать этот шаг Никона как оскорбление всему царствующему семейству.

Во-вторых, окружение Федора Алексеевича отгородило Никона от государя стеной из доносов. Ссыльному припомнили многое — по делу и облыжно. Суть же новых обстоятельств состояла в том, что у Никона исчез прежний защитник. Алексей Михайлович не давал его окончательно унизить, Федор же Алексеевич до поры до времени не лез в проблемы, связанные с Никоном. Милославские ссыльного патриарха не любили, высокородная московская аристократия относилась к нему скверно, многие боялись возвращения его в Москву, а отвести удар от его головы теперь никто не желал.

В 1676 году, при восшествии Федора Алексеевича на престол, Никон сильно пострадал. Его перевели в Кирилло-Белозерский монастырь и резко ужесточили режим содержания.

* * *

Чем явилась новая опала на Никона для молодого царя?

Да ничем. «Проходным делом», на вершении которого настаивала родня. Имевший мало власти царственный отрок не видел причин ссориться из-за Никона со своей семьей, вступаться за него.

Но с течением времени его отношение к «делу Никона» стало меняться.

Далекий, неопасный, чрезвычайно умный Никон стал казаться царю фигурой, достойной снисхождения, если только не нового возвышения. Государю говорили о Никоне и много доброго: его помнили, его ум и волю продолжали чтить. Особенную благосклонность к нему являла царевна Татьяна Михайловна — тетка Федора Алексеевича. Как видно, именно к ее речам государь прислушивался с особым вниманием.

5 сентября 1678 года Федор Алексеевич побывал в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, и его мнение о Никоне резко улучшилось. Несколько месяцев спустя монарх совершил туда новую поездку, а через год посетил обитель в третий раз. Царь увидел признаки масштабного замысла, от смелости которого голова шла кругом.

Пребывая в полной силе, дойдя до зенита своего патриаршества, Никон принялся создавать эту обитель. Он являлся учредителем нескольких монастырей, но Воскресенский стал любимым детищем патриарха: в него вкладывался возвышенный смысл. Уйдя с патриаршей кафедры, противостоя Алексею Михайловичу, Никон многие годы провел здесь. До наших дней дошла Богоявленская пустынь, или, иначе, скит патриарха Никона, — изящное здание на берегу реки Истры. Но скит составляет лишь ничтожную часть строительных затей патриарха. Здания Воскресенского монастыря — самый масштабный храмовый архитектурный проект за все XVII столетие. Ничего оригинальнее и грандиознее не воздвигалось по всей территории громадного Московского царства.

Патриарх Никон начал строить под Москвой подобие Иерусалимского храма Гроба Господня или, иначе, храма Воскресения Господня. Каждая постройка, каждая деталь оформления новой обители соответствовали реалиям евангельской истории о пребывании Иисуса Христа в Иерусалиме и расположению иерусалимских святынь — как его представляли себе в России XVII столетия. В соборе воспроизведены священные подобия горы Голгофы, «пещеры» Гроба Господня, места трехдневного погребения и Воскресения Христа. Новоиерусалимский Воскресенский собор строился по разборной модели храма Гроба Господня, созданного из

кипариса, слоновой кости и перламутра. Ее доставил в Москву патриарх Иерусалимский Паисий. А иеромонах Арсений специально произвел обмеры храма в Иерусалиме. Однако Новоиерусалимская церковь отнюдь не стала точной копией храма Гроба Господня. Она не являлась таковой даже в планах. В конце концов, храм Гроба Господня представляет собой хаотичное наслоение разновременных зданий и пристроек. Возводя свою «версию», наши зодчие приспосабливали архитектурные формы всемирно известной постройки к русским обычаям, улучшали, модернизировали, добивались единства стиля. Подмосковный собор должен был выглядеть лучше «протографа». В эстетическом смысле он действительно имеет гораздо большую ценность.

Вся местность вокруг обители наполнилась евангельской символикой. Холм, на котором воздвигали собор, назвали Сионом, а соседние холмы — Елеоном и Фавором. Ближайшие села обрели названия Назарет и Капернаум. Даже подмосковная речка Истра — там, где она протекала по монастырским владениям, — стала именоваться Иорданом. А ручей, обтекающий монастырский холм, превратился в Кедронский поток.

Очевидно, в будущем Новоиерусалимской обители предназначалась роль крупного просветительского центра. Во всяком случае, Никон передал монастырю славяно-греческое собрание книг — по количеству томов очень значительное, а по составу просто драгоценное. Оно могло бы стать основой для библиотеки крупного учебного заведения. И, частично, стало[204]. Сюда же Никон перевел из Валдайского Иверского монастыря команду белорусских типографов со всем книгопечатным оборудованием.

Размах проекта потребовал колоссальных сил и средств. Отправной точкой строительства стал 1656 год. На протяжении десяти лет шло медленное возведение главнейших зданий. Ко второй половине 1660-х Воскресенский собор довели до сводов, освятили несколько придельных (малых) церквей во внутренних помещениях. Но после собора 1666 года, когда Никона извергли из сана и отправили в Ферапонтову обитель, процесс остановился. Монастырь стоял недостроенный. Однако даже этот печальный долгострой носил следы величия первоначального замысла. Федор Алексеевич, побывав здесь, решил, что начатое следует довершить. Строительство возобновилось в 1679 году, правда, шло неспешно. Более того, царь вернул обители земли, отобранные у нее после соборного осуждения Никона, и добавил новые, весьма обширные. Это давало достойные средства и для строительных дел, и для общего благоустройства обители.

Строить здесь будут еще очень долго. Сойдет со сцены царей и царств молодой государь, вернется сюда сам Никон — уже в виде хладного тела, а работы будут тянуться и тянуться нескончаемой чередой. Патриарх Иоаким доведет титанический проект до конца. 18 января 1685 года он освятит Воскресенский собор. Гроздь куполов засверкает, радуя иноков окончанием великого труда. Но без пожертвований, сделанных Федором Алексеевичем, это событие вряд ли могло бы состояться. И уж во всяком случае, оно произошло бы годами, а то и десятилетиями позже.

Для судьбы Федора Алексеевича знакомство с Воскресенским монастырем исключительно важно. Образованный человек, он прекрасно понял генеральный смысл, стоявший за эстетикой тамошнего архитектурного комплекса. То, что когда-то Никон вкладывал в его создание.

Никон видел: действительная сила православного мира постепенно уходит от греческого священноначалия и сосредоточивается в Москве. Многочисленные греческие патриархи, митрополиты и прочие архиереи обладают превосходными библиотеками, умирающей, но все еще сносной системой училищ и большим духовным авторитетом. Однако они пребывают под гнетом турок-османов, поддаются влиянию Римско-католической церкви, они бедны, наконец.

А Москва богата и независима. Москва миссионерствует в Сибири. Москва спасает греческих архиереев и греческие монастыри от нищеты. Центр Православного мира должен переместиться сюда! Но для того нужны и согласие с греческими иерархами, и духовное просвещение, и великие идеи, оформляющие претензию на этот переход главенства. Церковная реформа Никона совершалась во многом как путь к сближению с греческими церквями. Просвещением пытались заниматься, но задача *пока* не решена[205]. А соответственная «великая идея», или, вернее, целая интеллектуальная программа, получила выражение в камне. Новый Иерусалим под Москвой — символический перенос духовного центра православия на новое место. Никон словно извещал весь Православный Восток: благодать отошла от древних городов и ныне почиет на землях московских!

Идея оказалась заразительной. Федору Алексеевичу она, надо полагать, понравилась. Ведь она возвышала и его самого. Царь российский обретал значение светского владыки всего восточнохристианского мира. Всей православной ойкумены, как свободной, так и пребывающей *до времени* под пятой иноверцев…

Хворый молодой человек с телом, удрученным болезнями, и несгибаемым духом почувствовал предназначение высокое. На нем клином сходились судьбы Вселенной! Он вел не только русский корабль, но и целую флотилию греческих лодочек. Это поистине великая роль, но и очень большая ответственность. О Федоре Алексеевиче отзывались как о крепко верующем и благочестивом человеке: «Сей государь в вере был твердый и прилежный или набожный, как во многих монастырех и церквах его строениями и подаяниями свидетельствуется»[206]. Его благочестие простиралось столь далеко, что в некоторых комнатах своих палат он велел развесить по стенам молитвы. А на доброго христианина, каковым он являлся, мысль о подобной ответственности влияет так, как на храброго рыцаря — возможность совершения новых ратных подвигов.

Никон замахивался на многое. Федор Алексеевич, осознав, сколь высоко парил ум церковного реформатора, восхитился, испытал благодарность…

И, кажется, пошел по пути, когда-то проторенному Никоном.

Заслуги ссыльного патриарха становились всё более очевидными, а наветы врагов звучали всё более сомнительно. Так вышло, что недоброжелатели кирилло-белозерского узника постепенно оказывались неприятелями Федора Алексеевича.

Милославские отошли в тень.

А отношения с патриархом Иоакимом, склонным к самым суровым мерам против Никона, понемногу ухудшались.

Исподволь нарастающий конфликт между Иоакимом и Федором Алексеевичем на многое повлиял в судьбе опального патриарха. Возможно, стал решающим доводом для его освобождения.

* * *

Отношения между государем и Церковью означали для Федора Алексеевича прежде всего диалог с Иоакимом. На протяжении первых лет царствования этот диалог почти всегда вел к пользе последнего, а значит, и Церкви. Но Иоаким в какой-то степени… повторил судьбу Никона. Крупная, сильная личность, он претендовал на очень высокую степень самостоятельности. Итог едва не стал для Иоакима трагическим.

По сравнению с молодым, не искушенным в делах правления царем, Иоаким являлся изощренным политиком. Кроме того, он намного превосходил Федора Алексеевича по возрасту. В 1676 году пятнадцатилетнего государя венчал на царство 55-летний патриарх. К тому времени он уже правил Русской церковью без малого два года, а до того настоятельствовал в кремлевском Чудове монастыре, занимал Новгородскую митрополичью кафедру, участвовал в церковных соборах и проявил себя активным практическим дельцом.

Иоаким обладал явным административным талантом. Он давно выработал четкий взгляд на роль Церкви в Московском государстве и на царящие в ней порядки. Восходя на патриаршую кафедру, Иоаким принимал тяжкое бремя. Ему предстояло сыграть роль сурового исправителя. После Никона Русская церковь несколько лет провела в обезглавленном состоянии: Никон, отойдя от дел, сидел в монастыре, нового патриарха не избирали, а «местоблюстителей» слушались худо. Патриархи Иоасаф II и Питирим правили недолго и не имели склонности «закручивать гайки». Поэтому к моменту восшествия Иоакима на патриаршую кафедру церковный механизм страшно разболтался. Священство пьянствовало и даже, бывало, являлось на богослужения под хмельком. Иереи своевольничали, архиереи слабо подчинялись патриаршей власти. Церковное имущество использовалось священниками и епископами для получения личных доходов. Порядок и дисциплина упали до ничтожных величин. Идейные баталии со староверами сотрясали церковное здание. Государь и представители светской власти на местах без зазрения совести вмешивались в церковные дела. Продолжал существовать Монастырский приказ — светское учреждение, забравшее себе суд над духовенством и подчиненными духовенству людьми[207], многие дела, связанные с церковным землевладением, и даже, в ряде случаев, расстановку церковных кадров! Борьба Никона и прочих архиереев с неприлично большой властью Монастырского приказа привела к некоторому его ослаблению. Но до конца Алексей Михайлович так и не упразднил его.

Насколько Никон прославился своей жесткостью, склонностью к радикальным мерам… Иоаким намного превосходил его и в первом и во втором! Никон оставляет впечатление раскаленной лавы, вырвавшейся из жерла Русской цивилизации, которая уже начала было застывать, принимать строго определенные формы. Он ломал, строил новое, обжигал, исправлял, строжил священников и указывал боярам. В нем словно бы поселилась огненная стихия, безжалостно палившая всё, что непрочно, нелепо, косо, а заодно уничтожавшая порой и то, чему следовало бы сохраниться. Иоаким — иной человек. Он не жгуч, он холоден. Он — прирожденный охранитель. Он — камень. Иоаким, с его административным даром, превосходно видел, какой должна быть Церковь как система, какой порядок для нее идеален. И столь же хорошо видел, где, кем, насколько этот порядок нарушен, этот идеал искажен. Вся его деятельность — восстановление идеального порядка, а там, где настоящего идеального порядка не существовало никогда, — его строительство. Он безжалостно рационален. Он не палит, он морозит. И всякий раз студеная его логика ставит принцип выше отдельного человека, а охранение — выше развития. Вот идеальный консерватор в русской истории, притом один из крупнейших по положению своему! И слово «консерватор» взято здесь в положительном ключе. Если говорят, что Никон мощно повлиял на жизнь Церкви, то имеют в виду его духовное революционерство. Но Иоаким — никак не революционер. Он представляет собой нечто прямо противоположное. И влияние Иоакима на жизнь нашей Церкви, наверное, масштабнее влияния Никона. Иоаким правил ею 16 лет — больше любого из наших патриархов допетровского времени. Пережил трех правителей! Он застал Церковь в состоянии разброда и шатания, а сдал ее своему преемнику Адриану как хорошо вышколенный гвардейский полк, застывший на плацу в ожидании парада. Со староверами он справиться не мог — его холод, его свирепые «дисциплинарные» меры не могли возыметь действия, тут требовалась более тонкая политика.

Но, во всяком случае, влияние раскольничьих общин на церковный организм Иоаким свел к минимуму Не достигнув успеха, он и не проиграл.

Сильный человек. В чем-то — страшный. В чем-то — чрезвычайно необходимый. Умный, решительный, неотступно добивающийся того, что считает правильным. Если надо, «смыкающийся» со светской властью ради восстановления порядка. А если надо, конфликтующий с ней. По свидетельству одного из староверов, Иоаким однажды сказал Алексею Михайловичу: «Я не знаю ни старой, ни новой веры, но что велят начальники, то и готов творить и слушать их во всем». Бог весть, сколько в том правды: известный деятель раскола дьякон Федор, которому принадлежат эти слова, был не очень-то расположен к Иоакиму, да и не очень-то осведомлен о реальных словах его и делах. Но если нечто подобное действительно прозвучало, то надобно видеть смысл фразы в контексте всей долгой судьбы Иоакима. Он мог являть покорность вышестоящему лицу — настоятелю, когда был в келарях[208], патриарху, когда был в митрополитах, царю, когда был в патриархах. Иногда он сверкал необыкновенным, чрезвычайным смирением, и даже Никон, не любивший Иоакима, признавал его смиренность. Но… с течением времени Иоаким все равно направлял своего начальника туда, куда считал правильным. Хоть настоятеля, хоть патриарха, хоть самого царя. Его смирение сочеталось с несокрушимой волей. Самого патриарха свернуть никто не мог.

О временах, когда Иоакиму пришлось строить отношения с царем Алексеем Михайловичем, очень хорошо написал современный историк А.П. Богданов: «Иоаким знал, чего хочет добиться для Церкви, умел достаточно осторожно и предусмотрительно проводить свою линию, не раздражая богомольного и потому особенно склонного вмешиваться в духовные дела самодержца»[209]. Но когда Иоаким узнал, что царский духовник завел себе любовницу, он смирил дерзкого священника, посадив его на цепь. И царского гнева не испугался: то, в чем пастырю следовало стоять твердо, он никогда не сдавал.

В первые годы соработничества с Федором Алексеевичем Иоаким мог легко водить рукой молодого монарха. В 1677 году он, например, добился окончательного уничтожения ненавистного Монастырского приказа, столь любезного прежнему государю. Тогда же Иоаким провел ряд мер, жестко унифицируя архиерейское богослужение и повышая роль богослужения патриаршего, упавшего было в авторитете. Так, «шествие на ослята», совершаемое в Вербное воскресенье и символически означающее вход Иисуса Христа в Иерусалим, отныне запрещалось совершать кому-либо из русских архиереев, помимо патриарха Московского, и где-либо, кроме столицы. Иоакиму удалось преодолеть строгий запрет, не позволявший дворянам-землевладельцам отдавать вотчины под строительство храмов.

Люди, явно мешавшие его деятельности, сейчас же отшвыривались с дороги. Тот самый духовник Алексея Михайловича Андрей Савинов, коему пришлось посидеть, смиряясь, на цепи, посмел возвысить голос против Иоакима. На отпевании старого царя «прощальную» грамоту вложил ему в руку патриарх; духовник увидел в том нарушение устоев: как же так, почему прежде это делали духовники, а тут вместо него почетную миссию исполнил патриарх? Андрей Савинов призывал дать ему войско для нападения на патриарха-«супостата». Тот созвал собор и добился решения, по которому наглого бесчинника отправили в дальний Кожеозерский монастырь. И Федор Алексеевич непутевого священника отдал, хотя тот и был любимцем его отца.

Более того, сам чин поставления Федора Алексеевича на царство сильно изменился по сравнению с таким же чином, использовавшимся при коронации его отца. Тут видно активное вмешательство Иоакима. На первое место в венчальном чине Федора Алексеевича поставлена Церковь. Новый государь, говорится там, восходит на царский престол «по преданию святыя

восточные Церкви». Таким образом, *царская власть санкционируется прежде всего властью духовной и вручается по ее «преданию».* То, что монарх унаследовал державу от отца и деда, убрано на второй план. Во время совершения длительного и пышного обряда Федор Алексеевич должен был произнести полный православный Символ веры в ответ на вопрос патриарха: «Како веруеши и исповедуеши Отца, Сына и Святаго Духа?» Такого прежде не случалось. Притом царь воспроизводил вариант Символа веры, исправленный при Никоне и отринутый старообрядцами. Всему свету продемонстрировали не только то, что московским государем может быть лишь истинно православный человек, но и то, что ждать от него возврата ко временам дониконовского «древнего благочестия» не стоит.

Федор Алексеевич видел и чувствовал: у «духовных дел» в его державе есть крепкий и рачительный хозяин. Когда необходимо, он поддержит государя (Иоаким оказывал ему действенную поддержку неоднократно), но в опеке со стороны светской власти, даже ее главы, он не нуждается.

Исключительно важной совместной работой царя и патриарха стала христианизация нерусского населения на недавно присоединенных территориях. Речь идет прежде всего о Приуралье и, в какой-то степени, о Поволжье, где христианизация началась давно, но тормозилась то Смутой, то разинщиной. По словам современного историка Н.Ф. Демидовой, Иоаким и Федор Алексеевич «выступали здесь единым фронтом»[210]. Они использовали меры как поощрительные, так и принудительные, но вооруженной силой не пользовались. В Сибирь отправились искусные миссионеры. Новокрещенов правительство стало на несколько лет освобождать от выплаты налогов. Им выдавали серебряные кресты, иконы, новые суконные кафтаны. Все знатные землевладельцы магометанского вероисповедания, в поместьях и вотчинах которых жило христианское население, теперь могли сохранить свои владения, только крестившись. В противном случае казна забирала земли. Вместо них давали вотчины и поместья, населенные иноверцами. Правительство опасалось, что хозяева силой загонят крестьян в ислам, да и само подталкивало знатных служилых татар переходить в православие.

Где-то новая религиозная политика вызвала возмущение, а где-то привела к серьезным положительным результатам. Хороших священников-миссионеров не хватало, особенно тех, кто мог бы просвещать людей, не знающих русского языка. Знать не желала расставаться с женами, покоряясь христианскому обычаю иметь только одну супругу. Башкиры взялись бунтовать. Но все же итог царского миссионерства, скорее, положительный. Крестились почти все касимовские татары, давно жившие бок о бок с русскими. Православие приняла значительная часть нехристианских народов бывшего Казанского ханства: чувашей, мордвы. Этот успех потомки прочно связали с именем Федора Алексеевича. На его надгробном портрете сказано: «Ис тьмы махометанства и идолопоклонства множество не нужою, но христианским благочестивым промыслом во свет православныя веры приведе»[211].

Имея полное преобладание в опыте, умение ладить с аристократической верхушкой России, четко зная, куда вести церковный корабль, Иоаким долгое время чуть ли не диктовал царю полную свою волю.

Ничего худого в том нет.

Такое случалось неоднократно: умудренный первоиерарх Церкви оказывался наставником юного монарха. Русская история богата примерами подобного рода. Святой Алексий, митрополит Московский, фактически возглавлял правительство при малолетстве Дмитрия Донского. Святой Макарий поддерживал и окормлял молодого Ивана Грозного. Проживи он подольше, как знать, начался бы тяжкий «исторический эксперимент» опричнины? Митрополит Филарет вообще приходился отцом государю Михаилу Федоровичу, а потому на

протяжении полутора десятилетий играл роль ведущего политика России. Филарета титуловали не «великий господин Святейший патриарх», а «великий государь Святейший патриарх», и воля его, конечно, преобладала в государственных делах над волей молодого неопытного сына. Это принесло стране благо: Филарет обладал изощренным умом большого государственного деятеля. Никон, не будучи ни отцом, ни иным старшим родственником Алексея Михайловича, добился от монарха такого же титула для себя, каким обладал Филарет: «великий государь». На протяжении нескольких лет он властно вмешивался в большую политику и проводил свой курс через «духовное чадо» — царя. Никон превосходил Алексея Михайловича возрастом на четверть века, а житейским опытом — бесконечно. Однако в конечном итоге нарвался на острейший конфликт. Подросло «духовное чадо» и пожелало большей самостоятельности в решениях…

Положение, когда глава Церкви по интеллектуальной силе, воле и, главное, опыту нависает над главой светской власти, явно превосходит его, может вести и ко злу, и ко благу. Российский опыт дает больше положительных примеров, но и у нас случалось по-разному.

Иоаким неизбежно двигался к той же ситуации, что и Никон. Государь Федор Алексеевич рос, росли его опыт и его реальный вес в управлении державой. Батюшка его влезал в церковные дела самым активным образом, и Федор Алексеевич счел, что для него уместно подобное же вмешательство. Патриарх видел, как быстро юный монарх обретает независимость, сколь явно увеличивается его тяга к самовластию. Однако Иоаким не покушался, как Никон, возвестить старшинство Священства над Царством. Он не пытался навсегда закрепить за собой право на диктат в отношении государя. Он, как мог, до последней крайности проявлял очень гибкое отношение к царю. Где требовалось, уступал, помогал Федору Алексеевичу в его затеях, соработничал.

Иоакиму не нравилось влияние «латынника» Симеона Полоцкого, оказываемое на царя. Патриарх отрицательно относился к проповедям государева учителя и даже вовсе желал запретить ему проповедование. Сочинения Симеона «Венец веры» и «Обед душевный»[212] подверглись едкому осмеянию со стороны патриарха, дескать, венец-то «из западного терния» сплетен… Патриарх даже обвинял Симеона в «хлебопоклоннической ереси». И все же открытого конфликта не произошло, даже когда «Обед душевный» вышел из печати. Глава Русской церкви лишь не дал книге своего благословения. Его нет в выходных данных, хотя на подавляющем большинстве московских печатных изданий проставлялось: «По благословению святейшаго патриарха». Иоаким знал меру, он тормозил «латынничество», избегая ссоры с венценосным покровителем «латынников».

Царь принялся понемногу ограничивать землевладение Церкви и отбирать вотчины, приобретенные ею против закона. Патриарх и тут согласился. Особенно строгие ограничения накладывались тогда на архиереев, так или иначе присоединявших к церковным владениям земли в Сибири и на окраине Дикого поля. В Сибирь отправился жесточайший указ, налагающий запрет на продажу Церкви земельных владений, а также на их пожертвование или передачу из казны на оброк[213]. Обстоятельства дела ясны: страна ведет тяжелую войну с турками, противостоит татарам, в любой момент может вновь сцепиться насмерть с Речью Посполитой, а потому земля очень и очень нужна как источник государственного дохода, как средство обеспечения военно-служилого класса. Иоаким не стал всерьез сопротивляться. Тут ведь не Порядок рушился: речь шла всего лишь о возобновлении тех запретов, которые давно стали частью русского законодательства.

Но как только ситуация потребовала выступить против, Иоаким проявил твердость без всяких сомнений и колебаний.

Отношения Федора Алексеевича с патриархом испортились, когда царь предложил масштабную «епархиальную реформу». Иоаким не просто воспротивился ей — он встал насмерть и разнес царский проект до основания.

Суть «епархиальной реформы» может быть изложена в двух пунктах[214].

1. Территория Московского государства делится на 17 областей, подчиненных архиерейским кафедрам. Их занимают: сам патриарх Московский, девять митрополитов, шесть архиепископов и один епископ. По сравнению со всем остальным православным миром русские епархиальные области выглядели колоссами. Сотни, а то и тысячи храмов оказывались в подчинении у одного архиерея. Если на карте одного русского епархиального владения выложить мозаику из греческих епархиальных владений среднего размера, то их поместилось бы несколько дюжин! Небогатый греческий епископат сидел по древним, но давно оскудевшим городкам и кланялся туркам-завоевателям. Тамошний владыка иной раз имел в подчинении всего несколько храмов. Правда, он все знал и на все влиял на подвластной территории… Федор Алексеевич предположил, что и в России следует умножить число архиереев. Пусть епархиальные области сильно уменьшатся, зато духовная власть всюду сможет дотянуться и везде успеет исправить негодное. По его проекту количество кафедр увеличивалось едва ли не в пять раз. Для каждой из них царские чиновники скрупулезно высчитали земельное и денежное обеспечение.

2. Всех епископов и архиепископов предполагалось подчинить двенадцати митрополитам и патриарху. Таким образом, русский епископат делился между главами тринадцати церковных округов. Некоторые из этих округов объединяли всего две епархии, другие — десять, третьи — двадцать… Патриарх, помимо собственной области, получал в подчинение 12 митрополитов. Таким образом, между ним и епископами возникала новая, промежуточная ступень духовной власти. Исстари русский митрополит не командовал русскими епископами. Он всего лишь занимал кафедру, превосходящую все епископские и архиепископские по старшинству. Или, как говорили в старину, «по чести». В ряду архиереев митрополит оказывался «честнее» архиепископа и епископа, но никаких распоряжений отдавать им не мог. Все архиереи в равной степени покорялись патриарху. Царь Федор Алексеевич желал изменить этот древний принцип. По его мнению, промежуточная, митрополичья, ступень духовной власти сделала бы Церковь более управляемой.

Насколько подобные преобразования принесли бы практическую пользу, сказать трудно.

С одной стороны, ослабели бы епископы, так как уменьшилось бы их своеволие. Да и удобнее управлять малой епархией — тут резон царского предложения очевиден. Конечно, реформа задевала интересы уже поставленных в сан епископов и архиепископов: их канонические области разделились бы на несколько частей, доход от них упал бы, а влияние владык на общецерковные дела резко уменьшилось бы. Но для Церкви в том беды нет. С другой стороны, Русская церковь выработала оригинальную схему, делавшую увеличение епископата ненужным. Местное духовенство подчинялось «поповским старостам» и протопопам — священникам-бельцам, возглавлявшим «сороки» и «соборы»[215]. Те получали широкие административные функции, в исполнении коих отчитывались перед своими епархиальными архиереями. Поповский староста на Москве, не имея епископского сана, реальным значением своим превосходил греческого архиерея. Что лучше: передать властные полномочия на местах «слабым» епископам и урезать их у священников-бельцов или же оставить их бельцам, помогающим «сильному» епископу? Кто надежнее как «среднее звено» в структуре Церкви: сильный поповский староста или епископ с урезанной областью управления? Вопрос не имеет однозначного ответа. Белец ближе к приходу — прежде всего как семейный человек. Но… здесь же кроется и его слабость. Радея о жене, детях и прочей родне, белец легче

соблазняется извлечь из церковного имущества прибыль для своего рода. Епископ, представитель монашествующего духовенства, хуже понимает простых прихожан, но для него и соблазн «подкормить» родню не имеет разительной силы. Наверное, все-таки епископ удобнее, — если он имеет солидный «книжный», богословский багаж. Тогда он может играть роль духовного вождя в противостоянии еретикам и староверам. Белый священник и багаж такой являет реже, и обременен делами семьи, а оттого ему труднее ввязываться в бескомпромиссную духовную борьбу.

Судьба Церкви в будущем показала: епархии все равно придется «резать»… Ныне здравствующий патриарх Московский и всея Руси Кирилл проводит политику дробления епархий, и от этого видна только польза.

Нужна ли особая ступень в структуре Церкви — митрополичья? Нужна ли, иными словами, передача власти над епископами и архиепископами митрополитам? Трудно сказать. Но, скорее, пользы особой не видно. Появление у митрополитов подобных полномочий означает ослабление власти патриарха, ослабление связи патриарха с епископатом. Православная церковь не имеет единого центра, она состоит из многих самостоятельных «поместных» церквей — в отличие от католической, подчиненной папе. «Латинствующим» из окружения Федора Алексеевича, вероятно, нравилась идея «православного папы». Такой патриарх-«папа», мнилось, объединит под своей властью весь православный мир, подчинит себе прочих патриархов… И для управления колоссальными пространствами ему потребуется эта самая митрополичья ступень власти. Но в сосредоточении такой власти у одного человека содержится великий соблазн. И еще один великий соблазн возникает у светской власти: контролировать столь сильную персону, играя на конкуренции могущественных митрополитов. А у самих митрополитов «новой формации» появляется третий, не менее серьезный соблазн — отколоться, получить автокефалию, обратить свою митрополичью кафедру в патриаршую…

Итог: в одной части планы государя Федора Алексеевича имели свой резон и могли бы принести пользу. В другой части они являлись рискованным нововведением и чреваты были новыми внутрицерковными конфликтами, а то и новым расколом.

Планы «рационализации» церковного устройства носились еще во времена Алексея Михайловича. Государев ученый фаворит Симеон Полоцкий всегда готов был поделиться с государем мыслями на сей счет. Надо полагать, Федор Алексеевич получил от учителя изрядную порцию соображений, касающихся этого предмета. Да и сам государь, с 1680 года вошедший во вкус реформ, желал только добра, предлагая эскиз масштабного переустройства Церкви. Когда он побывал в Новоиерусалимском монастыре и увлекся идеей о перемещении центра вселенского православия в Москву, ему было всего-то 17 лет. А эта идея, как и многое, произведенное на свет клокочущей натурой Никона, — жгучая, провоцирующая на действия. Как видно, она наполнила государя энергией, жаждой преобразовательной деятельности. «Если мы средоточие православия, — вероятно, задавался он вопросом, — почему у нас все так странно и неудобно? Почему у греков иначе? Столь великая страна, на просторах которой несколько раз уложится весь Православный Восток, — и всего полтора десятка архиереев!» Телесная слабость подталкивала Федора Алексеевича к тому, чтобы доказывать миру: он — настоящий царь, он имеет силу исправлять старое и негодное, он достоин занять место вселенского православного властителя! Он горел новыми идеями. Ему хотелось поднять свою Церковь на подобающую высоту. Он желал усовершенствовать ее!

Царь взялся за дело с горячностью. И помощники нашлись: вместе с Федором Алексеевичем план реформы разрабатывали думный дьяк Илларион Иванов и боярин — князь В.Ф. Одоевский.

Однако патриарх увидел, к каким последствиям могут привести такого рода преобразования, и решил не давать им ход.

Федор Алексеевич предложил Иоакиму для вынесения на церковный собор проект большой реформы, а вместе с ней еще несколько статей, касающихся церковного благонравия. Патриарх на протяжении многих месяцев 1681 года рассматривал предложения царя. В результате он наполовину урезал количество новых епархий. И оказалось, что митрополитам «новой формации» уже особенно и некем управлять. Маловато достается им епископов… В подобном, сокращенном, виде проект реформы попал на обсуждение русских архиереев. С ними у Иоакима, думается, имелось твердое соглашение: потопить цареву затею.

«Перетягивание каната» между царем и архиереями шло на протяжении нескольких месяцев — поздней осенью 1681-го и зимой 1681/82 года. Русское священноначалие сочло особую «митрополичью» ступень церковного устройства источником «церковного разногласия и… распри и высости[216], и в том несогласия и нестроения, святой Церкви преобидения и от народа молвы и укоризны»[217]. В конечном итоге она была полностью отвергнута. Что же касается числа новых епархий, то их решили устроить всего 11.

Устюг Великий, Енисейск, Холмогоры, Севск — новые архиепископские кафедры.

Арзамас, Уфа, Тамбов, Воронеж, Галич, Курск, Волхов — новые епископские кафедры.

Вятская епископская кафедра повышается до архиепископской.

Всё.

И это уже совершенно другая картина нововведений. Коренные земли Руси ими почти не затронуты, за исключением незначительного Галича. Новые епархиальные области появились там, где устроить их диктовала простая логика расширения Московского государства. Это значит: в Сибири, районах Русского Севера и на степном юге, который лишь недавно принялись осваивать наши земледельцы. Россия присоединяла новые обширные области, до того пребывавшие вне христианского мира. Создание там епископских кафедр являлось делом времени. Всё равно придется их учреждать — не сегодня, так завтра. Но сердцевина церковного устройства оставалась такой, какой была исстари. А изменения на окраинах — полезные или, вернее сказать, естественные, давно назревшие. Предложения Федора Алексеевича подтолкнули Церковь совершить их, и очень хорошо.

Более того, все 11 новых епархий когда-то уже предлагалось учредить, и даже были особые постановления церковных соборов на сей счет, но по разным причинам руки не дошли…

Практический итог вышел и того скромнее. Возникли всего четыре новые епархиальные области: Холмогорская и Важская, Великоустюжская, Воронежская, Тамбовская. Возможно, с течением времени появились бы и прочие семь, но скорая кончина Федора Алексеевича поставила точку в череде новых архиерейских кафедр. Да и те, которые все-таки появились, стали плодом крайних его настояний. Умирающий царь, жестоко страдая от болезней, мечтал увидеть, что хотя бы часть его колоссального плана претворяется в жизнь. А потому — торопил Иоакима.

6 февраля 1682 года появился документ, где патриарху в довольно резких выражениях выговаривалось за промедление с новыми епархиями. Особенно беспокоился царь о Сибири и степном юге: «…такожде и о Сибирской стране, чтоб для ея пространства и множественного народа, Христа не знающего, бытии в прибавку архиереям для исправления и спасения людей,

пребывающих в тех градех, того в совершение не приведено… и чтоб ныне те доброначатые с Богом дела исправити, понеже в Сибирской стране от столичного града той епархии до Даурских и Нерчинских и Албазинских острогов и до иных… многих мест во едино лето, в полтора и в два едва приходят. А в тех дальних местах христианская вера не разширяется, развратники ж святой Церкви[218] там умножаются. Да не токмо в такой дальней и пространной стране, но и в иных многих градех, а именно: в Путивле и в Севске, в Галиче, на Костроме и в иных многих местах противники умножились, зане не имеют себе возбранения за расстоянием дальним. Понеже в епархиях град от града и место от места имеют расстояния немалые, пристойно в ту Сибирскую епархию, для ея разширения и вышеписанного непотребства и в иные града прибавить архиереев»[219].

Создание новой епархии — дело долгое и сложное. Особенно на окраинах царства. Проживи царь Федор Алексеевич еще несколько месяцев, и Русская церковь, наверное, получила бы еще с полдюжины епархий. Но он скончался. Учреждение новых епархиальных областей пришлось надолго отложить из-за недостатка средств и большой смуты на Москве — грянуло стрелецкое восстание, всё древо государства сотряслось от корней до кроны…

* * *

Стоит задуматься над одним важным вопросом: почему Иоаким провалил реформу, спланированную царем? Да, конечно, есть причины, заставляющие оценить ее как рискованную — хотя бы отчасти. Эти причины приведены выше. Но даже сумма всех *частных* опасений Церкви не объясняет столь решительного «нет», сказанного Федору Алексеевичу. Русская церковь редко отказывала государям. Всякий раз для того имелись очень веские причины. А тут… собрав все теоретические и практические минусы реформы, невозможно отделаться от ощущения, что есть еще одна, какая-то магистральная причина для ее «затопления». Отчего было не увеличить число епархий хотя бы за счет Сибири и русского юга? Но даже из тех одиннадцати новых епархиальных областей, на которые Церковь согласилась, реально появились только четыре…

Так почему?

Думается, наше священноначалие ужаснулось от мысли, что *государи теперь полезут кроить и перекраивать Церковь*. Да, раньше они, бывало, принуждали к извержению митрополитов и патриархов из сана. При Иване Грозном, случалось, архиереев убивали. Но с предложениями наново переделать всю церковную структуру доселе не выступал никто из наших монархов.

Иначе говоря, Русская церковь в лице патриарха Иоакима и архиереев воспротивилась созданию опасного *прецедента*. Светская власть должна знать свои пределы. У нее хватает своих забот. Не стоит ей лезть в дела церковные. Церковь сама управит их.

Иоаким продемонстрировал: светская власть может оставить себе свои прожекты. Коллективный разум Церкви в них не нуждается. И на будущее предостерегает от напрасной траты времени.

Светская власть потом, конечно, влезет туда, куда ей не стоило встревать, и натворит дел. Младший брат Федора Алексеевича еще уничтожит патриаршество, введет синодальное управление, а Екатерина II отберет у Церкви земли. И эти образцы «государственной мудрости» крепко аукнутся их преемникам: ослабевшая Церковь будет скверной опорой трону…

Но пока твердокаменный Иоаким отстоял независимость внутренних дел Церкви от внешнего

вмешательства. Надо признать за ним историческую правоту.

Федор Алексеевич получил урок. Дабы смягчить его, Иоаким согласился на многие советы царя в части церковного благонравия. По правде говоря, многое требовалось изменить в расшатанном здании Церкви. И патриарх не перечил государю, когда речь шла о нравственности священников, о благочестии монахов. Он лишь заблокировал вопросы, связанные с церковным управлением.

Соборным решением архиереев строго запрещалось настоятелям в монастырях с общежительным уставом держать у себя в кельях особую пищу, предназначенную для личной трапезы: вся братия, не исключая иноческих властей, обязана выходить на «общую братенную трапезу». Уничтожались отдельные входы в монастыри из палат мирян. Переход инока из обители в обитель теперь дозволялся только по архиерейскому разрешению. Бродячее монашество, иной раз полнившееся бражниками, ворами, людьми самого сомнительного свойства, также оказалось под запретом. Черным священникам запрещалось постригать кого-либо во иноки вне обителей — даже на смертном одре. В монастырях предписывалось не держать «вина и всякого хмельного пития», а для тех из духовенства, кто любит посещать корчмы, вводились суровые наказания. Приходским священникам более не дозволялось строить на кладбищах лавки, амбары, избы. Упорядочивалась система богаделен.

Это и многое другое сделано было в ответ на запросные «статьи» Федора Алексеевича. Таким образом, хотя большой реформы и не получилось, но польза от царского деятельного благочестия все-таки произошла.

И… отношения между государем и патриархом оказались испорченными. В перспективе их трения могли бы привести к открытому взрыву с непредсказуемыми последствиями.

* * *

Симеон Полоцкий когда-то вручил Федору Алексеевичу еще один план, гораздо более дерзкий и потому даже не вынесенный на соборное обсуждение. Он предлагал умножить количество русских патриархов с одного до пяти. Главному — Московскому — подчинились бы новые: Новгородский, Казанский, Ростовский и Крутицкий. Нравился Симеону Полоцкому опыт католической церкви, и патриарх Московский явно уподобился бы папе римскому, только на русской почве. Подобное нововведение могло привести к очередному церковному расколу — чуть ли не более страшному, нежели тот, что начался при Никоне.

Вот какая деталь привлекает внимание: на роль русского «папы» предполагалось вызвать из ссылки Никона. А Иоакима отправили бы патриаршествовать в Новгород…

Зачем любимому наставнику государя неудобный патриарх Иоаким?

Слава богу, абсолютно чужая для России идея царского учителя никогда не реализовалась на практике. У молодого царя хватило ума не навязывать ее Церкви.

Таким образом, в начале 1680-х у Федора Алексеевича имелись самые веские основания выпустить Никона из заточения. А то и возвысить его. В дальнейшем это могло привести к возвращению сурового старика на Московскую патриаршую кафедру. Как осудили Никона с помощью собора, возглавленного греческими иерархами, так и вернули бы ему новый сан, проведя через подобный же собор с иерархами того же ранга. Иоаким оказался жестче, нежели хотелось бы Федору Алексеевичу. Трения начались задолго до осеннего церковного Собора 1681 года. Иоаким не торопился выносить на обсуждение реформистские предложения царя и, очевидно, заранее показал монарху: исполнение его мечтаний, мягко говоря,

сомнительно.

Вот тогда-то были предприняты важные шаги в отношении Никона. Федор Алексеевич и раньше просил Иоакима о возвращении Никона. Царь даже посылал по этому делу к греческим патриархам. Иоаким противился. Но летом 1681 года он уступил. В далекий Кирилло-Белозерский монастырь полетела царская грамота. Никону разрешалось вернуться с суровой северной окраины и поселиться в любимом Новоиерусалимском монастыре. Теперь он мог бы закончить давным-давно начатое им масштабное строительство.

Почему на сей раз Иоаким отступил, хотя никаких соборных действий, освобождающих Никона от прежних обвинений, не совершалось? Возможно, царь проявил особую настойчивость. Возможно, Иоаким расценивал подобную уступку как ход, смягчающий трения с царем из-за епархиальной реформы. А возможно… ему доложили о скверном здоровье Никона. Тот ведь и сам о себе писал новоиерусалимским инокам: «Моего житья конец приходит». Весной 1681 года прежнему потрясателю Русской церкви исполнилось 76 лет. И жил он не в самых комфортных условиях. Так что на роль «православного папы» он уже не очень годился: жизнь едва теплилась в его дряхлом теле.

17 августа 1681 года Никон мирно скончался от болезни и ветхости лет на пути из ссылки, близ Ярославля. Душа его — горячая, многомудрая и горделивая — отправилась на последний суд к Царю Небесному. Царь земной уже ничем не мог ему помочь.

Федор Алексеевич пожелал хотя бы похоронить его с великими почестями. Он просил Иоакима о патриаршем чине отпевания для Никона. Тот ответил как истинный хранитель Порядка: «Собор когда-то повелел считать Никона простым монахом, и если царь хочет похоронить его как простого монаха, то я на похороны приду. Но если станут его называть патриархом, то я не явлюсь». Ответ — тактичный, но твердый. Есть церковные устои. Негоже отменять их из-за одного только доброго отношения царя к *бывшему* патриарху. Патриарх *нынешний* не может нарушить заведенное Собором, даже покоряясь воле государя.

В то же время, не желая скандала, Иоаким позволил митрополиту Новгородскому Корнилию отслужить чин погребения. Федор Алексеевич обеспечил большую пышность совершаемому обряду: обрядил священников в одеяния из драгоценного китайского шелка, даровал свечи саженной длины… и даже сам встал петь в церковном хоре. При погребении Никона в Новом Иерусалиме присутствовали вдовствующая царица Наталья Кирилловна с сыном Петром, а также государева тетка царевна Татьяна Михайловна. Не каждый патриарх, упокоившийся без всякой опалы, удостаивался подобных почестей!

Великая идея Никона о перемещении центра вселенского православия в Москву вызывала у Федора Алексеевича благодарность и великое почтение к ее автору.

Минул год. 9 сентября 1682-го до Москвы добрались «разрешительные» грамоты греческих иерархов на Никона. Их действительная, законная сила повлияла на поведение Иоакима совершенно иначе, нежели прихоть молодого царя. Он с почтением сохранил грамоты в ризнице и в дальнейшем поминал Никона как патриарха, а не как простого инока. К тому времени Федор Алексеевич уже покоился в гробу. Иоакиму никто подобного приказа отдать не мог. Им руководил долг истинного пастыря: делать так, как велят законы Церкви.

Церковь должна решить такие вещи сама. Твердость Иоакима позволила ей сохранить достоинство и не выйти за пределы собственных обычаев.

А довершать величественное строительство в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре

Иоаким позволил и, надо полагать, был рад его окончанию не меньше, чем был бы рад сам Никон.

* * *

Федор Алексеевич, как христианин, соединял в себе черты, которые впоследствии до крайности редко сочетались в какой-либо исторической личности. Абсолютная верность Православной церкви и энергичный реформизм, русскость и покровительство латинскому направлению общественной мысли. Он горел душой — обновить Церковь. Он как родную принял идею перемещения центра вселенского православия в сердце России. Он стремился совершить многое, бешено торопился, ошибался, кое в чем действовал, как знаменитые герои Лескова: «Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места...» Но, во-первых, пыл его имел благую основу. И, во-вторых, там, где он оказывался чрезмерным, его притормаживала Церковь во главе с патриархом.

В итоге мир и «симфонию», то есть соработничество с Церковью государь Федор Алексеевич все же сохранил до последнего момента. Притом сам сделал немало полезного и подтолкнул патриарха к иным полезным шагам.

Государь не обладал кротостью. Однако и жесткость его, проявленная, например, в отношении старообрядцев, не приняла массовых форм. Тут он не чета младшему брату… Сам «бунташный век» — многомятежный, безжалостный, кровавый — воспитывал в наших государях непреклонную суровость. Федор Алексеевич не выпал из общего ряда, но и не превзошел по части насильственных мер ни отца с дедом, ни ближайших преемников.

Хороший православный человек — умный, нравственный, не слишком злой, ретивый по молодости и весьма рациональный в своих побуждениях. А главное, крепко верующий.

Типографская школа

В XVI веке на месте невеликого по территории и сравнительно немноголюдного Московского княжества появилась огромная Россия, объединившая русские земли под властью одного центра.

И сей центр принялся размышлять о себе, встраивать себя в картину мира.

Москва примеряла венцы Второго Иерусалима и Третьего Рима. Для этого ей хватало материальной силы и, тем более, веры. Но не хватало одного элемента — очень существенного и приобретаемого большим трудом. Элемента, без которого русская столица не могла добиться уважения в глазах греческой иерархии, доминировавшей на Православном Востоке.

Москве не хватало просвещения.

В XIV—XV веках здесь жили ученые и весьма ученые люди, накапливались солидные книжные собрания, но… все это существовало в разрозненном виде, вне какой-либо системы. Москва погружена была в решение бесконечно сложных политических задач, которые оставляли очень мало сил и средств на что-либо другое. Москву жгли татары. Москва переходила из рук в руки, пока шла великая междоусобная свара между потомками Дмитрия Донского — решалось семейное дело… с применением больших ратей и заграничных союзников. Москва собирала земли и власть.

Не до того было.

Лишь к концу XV века здесь выросла (точнее, накопилась) культурная почва и установилась политическая стабильность. Новые обстоятельства позволяли всерьез позаботиться о просвещении. Более того, новое положение Москвы *требовало* подобных шагов. Порфирогенита рисковала войти в сообщество христианских духовных центров, не переменив варварских одежд. Остаться в роли безмозглой силачки, над которой хихикают, как только она повернется спиной. Из этого положения был лишь один выход: найти хороших учителей, дать стране просвещение как систему, способную постоянно воспроизводить самое себя.

Недостаток его виден был на разных уровнях. Порой в иереи шел полуграмотный человек, «едва бредущий» по Псалтыри. Житейская ситуация. А порой русское духовенство сталкивалось с задачами, относящимися к богословию высшего уровня сложности, и страдало от недостатка знаний, позволяющих вести полноценное противоборство с духовным неприятелем. И это уже трагедия…

С особенным жаром дискуссии полыхнули в Европе под влиянием набирающего силу протестантизма — в середине XVI века. Одно дело — проклинать «прескверных лютор», воевать с ними, отрицать их, определять их чужесть интуитивно, и совсем другое — вести с ними серьезную полемику. Ко временам правления Василия III и Ивана IVсама эпоха, громко стуча в ворота, потребовала развернуть государственную мощь и церковную мудрость лицом к проблеме умственной скудости. Как русскому правительству, так и русскому духовенству насущно требовалась школа: и самое простое училище, и настоящая академия, сравнимая с европейскими университетами.

Светская и духовная власти ощутили новые потребности.

Государству были необходимы переводчики-полиглоты для дипломатической службы и перевода западной литературы практического характера. Не менее того правительство нуждалось в людях широко образованных, способных осваивать знания, относящиеся к прикладным специальностям: военному искусству, чеканке монеты, фортификации, горному делу, всякого рода промышленному производству и т. д.

Церковь же испытывала нужду в просвещенных деятелях, которые совладали бы с титаническим объемом работы по исправлению богослужебных книг, смогли бы переводить учительную литературу, вести диспуты с униатами, расколоучителями и еретиками, а также поддерживали бы своей ученостью авторитет Московской иерархии на Православном Востоке.

Полтора столетия прошло под знаком великой жажды — жажды устроить собственную академию.

Русская культура XVI—XVII столетий, в отличие от периодов более ранних, несет весьма отчетливые следы этатизации, иначе говоря, огосударствления. Государство и Церковь, также являющаяся одним из составных элементов старомосковской государственности, настойчиво стремились к введению в живописи, архитектуре, литературе определенных канонов. Эти каноны должны были соответствовать четким догматическим и каноническим требованиям. А от живописцев и духовных писателей требовалось поддерживать образ величественной симфонии двух сил: богоизбранного русского православного Священства и могучего русского православного Царства.

Подобное положение вещей являлось следствием тяжкой доли Московского государства, окруженного сильными неприятелями и гораздо более привычного к войнам, нежели к миру;

следствием хозяйственной бедности страны и ее малонаселенности. Единство власти, единство военной силы, политическое единство, наконец, были насущно необходимы, и это делало почти неизбежным единство идеологии. Роль частных лиц и даже целых общественных групп как игроков на этом поле очень долго оставалась незначительной.

Русское просвещение, исключая лишь образование элементарного характера, создавалось государством и Церковью, возводилось ими из ничего до уровня, обеспечивавшего в будущем самостоятельное развитие. Большая трагедия состоит в том, что будущее этим ресурсом не воспользовалось…

* * *

Итак, еще в середине XVI столетия наши «книжники» — средневековые интеллектуалы — всерьез заговорили о необходимости завести училища. И действительно, в Москве рано появились «профессиональные» школы, готовившие специалистов для приказных (управленческих) учреждений. Они представляли собой нечто наподобие современных техникумов. Талантливые русские дети обучались вместе с детьми московских иностранцев в школе Немецкой слободы. Однако сколько-нибудь серьезное образование там дать не могли. Русская литература была довольно бедна переводами тех сочинений, знакомство с которыми, по понятиям того времени, делало человека образованным.

Лишь освоение одного из универсальных языков науки и высокой культуры могло обеспечить необходимый объем знаний. К ним в XVI—XVIII столетиях относились греческий и латынь. Пока правительство и Церковь, радевшие об учреждении полноценных школ, не нашли учителей, знавших эти языки, дело просвещения стояло на месте.

В XVII веке русская культура в целом и русское просвещение в частности прошли через полосу борьбы между «грекофилами» и «латинствующими», иначе говоря, — сторонниками ориентации на греческий язык и греческую православную культуру или же на латынь и культуру западноевропейскую. Вопрос о создании крупных училищ оказался напрямую связан с этой дилеммой.

Выбор языка обучения стал исключительно важен. Греческий стоял ближе Византийской цивилизации и православию, а латынь приближала Россию к Европе. Во всяком случае, к ее католической части…

Образование в Московском государстве играло роль ступени в духовном просвещении личности, оно никогда не являлось простым актом получения знаний. Церковь мощно влияла на все, что происходило в этой сфере. Соответственно, устройство *греческих* училищ было для нее приоритетным.

В Москве с почетом принимали греков — выходцев со Святого Афона, из Святой земли и т. п. Их всячески старались склонить к преподавательской работе. Однако сами приезжие греки нередко страдали недостатком образованности. В их среде, существующей под пятой иноверных правителей, внутри иноверного общества, духовное просвещение находилось в плачевном состоянии. Некоторые из греческих «книжников» получили образование в училищах латинизированного типа. Это создавало серьезную проблему. В Москве, как писал протоиерей Георгий Флоровский, видели «беспокойную связь "греческого" и "латинского"» и не без оснований опасались ее.

Кадровый резерв латинствующих оказался многочисленнее и сильнее по качеству: его пополняли выходцы из западнорусского ученого монашества, получавшего образование в

школах латинского типа, коими обзавелись Киев, Полоцк, Вильно… На них смотрели с еще б***о***льшим подозрением, однако по необходимости должны были пользоваться их услугами.

Обе стороны выставляли своих «бойцов», и те десятилетиями вели между собой сражение.

* * *

Крупнейшим сторонником западной традиции просвещения в России XVII столетия был белорус Симеон Полоцкий. Родился он, скорее всего, в Полоцке, который являлся в годы его детства и юности восточным порубежьем Речи Посполитой. До пострижения в монахи Симеон носил имя Самуил Петровский-Ситниянович. Образование он получил в Киево-Могилянской «коллегии» (высшем учебном заведении), а дополнил его, возможно, в академии города Вильно (ныне Вильнюс), но, скорее всего, в Полоцкой иезуитской коллегии. Современники писали о Симеоне Полоцком, что греческий язык и «греческие писания» были ему слабо знакомы. Он получил знания в просветительской системе, основанной на латыни и католицизме, хотя сам, по всей видимости, сохранил верность православию. В 1656 году Симеон Полоцкий принял иноческий сан и стал учительствовать в школе православного братства при полоцком Богоявленском монастыре.

Поэтический дар Симеона Полоцкого поразил царя Алексея Михайловича, проезжавшего через город во время очередной русско-польской войны. В 1664 году Симеон навсегда переехал ко двору своего нового покровителя, в Москву. Здесь он вызвал многочисленные нарекания за пристрастие к «латынству», однако царское расположение избавило его от неприятностей. Как церковный публицист, Симеон Полоцкий оказал царю Алексею Михайловичу поддержку в борьбе со староверами и, не менее того, помог в конфликте с патриархом Никоном. Его перу принадлежит, в частности, полемический сборник «Жезл правления», заостренный против сторонников «старой веры».

Алексей Михайлович доверял Симеону Полоцкому и относился к нему весьма благожелательно. «Книжнику» позволили вести занятия в небольшой «латинской» школе. Кроме того, он был назначен воспитателем и духовным наставником царских детей. Таким образом, Симеон Полоцкий оказал колоссальное влияние на нескольких русских государей. Многие деяния царевны Софьи, да и Петра I,[220] а в особенности их тяга к Европе объясняются педагогическими усилиями Симеона Полоцкого.

Федор Алексеевич, верный его ученик, взойдя на трон в 1676 году, заговорил о соблюдении «общего блага» как главной задаче правления. Эта идея на 100 процентов принадлежит европейской общественной мысли и, вероятнее всего, заимствована царем у воспитателя. Очень скоро царь велел оборудовать небольшую типографию и отдал ее под контроль Симеону Полоцкому — в просветительских целях (1678). Эта печатня именуется в специальной исторической литературе «Верхней», и формально ее возглавлял сам государь. Монаршее имя служило Симеону Полоцкому прекрасной защитой от любых нападок на его издательскую деятельность. Сам патриарх не мог контролировать содержание печатной продукции, выпускаемой по слову государева наставника. Верхняя типография опубликовала сборник проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» и его же рифмованное переложение Псалтыри. Помимо них при Федоре Алексеевиче издавались и другие тексты по выбору, а порой и с предисловиями Симеона Полоцкого.

Его обильное поэтическое творчество, публицистические и нравоучительные труды направлены были к врачеванию «младоумного» русского общества — по его мнению, слепого и непривычного к наукам. Сторонники византийско-русской традиции просвещения видели в его трудах высокомерное пренебрежение греко-православной образованностью.

По словам современного историка А.М. Панченко, придворный поэт и просветитель Симеон Полоцкий «окончил жизнь богатым человеком».

* * *

Самой видной фигурой грекофильского лагеря стал Евфимий, келарь кремлевского Чудова монастыря. Этот человек имел даже более многогранный талант, нежели Симеон Полоцкий. Всю жизнь он провел в трудах. Ученик знаменитого книжника Епифания Славинецкого, Евфимий на протяжении многих лет работал на Печатном дворе. Он не только писал сам, но и готовил церковную литературу к печати, исправлял славянский перевод некоторых частей Священного Писания.

Известен он прежде всего как полемист — едкий, остроумный и остроязыкий, легко пускавшийся в дискуссии со старообрядцами, но больше того — с «латинствующими». Из его публицистических сочинений более всего известны «Остен» и «Воумление священникам». Евфимий Чудовский, не лишенный поэтического дара, высмеивал в эпиграммах тексты Симеона Полоцкого. А с его учеником Сильвестром Медведевым Евфимий бился всерьез, отстаивая правоту восточного христианства по вопросу о пресуществлении Святых Даров в евхаристии. Спор завели когда-то их учителя — Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий, дискуссия длилась долго, показывая звенящую напряженность между двумя «идейными лагерями» русских «книжников». Вообще, одна из главных тем Евфимия — защита учения греческих Святых Отцов, греческой церкви от искажений и ересей любого рода. А в рассуждениях «латинствующих» он видел именно «яд ереси», гибельные уклонения.

Еще одна важная для него тема — преимущество греческого языка над латынью при освоении книжной премудрости, высокой культуры. В трактате, посвященном этому вопросу, Евфимий Чудовский прямо говорит: «Учитися нам славяном потребнее и полезншее… греческаго и славенскаго [языков]», а не латыни. Он выкладывает культурные, исторические и богословские аргументы на этот счет, но не удерживается и от иронии: «Овча подобна есть своей матери всячески по виду и нраву, яко словенская писмена греческим подобна суть: козлище же инородное аще чим малым и приуподобляется овце, обаче всячески естеством и видом отсутствует и разнствует, яко и сия латинския литеры греческим и славенским яко козлище овце много зело не подобятся, греческая же писмена и славенская яко овча с материю…» В другом трактате грекофилов, вышедшем из окружения Евфимия, связь с греческим языком и культурой мотивируется прежде всего вероисповедными причинами: «Подобает наипаче учитися гречески, понеже не токмо тем языком вредится православная вера, яко латинским, но и зело исправляется, и учити купно с славенским».

Зная особенную любовь Федора Алексеевича к Симеону Полоцкому, Евфимий горько пошутил: «Ведати подобает, како ся волк смиряет, когда овцу уловляет или коня хватает: не только главою челом бьет к земле пред овцою, но и на чреве ползает и хвостом ласкательно творит и очами блистает весело, яко свечами. Овца же рассуждает, что у волка то же на сердце, что и на хвосте. Не, бедная овечка! Плюй на его челобитье, утекай от него, бежи!.. Потоля… ласкательствует, поколя зубов не рознял… Тако некие человецы словами ласкательными глаголют и, пред собою зрящее, хвалят яко с любовным беседуют, отшедши же уничижают и оклевётают».

Этот монах прославился как духовный писатель своим живым языком, способностью «русифицировать» понятия греческой богословской мысли, да и просто делать русскими греческие слова — вплоть до изобретения новых глаголов: «литургийствовать», «хиротонствовать». Будучи опытным переводчиком и редактором, он чувствовал себя в стихии слова как рыба в воде. Некоторые историки приписывают ему составление сборника русских

поговорок, пословиц, загадок.

* * *

К тому взлету, который произошел в 1680-х годах, просвещение на отечественной почве пришло в результате острой борьбы идейных «партий», путем проб и ошибок, после долгого поиска форм образования, в наибольшей степени удовлетворяющих запросам старомосковского общества. Первые настоятельные попытки завести большую, постоянно работающую школу предпринимались еще при государе Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете (1630-е годы).

И греческие, и латинские школы создавались на средства государства и Церкви, финансировались различными царскими приказами или патриаршей казной, но очень долго не могли приобрести должных масштабов. Они объединяли единицы, в лучшем случае, десятки учеников.

Подобных училищ было несколько.

Школа иеромонаха Иосифа, долгое время жившего на Православном Востоке, в частности, на Святом Афоне (работала очень недолго, в 1632—1633 годах).

Школа Арсения Грека, открывшаяся в 1649 году и получившая смешанный греко-латинский характер (после нескольких месяцев работы преподавание в ней прервалось из-за ссылки Арсения, но в 1653 году возобновилось).

Школа, или, скорее, постоянный круг общения выдающегося книжника, ритора и дидаскала Епифания Славинецкого с московскими интеллектуалами (не ранее 1649 года).

Школа Андреевского монастыря на Воробьевых горах, получавшая деятельное вспомоществование от окольничего Ф.М. Ртищева (даты основания и закрытия неизвестны).

Школа Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре, существовавшая в 1664—1668 годах.

Школа патриарших певчих, обучавшихся у «мастера греческого» старца Мелетия при государе Алексее Михайловиче (основана не ранее 1656 года при кремлевском Успенском соборе и работала с перерывами очень долго — видимо, до начала 1680-х).

Школа в кремлевском Чудовом монастыре, действовавшая в 60-х — начале 70-х годов XVII столетия.

Школа Иеремии, пономаря церкви Двенадцати Апостолов на Патриаршем дворе (1680-е годы).

Некоторые из них являлись элементарными училищами, другие тянулись к статусу средних учебных заведений. А школа Симеона Полоцкого, кажется, по представлениям XVII века была чем-то большим, нежели среднее училище, но меньшим, нежели академия или университет. Современные историки педагогики нередко называют такие школы «повышенными» училищами.

Все перечисленные школы существовали недолго и не приобрели ни значительного масштаба, ни регулярного характера. Иногда вместо школы знание передавалось путем «ученичества»: большой книжник брал одного или несколько человек на обучение, но работал с ними как со «штучным товаром», индивидуально. Подобный подход не требовал налаживания «регулярного» школьного процесса[221]. Вводить единичное ученичество «здесь и сейчас» все

же полезнее, чем откладывать передачу ценных знаний на те времена, когда появится настоящая школа, ибо они утопали в туманном завтра.

Нетрудно понять, какова причина неспешности русского правительства по части практических действий. Она проста: первые три четверти столетия — до крайности тяжелое для России время. Семь с лишним десятилетий до отказа наполнены войнами, смутами и восстаниями, угрожавшими если не самому существованию государства, то, по меньшей мере, безопасности внутренних его областей. Казна вечно была пуста, внимание правительства редко переходило от внешних и внутренних конфликтов к мирным делам просвещения. Патриаршая казна оканчивала финансовый год, как правило, с прибылью, но активность Церкви в сфере образования надолго затормозилась той же Великой смутой, расколом и девятилетним отсутствием вполне законного патриарха (1658—1667).

Для создания действительно крупного учебного заведения, действующего на постоянной основе, не хватало, помимо стабильности и денег, еще и кадров. Не так просто оказалось заполучить знающего, твердого в вере, склонного к преподаванию книжника, который мог бы наладить учебный процесс. Один стар, другой подозревается в измене православию, третий не желает задерживаться в русской столице, а четвертый слаб знаниями.

Вот и приходилось довольствоваться малыми, недолго существующими школами…

Почти все они располагались на территории Кремля либо Китай-города — близ Никольского крестца, недалеко от Казанского собора. Тут же, у Никольского крестца, бойко шла книжная торговля. Ее особенно оживляла работа лавки Московского печатного двора, торговавшей его изданиями. Московской типографии суждено было сыграть центральную роль в судьбах отечественного образования. Не напрасно Никольскую улицу в Москве называют «улицей русского просвещения».

* * *

Первые печатные книги в Московском государстве появились при Иване IV, скорее всего, в середине 1550-х годов. Где находилась та древнейшая типография и кто был ее организатором, неизвестно. Однако некоторые книги, изданные ею, дошли до наших дней.

В 1563 году первопечатник Иван Федоров, бывший дьякон кремлевской церкви Николы Гостунского, возглавил типографию, созданную по инициативе государя Ивана IV и митрополита Макария. Она-то и стала предком Московского печатного двора.

В 1564 году Федоров выпустил первую российскую печатную книгу, имевшую точное указание места и времени издания, — «Апостол». Около 1566 года московские типографские мастера, видимо, по поручению правительства, переселились на территорию Речи Посполитой, чтобы нести просвещение многочисленным православным общинам. Существует гипотеза (не вполне доказанная), согласно которой Иван Федоров получил образование в Краковском университете, а значит, культура западнорусского (белорусского) православия была ему знакома. Его коллега по деятельности на Московском печатном дворе Петр Тимофеев носил прозвище «Мстиславец» и, скорее всего, происходил из белорусского города Мстиславля; он просто возвращался на родину Московские первопечатники начали работу в Заблудове у литовско-русского православного магната Г.А. Ходкевича и там выпустили «Учительное Евангелие». Позднее пути первопечатников разошлись, они основали несколько новых типографий: Виленскую, Львовскую, Острожскую. На землях Великого княжества Литовского два этих мастера выпустили множество новых книг, и, по мнению знатоков истории печати, повсюду их работа отличалась выдающимся качеством, высоким уровнем художественного оформления. Особенно

важной работой Ивана Федорова стало издание первой полной славянской Библии (Острожская Библия 1580 года).

В самой России типографское дело с отъездом Федорова отнюдь не пресеклось. Во второй половине 1570-х годов большая печатня работала в Александровской слободе. В преддверии утверждения патриаршества царь Федор Иванович возобновил печатню в столице. С 1589 года, когда вышла Постная Триодь московской печати, работа типографии в сердце России не прекращалась (разве только ненадолго прервалась от бедствий Смуты).

За период без малого в полтора столетия — со времен правления Ивана Грозного до Петровской эпохи — московские печатники выпустили многие сотни изданий. Среди них основную массу составляли богослужебные книги, но выходили и азбуки, пособия по военному искусству, исторические и полемические сочинения, а также Соборное уложение.

В Смуту Печатный двор выезжал из Москвы, но затем, около 1615 года, возобновил работу в столице. Его каменные палаты располагались в Китай-городе, на Никольской улице. Для управления им было организовано особое государственное учреждение — приказ Книгопечатного дела. В середине XVII столетия заезжие иностранцы сравнивали Печатный двор с крупнейшими европейскими предприятиями.

На закате правления Ивана Грозного и при его сыне Федоре Ивановиче главным мастером книгопечатного дела являлся Андроник Тимофеевич Невежа. При государе Василии Шуйском типографом работал выдающийся «книжник», инженер и «литейных дел мастер» Анисим Радишевский. Во второй половине XVII столетия на Печатном дворе трудились два знаменитых книжника и просветителя: Епифаний Славинецкий и Евфимий Чудовский. Всё это персоны, отличавшиеся высоким уровнем образованности. Печатный двор на протяжении долгого времени был единственной по-настоящему крупной типографией России, и власти заботились о том, чтобы там работали самые просвещенные люди страны. Должность редактора на Печатном дворе (или «справщика», как тогда говорили) считалась весьма почетной.

С первых лет существования Китайгородской типографии тамошние редакторы занимались книжной «справой». Для средневекового русского общества эта работа значила исключительно много. На протяжении многих веков, со времен крещения при святом Владимире, Русь каждый день использовала богослужебные книги. Ими пользовались священники во всех храмах и монастырях — от богатейших столичных обителей до беломорских деревянных церковок, срубленных за один день. Для отправления разных треб, для ведения церковного служения на каждый день, каждую неделю, каждый месяц требуется целый комплект книг: минеи, триоди, октоихи, часовники, сборники молитв, апостолы, псалтири и, конечно, большие напрестольные евангелия. Книги эти переводились в разное время, и перевод был разного качества. Многие столетия их переписывали, делая ненамеренные ошибки и невежественные «добавки»; кроме того, сама богослужебная практика Православного Востока знала разночтения и вариации, далеко не всё было строго унифицировано. До середины XV столетия на Руси об этом не особенно беспокоились: был бы поп грамотен, была бы церковь, велась бы служба, а в нюансы вникать могли немногие, да и те, кто мог, не выказывали особенного желания. Все изменилось во второй половине XV века. Пал главный оплот восточного христианства — Византия. Вместе с нею под пятой турецких султанов оказались православные славянские земли. А на месте деревянной лесной Руси, разрозненной и ведущей бесконечные междоусобные войны, появилась колоссальная политическая сила — единое Московское государство. Ему суждено было стать цитаделью православия. Однако самое главное, то, что стояло в центре всей цивилизации, — богослужение — продолжало страдать пестротой, изобиловало искажениями.

Так вот, введение книгопечатания означало унификацию богослужебной практики в России. Справщики просматривали богослужебные книги, сопоставляли их с греческими, южнославянскими и старинными русскими образцами, ликвидировали ошибки, насколько хватало их знаний, и публиковали итоговое издание по благословению митрополита (затем патриарха) и указу царя. Рукописные книги, не проверенные и не имеющие благословения со стороны высшей церковной власти, резко теряли ценность.

Наверное, постепенно, за столетие-другое справа привела бы к желанному результату, если бы этой огромной работе не мешало несколько обстоятельств.

Во-первых, некоторые правки образованных и умных редакторов оспаривались, поскольку многим казалось, что они «рушат старину». А пользование греческими и иными нерусскими образцами не всеми воспринималось как благо. Население Московского государства, как и население любой другой цивилизации, чувствовало себя обособленным от всего прочего мира и не доверяло даже православным иерархам из числа греков, болгар, сербов. Ведь все эти народы были порабощены и утратили политическую свободу! А по логике религиозного сознания тех времен, это, с одной стороны, могло означать кару Господню за грехи, а с другой — подвергало их соблазну магометанства либо латынства… И случалось так, что справщики наказывались за свою работу. Однажды их даже позорили публично, на всю Москву, хотя впоследствии признали их правоту… Спорные моменты исправлялись в книгах, а потом приходилось возвращать старую версию, поскольку новая после очередной экспертизы все-таки представлялась старомосковским книжникам неверной.

Во-вторых, в патриаршество Никона (1652—1658) было сделано сразу несколько значительных исправлений, которые и стали одной из главных причин церковного раскола. Таким образом, книжная справа, дело, казалось бы, сугубо мирное, вызвала острый общественный конфликт. Движение староверов сопротивлялось «новинам», а Церковь постепенно вводила очередные изменения. Обе стороны проявили большое упорство, а правительство еще и большую жестокость. Проводилась жесткая политика на замену старых, неисправленных книг новыми и на подавление старообрядчества. У каждой из сторон была своя правда: Церковь стремилась очистить православие от наносных искажений, приблизить его к греческим вариантам, занять подобающее ей место в оркестре древних христианских церквей; но, может быть, слишком много шагов было тогда сделано под влиянием самоуверенных греческих архиереев. Старообрядцы же искали справедливого отношения к старине, к вероисповедным традициям, однако при этом их вожди повели настоящую войну против собственного священноначалия, ударились в мятеж…

В данном случае важно прежде всего то, что Печатный двор оказался на перекрестье главных культурных потоков, захлестывавших Москву. Здесь сосредоточивалась московская ученость, здесь постепенно росло крупное книжное собрание.

Неслучайно именно тут возникло и первое значительное собственно русское православное учреждение, связанное с просвещением. В дальнейшем ему суждено было стать плацдармом для самостоятельного, незаемного направления просветительских усилий.

* * *

Первым крупным училищем повышенного типа стала школа иеромонаха Тимофея, учрежденная на Московском печатном дворе в Китай-городе.

Личность иеромонаха Тимофея изучена отечественными историками очень и очень недостаточно: в его биографии обнаруживается больше загадок и умолчаний, нежели точно

установленных фактов. Между тем судьба этого старомосковского просветителя представляет немалую ценность для истории русской культуры — хотя бы потому, что он первым среди всех русских ученых мужей назван в источниках «ректором». Ну а для жизнеописания царя Федора Алексеевича эта персона имеет ключевое значение. Государь и патриарх дали Тимофею высокое звание и способствовали успеху его деятельности.

Впервые имя Тимофея всплывает в связи с секретной миссией чудовского келаря Саввы, отправленного в 1666 году к православным греческим иерархам.

В цели миссии входило окончательно решить вопрос о Московском патриаршем престоле, оставленном Никоном за восемь лет до того. Необходимо было также добыть для Москвы опытного греческого учителя (чего сделать не удалось) и решить ряд разведывательных задач. Тимофей, сын иеромонаха Иоанникия, играл в составе русского посольства второстепенную роль. Домой он вместе с Саввой и другими чинами церковного представительства не вернулся.

Тимофей — первые годы иеродьякон, а потом иеромонах — оставался на турецкой территории в течение долгих четырнадцати лет. Он поселился у иерусалимского патриарха Досифея, став его доверенным лицом в отношениях с московским правительством. Тимофей побывал в Палестине, Синайском монастыре Святой Екатерины и на Афоне, работал некоторое время помощником при толмаче турецкого султана. В 1670-х годах его обучал в Константинополе известный греческий дидаскал Севаст Каминитис. Кроме того, Тимофей посещал лекции в школе Манолакиса Касторианоса. Когда к туркам прибывали русские послы, Тимофей тайно связывался с ними и делился собранными сведениями. В 1679 году через посла Василия Даудова он передал совет немедленно начать наступление на Азов и Крым. Тяжкая и полная риска жизнь на чужбине, по словам Тимофея, стала ему невмоготу, и зимой 1680/81 года иеромонах Тимофей возвратился в российские пределы.

Историк Б.Л. Фонкич высказал иную мысль по поводу возвращения иеромонаха Тимофея на родину: «Одной из важнейших задач, которую Досифей надеялся решить с русской помощью, была задача основания в Москве центра русского книгопечатания, где могли бы готовиться к изданию многочисленные антилатинские полемические сочинения… Досифей, однако, понимал, что для организации в Москве такого центра нужна была не только греческая типография, но прежде всего — знавшие греческий язык люди, которые могли бы быть справщиками и печатниками. Между тем, как ему было, несомненно, хорошо известно, в русской столице таких людей почти не было, как не существовало и учебного заведения для их подготовки. Тимофей являлся исключительно подходящей фигурой на роль основателя такого рода школы. Организация Тимофеем сразу же после его появления в Москве греческого училища именно на Печатном дворе подтверждает наше предположение о значении планов Иерусалимского патриарха о возвращении чудовского монаха на родину»[222].

Идея эта остроумна, однако вызывает сомнения. Тимофей отправился на Православный Восток как агент священноначалия Русской церкви. Как, почему он должен был сделаться агентом Иерусалимской церкви в Москве? Из добрых отношений с Досифеем? Но Тимофей имел отличные отношения и с патриархом Московским Иоакимом… Зачем вообще русскому священнику оборачиваться верным агентом к услугам греческого патриарха? Что касается учреждения греческой школы именно на Печатном дворе, то Китайгородская типография давала множество удобств к подобного рода предприятию — помимо соответствия планам одного из владык Православного Востока.

Видимо, возвращение Тимофея объясняется проще: иеромонах соскучился по родным местам и загорелся мечтой устроить на одной из московских улиц такое же учебное заведение, как то, куда он ходил на лекции. Крупный интеллектуал, он мог вести собственную «игру»,

совершенно не зависевшую от интересов патриарха Иерусалимского.

Странствуя по Православному Востоку, Тимофей набрался знаний и «навыче греческого языка». Прибыв в Москву, он представлен был царю Федору Алексеевичу и поведал о плачевном состоянии «свободных греческих наук… терпящих порабощение от тиранской руки турок». На общем совете царь и патриарх Иоаким приняли решение «тамо умоляемое учение зде насадите», то есть учредить в Москве греческую школу, Тимофея же назначить ее ректором. Более достойного кандидата отыскать было трудно: познания Тимофея, быть может, не столь блестящие, все же считались солидными и сомнений не вызывали. Он даже приобрел почетное прозвище «Грек». Преданность же его Православной церкви и царствующей династии прошла самую суровую проверку…

Роль государя Федора Алексеевича в этом деле огромна. Его решение довести, наконец, до воплощения в жизнь старые планы, коими увлекался его отец, стало решающим. Огромная глыба, запиравшая русскому просвещению путь, оказалась сброшена с дороги.

Здесь видно не простое следование воле патриарха или кого-то из вельмож, а самостоятельное действие молодого монарха.

Опыт обучения Федора Алексеевича у Симеона Полоцкого должен был подсказать ему, сколь значительное благо получит Российское государство от полноценного учебного заведения. А соработничество с Церковью определило, по какому маршруту идти — церковная иерархия решительно предпочитала греко-славянскую школу славяно-латинской. Поддержка патриарха Иоакима означала, что часть расходов на содержание школы Церковь сможет взять на себя[223]. Царь, вероятно, предпочел бы возложить заведование училищем на Симеона Полоцкого, уже руководившего небольшой школой при его отце, но ученый белорус скончался еще в 1680 году… Иеромонах Тимофей пришелся кстати, он горел энтузиазмом, выглядел человеком одновременно ученым и благонадежным. Ко всему прочему, Россию вот уже несколько лет не оставляла политическая стабильность. С Речью Посполитой и Швецией сохранялись мирные отношения. После заключения Бахчисарайского мирного договора и возведения новых оборонительных линий на юге Федор Алексеевич мог увериться в достаточной защищенности своей державы от турок и татар. За все время царствования Федора Алексеевича в коренной России не вспыхнуло ни одного сколько-нибудь крупного восстания. А значит, правительство получило шанс всерьез заняться делами просвещения, требующими крупных вложений и тишины.

Государь решился: быть большой школе!

Тимофеевское училище открылось в апреле — начале мая 1681 года на Московском печатном дворе, в старом помещении типографской библиотеки. Здесь учащиеся могли пользоваться обширным книжным собранием. Недостатка в церковной литературе новой печати, то есть исправленной при Никоне и после него, не было. Старых, дониконовских, книг учащимся, разумеется, не давали.

Через два с половиной года школа перебралась в две специально для этой цели перестроенные каменные палаты с редкими тогда еще стеклянными окнами. Палаты располагались на том же Печатном дворе, рядом с двором князя И.А. Воротынского. Это, вероятно, первое на Руси помещение, особо предназначенное к нуждам учебного процесса. Вокруг школьных палат возвели ограду. Поблизости поставили сарай для обучения маленьких детей славянской грамоте.

Поначалу в школе обреталось всего лишь 30—40 учеников, но их количество быстро росло. К

лету 1683 года число учащихся достигло 60 человек, осенью 1685 года — двух сотен, а в следующем году составило наивысшую зафиксированную источниками цифру: 233 человека. Подобных масштабов отечественное просвещение еще не знало. Среди воспитанников Тимофея были патриаршие певчие, приказные подьячие, люди «всякого чина», в том числе «малые робята сироты» и московские греки.

Учеников разделили на два отделения, которые условно можно именовать «славянским» и «греческим».

Ученый путешественник Энгельберт Кемпфер, посетивший Москву летом 1683 года, осматривал Китайгородскую типографию и тамошнюю школу. Его допустили на занятия «славянского» отделения. По словам Кемпфера, один класс объединял полсотни мальчиков, другой — еще десять ребят постарше. В годы расцвета школы более крупное «славянское» отделение объединяло 150—170 человек. Их обучали грамоте и письму.

Но лучшие ученики иеромонаха Тимофея вышли из небольшого «греческого» отделения, насчитывавшего в разные годы от 10 до 70 человек. Там учились лишь самые способные, и именно они получали образование на уровне повышенной школы.

В программу преподавания «греческого» отделения входили, помимо умения говорить, читать и писать по-гречески и по-русски, грамматика, диалектика и риторика, причем к последней добавлялись занятия историей, географией — в качестве отдельных дисциплин. Весьма вероятно, в число предметов обучения вошла и пиитика — иначе зачем попали в школьную библиотеку Эсхил, Эзоп, Аристофан, Гомер? Всё это — круг предметов западноевропейского или греческого среднего учебного заведения. За образец явно были взяты греческие школы Православного Востока.

Возможно, отдельные питомцы Тимофея удостаивались у ректора уроков философии и богословия[224]. А это уже, по понятиям XVII века, предметы из программы высшего учебного заведения.

Учащихся делили на три класса или, как тогда говорили, «статьи», по признаку овладения постепенно усложняющейся учебной программой. Каждой «статье» назначался свой староста — помощник ректора.

Иеромонах Тимофей не только преподавал, он также превратился из «книжника» в администратора с весьма широкой компетенцией. Ему пришлось «надзирать» за учениками, управлять учителями и отвечать за финансовую сторону деятельности школы. На него пали обязанности разрабатывать учебные программы, думать о материальном обеспечении всего дела, пополнять книгохранилище.

Последнее — особенно важно.

Большой, но узкоспециализированной типографской коллекции книг (в основном церковного содержания) скоро перестало хватать. Специально для училища была сформирована библиотека, включавшая русские и греческие книги по истории, философии, географии, медицине, арифметике, астрономии, риторике и богословию, а также словари. Ученики Типографской школы имели возможность ознакомиться с сочинениями Аристотеля, Платона, Демосфена, Катона, Гиппократа, Галена, Гомера, Аристофана, Эсхила, Эзопа, Софокла, Лукиана, Гесиода, Пифагора, Павсания, Геродота, Аммиана Марцеллина, Дионисия Галикарнасского, Диодора Сицилийского, Афония и Гермогена… Они использовали рукописные греческие азбуки, печатные грамматики, разнообразные богослужебные и

богословские книги. Последние были собраны в изрядном количестве. Среди них — сочинения Иоанна Дама-скина, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, жития святых, толковая Песнь Песней, сборник «Пчела», толкование литургии и т. п. Учащимся достались также Космографии Герарда Меркатора и хронографы (сочинения по всемирной истории).

Тимофею передали часть библиотеки покойного патриарха Никона. Для него казна приобретала книги в московских торговых рядах и у столичных греков. За книгами даже отправили в Константинополь особую «экспедицию» из двух «московских гречан» — Кирилла Юрьева и Георгия Николаева[225]. По неполным данным сохранившихся приказных документов, школьную библиотеку составляло не менее пятисот томов, в большинстве своем — греческих. Таким образом, книжное собрание Типографского училища определенно входило в число крупнейших библиотек всего Московского государства.

Учащимся каждые четыре месяца выплачивалась «стипендия», на которую они могли существовать безбедно. Кроме того, им выдавались деньги на одежду и обувь, подарки. От раза к разу их радовали, например, «калачами». Из средств приказа Книгопечатного дела и патриаршей казны получали жалованье учителя: сам ректор, а также преподаватели — московский грек Мануил Григорьев (Манолис Григориопулос) Миндилинский, святоафонский иеромонах Иоаким, известный старомосковский книжник Карион Истомин[226]. Притом ректор получал исключительно высокое для «книжника» жалованье: 50—60 рублей в год. Иеромонах Тимофей, кстати, звал в Москву и своего знаменитого учителя Севаста Каминитиса, но тот не смог приехать…

Бумага, свечи, чернила, книги и мебель — все это также приобреталось для школы государством и Церковью.

Выпускников тимофеевской школы ожидали разные судьбы. Они становились служащими Московского печатного двора, патриаршими певчими, занимали различные должности в патриаршей администрации, а позднее — в Славяно-греко-латинской академии[227].

В годы своего ректорства иеромонах Тимофей пользовался благорасположением патриарха Иоакима. Он попал в число патриарших крестовых священников и занимал келью в доме святейшего патриарха. В октябре 1681 года Тимофею было дано на платье 20 рублей серебром (четыре-пять месячных окладов); в ноябре того же года в кельи самого патриарха и Тимофея был куплен «на завес» один и тот же материал, «крашенин лазоревый», более не доставшийся никому из должностных лиц Патриаршего двора. Позднее специально для ректора возвели дом — «каменную палатку небольшую». Он даже обзавелся собственным возницей. Из постоянного роста числа учащихся видно, что эти почести оказывались Тимофею не зря: под его руководством школа завоевала у москвичей немалый авторитет.

От тимофеевской школы оставался один шаг до академии. Первый русский ректор сделал всё от него зависящее, дабы появилась возможность этот шаг сделать.

Вернемся к началу истории — учреждению повышенного училища по велению царя Федора Алексеевича и патриарха Иоакима. Государь, получивший личный опыт учебы, скорее, славяно-латинского типа, нежели славяно-греческого, колебался: всё ли сделано правильно? Туда ли он направил корабль русского просвещения?

Ему нравился ход дел в Типографском училище. Как минимум первое время. По свидетельству Федора Поликарпова (одного из учеников иеромонаха Тимофея), государь Федор Алексеевич и патриарх Иоаким то вместе, то поврозь (!) «…явным и тайным образом едва ли не всяку седмицу (неделю. — *Д. В.)*в типографию прихождаху утешатися духом о новом и неслыханном

деле, учащихся же ущедряху богатно одеждами, червонцы и прочими привилегиями»[228]. Иными словами, учреждение школы, отданной под руководство Тимофея, оценивалось царем как серьезное достижение. Но с течением времени Федор Алексеевич, видимо, усомнился в том, что подобного училища для Москвы достаточно. Патриарх, надо заметить, с неизменной доброжелательностью оказывал покровительство Тимофею и его подопечным. Одаривал их, желал видеть их искусство, а потому звал к себе в Крестовую палату на Рождество и Пасху. Частенько лично посещал училище. А вот о визитах монарха почти ничего не известно. Похоже, он постепенно охладел к собственному детищу.

Впрочем, иной причиной нежелания Федора Алексеевича посещать Типографское училище могла стать его личная драма. Летом 1681 года, произведя на свет царевича Илью, скончалась его жена Агафья Семеновна. А неделю спустя ушел из жизни и ее младенец. Семейное счастье государя рухнуло в одночасье. Какое-то время у него просто не хватало сил на государственные дела, включая поддержку тимофеевской школы…

Так или иначе, с течением времени Федору Алексеевичу захотелось поставить новый опыт: попробовать в действии и славяно-латинский формат образования. А для подобного училища требовался руководитель совсем иного склада.

В Москве тогда собралась сильная партия малороссийских книжников. Наибольшим авторитетом среди них обладал ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев.

Этот человек когда-то пользовался покровительством А.Л. Ордина-Нащокина — крупного дипломата предыдущего царствования. Когда тот испытал опалу, Медведев принял монашеский постриг. Ему пришлось на протяжении нескольких лет жить на периферии. Но с воцарением Федора Алексеевича он вернулся в столицу. Царь беседовал с ним, выслушал добрые рекомендации от Симеона Полоцкого и объявил свою милость. Еще бы! Когда за человека просит твой учитель, трудно отказать… Медведев какое-то время исполнял обязанности личного секретаря при Симеоне Полоцком. Потом ему досталась высокая должность на Печатном дворе. Затем его возвели в «строители» Заиконоспасского монастыря. А «строитель», по терминологии русского иночества, — вовсе не каменщик и не архитектор, а нечто вроде заместителя или помощника при настоятеле. Монастырский «строитель» отвечает за важнейшие хозяйственные дела. По большому счету, Медведев оказался в обители вторым человеком — после настоятеля. Духовные власти доверяли ему вести полемику по религиозным вопросам с иноверцами. Одно время его даже собирались приставить для учительства к царевичу Петру, как это было когда-то с Федором Алексеевичем и Симеоном Полоцким. Но тут уж воспротивился патриарх, ожидавший от Медведева влияния в латинском духе.

По словам историка средневековой русской литературы А.М. Панченко, «после смерти Симеона Полоцкого… Сильвестр занял при дворе его место, сохраненное им и в правление царевны Софии Алексеевны — место придворного поэта, проповедника и богослова». От своего покровителя он унаследовал и богатое книжное собрание.

Иначе говоря, Медведев оказался своего рода духовным преемником Симеона Полоцкого.

Именно этой персоне Федор Алексеевич решил доверить прокладку «альтернативного маршрута» для русского просвещения.

В 1682 году школа Сильвестра Медведева начала свою деятельность в том же Заиконоспасском монастыре, где преподавал когда-то Симеон Полоцкий. Ясно, что ей предназначалась роль славяно-латинского училища. Школа умещалась в двух подземных кельях обители, устроенных

по царскому указу. Она соседствовала с Типографской школой иеромонаха Тимофея — их разделяло всего несколько домов по одной стороне улицы, — но в духовном смысле отличалась от него разительно.

Затея с медведевской школой относится к последним месяцам царствования Федора Алексеевича. Покровительство со стороны царя длилось недолго. А патриарх такому начинанию вряд ли оказывал содействие: Медведев представлял иную «книжную партию», от него небезосновательно ждали латынничества. По документам не видно, чтобы Заиконоспасское училище приобрело столь же серьезный масштаб, как и заведение на Печатном дворе. Медведев располагал первоклассной по тем временам библиотекой — 630 названий книг на латыни, польском, старобелорусском и греческом языках[229]. На время под его руководство перешел преподаватель Типографской школы Карион Истомин. Но при всем том Медведеву досталось весьма скромное количество учеников — порядка двух десятков.

Скорее всего, Медведев не сумел вырастить из своей школы что-либо сравнимое с училищем Тимофея. Причина здесь самая простая: немногие желали отдавать ему своих детей. Славяно-греческое образование в глазах москвичей выглядело роднее, «истиннее». Латынство отдавало еретичеством. На латынство смотрели с подозрением. А учителя-греки, пришедшие к Тимофею, — все же свои, православные, меньше причин бояться их. Да и патриарх стоит у них за спиной.

Училище Медведева даже подверглось осторожной критике со стороны патриарха Иерусалимского Досифея — великого сторонника греко-славянского просвещения. Нахваливая «еллинскую» школу Тимофея в письме Федору Алексеевичу, он также намекал на неуместность иного образовательного «формата»: «Благодарим Господа Бога, яко во дни святого вашего царствия благоволи бытии в царствующем вашем граде еллинской школе: еллинским языком писано Евангелие и Апостол, еллины бяше святи отцы, еллински написашеся деяние святых соборов и святых отцов списание и все святые церкви книги, и сие есть божественное дело, еже учити Христианом еллинский язык, воеже разумети книги православные веры, якоже писании суть, и познавати толкование их удобно. И наипаче, дабы отдалении были *оч латинских, иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожства».*

Впрочем, письмо дошло до Москвы, когда царь уже скончался. Поколебало бы оно решимость государя развивать и славяно-латинское просвещение? Вряд ли. Раз уж свой патриарх не подорвал влияния Сильвестра Медведева на государя, то где ж подорвать его чужому?

* * *

Правительство решило создать из нескольких школ единый учебный центр более высокого уровня. Идея открыть собственный, русский университет («академию», по терминологии того времени) обсуждалась давно. Ее, по всей видимости, лелеял ректор Типографского училища, да не сумел найти преподавателей соответствующего уровня. Думается, была близка эта идея и Федору Алексеевичу, но он успел лишь заложить основу для будущего учебного заведения подобного уровня. Государь не дожил нескольких лет до того, как оно появилось.

Однако именно при его правлении была предпринята чрезвычайно важная мера, ускорившая появление первой русской Академии. Она не относится к административной сфере: тут всё или почти всё подготовил иеромонах Тимофей. Но требовалось теоретическое осмысление того, каким правительство хочет видеть высшее учебное заведение на московской почве.

Между сентябрем 1681 года и апрелем 1682 года появился документ, в котором суммировались

требования государя и правящих кругов России к подобному учреждению. Это знаменитая «Привилегия на Академию».

Она разрабатывалась на протяжении последних месяцев жизни Федора Алексеевича. Ее содержание — плод напряженного обсуждения, происходившего между царем и средой «латинствующих» интеллектуалов Москвы. Их духовный лидер, Сильвестр Медведев, создал бумагу, идущую в русле чаяний Симеона Полоцкого. Он даже вставил туда цитаты из трудов своего учителя. Такое цитирование, разумеется, рассчитано было на царя. Федор Алексеевич с любовью воспринимал поучения, исходящие от Симеона Полоцкого. Почтение к его памяти, проявленное Медведевым «со товарищи», могло лишний раз побудить монарха к необходимым действиям. А само составление документа шло на фоне энергичной подготовки к открытию Заиконоспасского училища.

Прежде всего, будущую Академию планировалось разместить именно здесь, в Заиконоспасской обители, на земле Китай-города. Иначе говоря, училищу Сильвестра Медведева предназначалась судьба саженца, из которого вырастет могучее древо Академии. Типографская школа, таким образом, несмотря на все успехи ее ректора и учащихся, теряла в этом деле приоритет.

Обучение предполагалось вести за счет казны. Государь оплачивал строительство академических зданий, а также их оснащение, передавал «блюстителю» собственную библиотеку[231]. Такой порядок уже утвердился в прежних школах, в том числе и на Печатном дворе. Исключение составил, пожалуй, лишь книжный фонд: для Типографской школы его специально закупали.

Учениками могли стать люди разных сословий — та же бессословность царила и у Тимофея.

В отличие от Типографской школы преподавательский коллектив получал огромные средства на обеспечение и мог контролировать их самостоятельно. Под Академию не только отдавался участок земли, к ней приписывалось еще семь монастырей и пустыней, Вышегородская волость Верейского уезда, пасеки и пустоши в разных местах. Таким образом, учебное заведение не зависело бы от состояния казны. Ему гарантировали изрядный доход от собственных земель.

Круг основных предметов — шире, нежели у Тимофея: грамматика, пиитика, риторика, диалектика, «философия ра-зумительная, естественная и нравная», богословие. «Науки», связанные с магией, не подходили для русской Академии, хотя на Западе университетские ученые мужи их отнюдь не чуждались. Да и сам Симеон Полоцкий баловался астрологией… На такие предметы «Привилегия» накладывала прямой запрет.

Преподавание собирались строить на основе четырех языков: «славенского», «еллиногреческого», «польского» и «латинского». Когда-то подобные планы строил Симеон Полоцкий, уступая, как видно, настояниям Алексея Михайловича. Не зная греческого в достаточной степени, Симеон Полоцкий все же соглашался на славяно-латино-греческий формат обучения. Как видно, он рассчитывал отыскать греков-учителей и поделиться с ними частью учебной программы. Для него и для Сильвестра Медведева основой образования являлась, несомненно, латынь. И вот на это стоит обратить особое внимание. По всей вероятности, не славяно-латинский, а славяно-латино-греческий формат обучения явился, как и при Алексее Михайловиче, плодом настояния самого монарха. Федор Алексеевич видел самые очевидные плюсы Типографской школы; для него близость православия и преподавания на греческом была естественной и понятной; он знал, сколь негативно отреагирует Церковь на введение «голого» латынничества, и внутренне соглашался, надо полагать, с подобной реакцией. Таким образом, Федор Алексеевич выступил, скорее всего, в роли силы,

стремящейся к сбалансированному формату образования, к соединению достоинств обоих языков в учебном процессе.

Академии давались широчайшие полномочия как учреждению по надзору за чистотой православия. Его «блюстителю» и учителям вменялось в обязанность бороться против колдовства, гадания, богохульства, кощунства, ересей, любых миссионерских поползновений иноверцев. Речь идет не только о роли «экспертов» по делам веры и «состязателей» в межконфессиональных диспутах. Имеются в виду активный надзор и отчасти — карательные функции. Вот точная формулировка из «Привилегии»: Академия учреждается, помимо всего прочего, еще и с целью «…от всяких еретиков и ересей православныя нашея восточныя веры охранения». Слава богу, этого не произошло. Подобный заряд «Привилегии», если бы она обрела силу государственного документа, придал бы просвещению на русской почве мрачный вид. Невиданное дело! Такого не бывало ни в Западной Европе, ни на Православном Востоке! А захват столь мощного инструмента «латинствующими» мог бы дать им серьезное средство для борьбы со священноначалием Русской церкви. Не этого ли добивались Медведев и его среда, включая в документ свирепые пункты о борьбе с иноверцами и еретиками? Тут ведь спрятана целая инквизиция, и не очень понятно, контролирует ее патриарх Московский или… сам должен ее побаиваться. Что же тогда говорить о людях не столь высокопоставленных — например, о «книжниках» из иного «идейного лагеря»?! Да какого «книжника» нельзя ущучить за «мудрование»…

Отсюда — очень серьезные требования к вероисповеданию самих учителей. Их должны были назначать только из православных. К малороссам, а затем и к грекам[232] выставлялось требование всесторонней проверки: нет ли в их биографии каких-либо фактов измены православию? Особое сомнение вызывали иноземцы, недавно перешедшие в православие из другой «веры». О них сказано с предельной жесткостью: «А новопросвещенным от римския веры, и люторския, и кальвинския и иных ересей приходящым в тех училищах блюстителю и учителям, ради веры нашей лучшего хранения, весьма не быти, ибо они обыкоша злохитростным образом тайно ереси своя помалу во ученики вкореняти». Если же в преподавательский состав все-таки затешется враг и начнет «…каковая подлоги толкования или подлоги ко усумнению нашея восточныя веры подлагати или… ону иным верам во всем равенстве совершенном полагати, паче же аще кто из них начнет чуждую веру римскую или ереси люторския и кальвинския и иныя какия похваляти, а нашу православную веру укаряти или каковыя порочныя на ню словеса произносити», — то да будет «извержен» из учителей и понесет иные наказания. Упорствуя, не соглашаясь покаяться, такой лжеучитель может удостоиться и сожжения, — как сообщает «Привилегия». И в этих требованиях чувствуется тяжелая рука патриарха Иоакима, опасавшегося допустить к преподаванию волков в овечьей шкуре. А может быть, и рука самого Федора Алексеевича: при всей тяге к реформам, к просвещению он чуждался религиозного вольнодумства. Любые шаги просвещения могли, по его разумению, совершаться лишь на основе непоколебленного православия. Как уже говорилось, уступок иным верам, особенно католицизму, на земле своей державы он не допускал. Открытых, явных католиков Россия тогда не любила, видя примеры жестокого гнета в отношении православных на территории ближайшего соседа — Речи Посполитой. Ну а тайных католиков опасались еще больше, чем явных: к чему они скрывают свою истинную сущность?

«Привилегия» составлена от имени Федора Алексеевича. Оставалось лишь доработать ее и придать ей характер государева указа.

Но… государь Федор Алексеевич скончался, не успев окончательно утвердить «Привилегию». Возможно, с монаршей точки зрения, она нуждалась в доделках или даже коренной

переработке. Нет никакой возможности определить степень согласия царя с содержанием «Привилегии». Бог весть, допустил бы он создание подобного трибунала по духовным делам. Одно дело — Академия, славное начинание, и совсем другое — религиозная полиция. Ясно одно: *общее направление документа совпадало с чаяниями русского монарха.* Хотя бы в той части, где говорилось об учебном процессе.

В любом случае для Медведева и «латинствующих» смерть царя — страшный удар. Величественные планы рухнули в одночасье! «Привилегия» не получила практической силы даже в самых бесспорных ее предложениях…

Им оставалось уповать на благоволение преемницы Федора Алексеевича.

И Сильвестр Медведев деятельно поддержал царевну Софью, ставшую после кончины Федора Алексеевича правительницей России. Именно она руководила страной из-за спины малолетнего царя Петра и хворого царя Ивана. Доброе отношение со стороны Софьи обеспечивало Заиконоспасской школе прочное положение. Быть бы Медведеву главой русской Академии! Он желал этого и энергично добивался. В январе 1685 года он подал «Привилегию» Софье, снабдив ее малохудожественными виршами собственного сочинения:

Пресветлая дщерь пресветлаго царя,
Многих царств и княжеств, и земель государя,
Благоверная велия царевна
Премудра Софиа Алексиевна,
От Пресвятыя Троицы возлюблена,
Ея святыми дары одаренна.
По имени ти жизнь твою ведеши,
Дивная рчеши, мудрая дееши
Слично Софии выну мудрой житии,
Да вещь с именем точна может бытии…
Сама ты Богом самем умудрена,
Премудростию свыше предпочтена.
Яже мудрость тя учит божественным,
Сущым духовным вышеестественным.
Елико небо земли удаленно,
И паче ся светло еси украшено:
Толико мудрость, юже небо родит,
Земную светом правды превосходит.
И паче земли, коль небо велико,
Мудрость небесна надземну толико,
Ею же царство правящи труди шея,
И тою Россы просветити тщишься… и т. п.

Торопился человек…

Но появление в Москве двух столпов греческого «формата» в просвещении — братьев Иоанникия и Софрония Лихудов — дало противоположной «партии» решительный перевес. Патриарх Иоаким поддержал их. А такая поддержка решала очень многое не только с духовной, но и с политической точки зрения.

Царевна Софья правила страной, но ее положение оставалось неустойчивым: в любой момент какая-нибудь мощная аристократическая группировка именем одного из братьев могла силой отобрать у нее бразды правления. Стоит ли ссориться с патриархом, имея под ногами столь

зыбкую почву? Пышная лесть Сильвестра Медведева не могла перевесить гораздо более веские доводы политического свойства.

Лихудам досталось право объединить московские школы и создать Академию.

Ученик Симеона Полоцкого потерпел полное поражение. Поданная Софье «Привилегия» не получила никакого значения, помимо чисто теоретического. Школа Медведева протянула до 1687 года, а затем Лихудам досталась не только его мечта, но и его ученики…

* * *

Итак, весной 1685 года в Москву прибыли ученые греки братья Иоанникий и Софроний Лихуды. При поддержке правительства они открыли еще одну школу — в Богоявленском монастыре.

Позднее под их руководство передали семь лучших учеников Типографской школы. Потом эти два учебных заведения оказались слиты воедино. Зимой 1687/88 года тимофеевское училище прекратило свое существование, а часть его воспитанников продолжила получать образование у Лихудов.

«Выходцы» из Типографской школы с первых шагов лихудовского училища составляли его ядро, наиболее подготовленный материал для дальнейшего совершенствования в науках. По словам того же Б.Л. Фонкича, «уровень преподавания в Типографской школе был, по-видимому, высок. В научной литературе встречаются указания на то, что Николай Семенной, Федор Поликарпов и Алексей Кириллов, проучившись у Лихудов всего два года, оказались в состоянии за очень короткий срок перевести с греческого языка на русский большое и сложное богословское сочинение своих учителей — "Акос". При этом, однако, упускают из виду, что до того, как названные воспитанники Академии попали туда, они в течение четырех лет обучались в Типографской школе, где, по-видимому, прошли полный курс среднего учебного заведения и настолько овладели греческим языком, что смогли сразу же продолжить занятию у Лихудов, которые по прибытии в Москву совсем не знали русского языка»[233]. Остается добавить: в Типографской школе ученики Тимофея могли взойти на несколько более высокую ступень, нежели выпускники среднего учебного заведения. Благодаря наличию в библиотеки книг по философии и богословию, а также в беседах с ректором и самостоятельными усилиями они, видимо, в какой-то степени освоили предметы высшей школы.

К учебному заведению Лихудов, как уже говорилось, добавились те, кто получал образование в медведевской школе при Заиконоспасском монастыре. Да и сами Лихуды со своими учениками переместились в эту обитель, располагавшую значительным книжным собранием[234].

Так в 1687 году произошло объединение нескольких школ. Из них возникла знаменитая Славяно-греко-латинская академия. Специально для нужд учащихся была построена большая удобная палата в Заиконоспасском монастыре. Возможно, учреждая Академию, правительство руководствовалось некоторыми пунктами медведевской «Привилегии». Сурового надзорного органа из нее никто делать не стал. Правда, и столь богатого земельного обеспечения, каким собирались одарить ее при Федоре Алексеевиче, лихудовской Академии тоже не досталось.

Огромная библиотека Типографского училища большей частью перешла в Патриаршую домовую казну. Иеромонах же Тимофей принял почетную должность справщика на Печатном дворе, в которой и пробыл до своей кончины 2 апреля 1698 года. 1680-е годы стали пиком его достижений. Однако и на закате жизни он пользовался уважением, а знания его находили

должное применение. Жалованье позволило ему обзавестись личной библиотекой, довольно богатой. Иными словами, судьба этого русского книжника завершилась беспечально.

В Славяно-греко-латинской академии обучались главным образом лица духовного звания и их дети. Уровень образования, которое давала Академия, был весьма высоким для XVII века. Историки спорят: следует ли считать ее полноценным высшим учебным заведением, ведь в XVII столетии она именовалась просто «школы» или «схолы»? Это рассуждение неверно: уже летом 1687 года Богоявленская школа Лихудов именуется в приказных документах «новая Ликия», а в 1693 года учебное заведение в Заиконоспасском монастыре четко названо «акедемией», а не «схолами»[235].

В дальнейшем Академия знала взлеты и падения, но сумела устоять. Она прошла через века, меняя названия и местоположение. Множество блестящих ученых, деятелей культуры и высших лиц нашей Церкви обучались там. Впоследствии ее перевели в Троицесергиеву обитель. На сегодняшний день Славяно-греко-латинская академия носит название Московской духовной академии и представляет собой крупнейший церковный вуз России. А в зданиях Заиконоспасского монастыря в 1992 году возник Российский Православный богословский университет имени святого апостола Иоанна Богослова.

До Петра I, до обвальной вестернизации России, страна сумела великими трудами создать собственную Академию, сделать шаги по самостоятельно проторенному пути просвещения. Но все это в результате поспешных преобразований Петра оказалось на задворках нашей цивилизации.

До петровского правления славяно-латинский «формат» просвещения проигрывал славяно-греческому в условиях естественной конкуренции. И лишь в годы царствования Петра Алексеевича латинская схоластика пришла в Академию, надолго иссушив ее умственную самостоятельность. Академия примет направление, когда-то поддерживаемое Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым, дух высокой славяногреческой образованности уничтожится в ней надолго…

Слава богу, не навсегда. Пройдут десятилетия, и она воспрянет, и переживет еще творческое возрождение.

* * *

А теперь стоит взглянуть на ученые затеи государя Федора Алексеевича издалека, с дистанции в несколько столетий, и ответить на вопрос: разве не достоин этот монарх в высшей степени почтительного отношения? Его отец заводил училища, но так и не смог организовать дело на постоянной основе. Государь Алексей Михайлович воевал, реформировал русское право и русскую армию, изнемогал от тягот церковного раскола, а потому на просвещение ему просто не хватило сил. Сын же его — молодой, неопытный правитель, — имея не меньше политических и военных проблем, добился успеха.

Именно при Федоре Алексеевиче просвещение на русской почве совершило качественный скачок. Именно при нем сложилась основа для будущей Академии — как материальная, в виде Типографской школы иеромонаха Тимофея, так и теоретическая — в виде «Привилегии на Академию». Последняя хоть и не получила силы государственного документа, но хотя бы обобщила идеи, накопленные в образовательной сфере.

Замысел молодого монарха двигаться сразу по двум путям — славяно-греческому и славяно-латинскому — отражает колеблющийся характер русской культуры того времени.

В наши дни допетровскую Россию часто оценивают как монолит незыблемого консерватизма. Или, вернее, видят в ней муку бесконечных повторений. А это совсем не так. Московское государство развивалось стремительно, динамично. Русская держава времен Василия III, Елены Глинской, молодого Ивана IV и царство эпохи Алексея Михайловича и Федора Алексеевича — две разные страны! Вера та же, язык тот же, пищевой рацион не особенно изменился, а все остальное преобразилось до неузнаваемости. Иная армия, иная государственная территория, иные законы. Иные обычаи вошли в жизнь Церкви, иной вид обрела умственная культура.

Прежде всего, Россия стремительно европеизировалась. Вечное существование какого-то «железного занавеса» между Россией и Европой — миф. Своего рода «культурный барьер» был ненадолго возведен при патриархе Филарете. Он держался на протяжении 1620—1630-х годов. Московское государство нуждалось в нем, поскольку сделалось слабым и уязвимым после огненных лет Великой смуты. Но затем этот барьер «оплыл». Ко времени правления Федора Алексеевича он перестал существовать. Страна могла пойти по одной из двух дорог: либо медленное, умеренное введение в русскую жизнь экономических, политических и культурных конструктов, рожденных жизнью европейской, либо неистовая, «обвальная» переделка России в державу европейского типа.

Всю последнюю треть XVII века страна колебалась между этими двумя траекториями развития. Достоинства первой из них очевидны: не возникло бы резкого разрыва между простым народом и высшими слоями общества, не пришлось бы терпеть столь значительного процента иноземцев внутри военно-политической элиты, да и Церковь сохранила бы, думается, больше самостоятельности. А значит, прочнее стояло бы на ногах православие. При Федоре Алексеевиче Россия шла именно по этому пути. Естественно, в ее культуре элементы западные соперничали с исконно русскими, а также греческими. Наверное, очень хорошо, очень славно было бы сохранить и эту сильную национальную составляющую интеллектуальной культуры, и это живое соперничество…

Но в исторической реальности страна резко перешла на другую колею. Петровская эпоха прошлась паровым катком по русской культурной автономии. Всякое двоение, всякие колебания были отброшены. Церковь оказалась вбитой по пояс в землю, а православие и, соответственно, духовная жизнь нашего народа приняли обезображенный, изувеченный вид.

Колебание в старомосковской культуре являлось признаком духовного здоровья. Оно открывало возможность спокойной, гармоничной эволюции. Монолитность, глухая европеизация, точнее сказать, «переевропеизация» — плод избыточно радикальных, почти революционных действий. Россия залпом хлебнула чересчур много Запада и вместе с этой порцией получила постоянную боль во чрево свое.

Уместно с уважением относиться к памяти Федора Алексеевича — государя, вполне осознававшего преимущества подобной неторопливости. Он давал покровительство разнородным элементам, благоволил людям из разных «культурных лагерей», как сказали бы в XX веке. Он умел смягчать противостояние, наметившееся в русском обществе. Редкое, завидное умение… совершенно чуждое его младшему брату.

Памятником «времени колебаний» стали те старинные здания, где зарождалось русское просвещение. Их совсем немного, и они собраны буквально на «пятачке» — нынешняя улица Никольская да Богоявленский переулок.

В Богоявленском переулке возвышается величественное соборное здание Богоявленской иноческой обители[236]. По соседству с ним сохранилось несколько монастырских построек

поскромнее. С 2007 года перед собором стоит памятник братьям Лихудам, поставленный на средства греков.

Примерно на середине Никольской располагается здание Синодальной типографии. Ныне оно занято Московским государственным историко-архивным институтом. Этот нарядный дом с фасадом в неоготическом стиле — дитя XIX столетия. Но если проникнуть внутрь, то во дворе отыщется кряжистая палата XVII века. Красивый каменный терем появился как раз при Федоре Алексеевиче (1679). Здесь хранилась библиотека Печатного двора. Здесь же работали самые ученые сотрудники типографии — справщики. В их числе иеромонах Тимофей и Сильвестр Медведев. Тут рождалось русское просвещение, тут концентрировались интеллектуалы высшего качества.

Никольская улица, в советское время названная в честь 25-летия Октября, страшно пострадала от сноса древних зданий и строительства новых, большей частью неказистых. Многие знаменитые храмы на Никольской просто исчезли. Заиконоспасской обители повезло чуть больше. От нее кое-что сохранилось.

Зайдя в неприметную арку неподалеку от Казанского храма[237], восстановленного в 1990-х годах, любитель московской старины окажется во дворике домов 7—9 по Никольской. Там откроется одноглавый Спасский собор Заиконоспасского монастыря. Его возвели в Петровскую эпоху, приблизительно между 1711 и 1720 годами. Архитектурный стиль — барокко, без особых затей. В начале 1740-х годов, при императрице Елизавете Петровне, здание капитально ремонтировали и, возможно, перестраивали после пожара. Рядом с собором — превосходно сохранившиеся палаты Братского корпуса XVII—XVIII веков (впоследствии его называли Учительским) и более позднее здание духовного училища. Монастырские здания не блещут особенным архитектурным изяществом. Искусствоведов тут может заинтересовать разве что Братский корпус — светское зодчество русского Средневековья сохранилось скудными порциями, каждый дом на счету… В 2006 году московское правительство постановило передать строения бывшего Заиконоспасского монастыря в безвозмездное пользование подворью московского патриарха: старинная обитель должна возобновиться.

Для русской науки и русского образования этот дворик — священное место. Образованному человеку следует заглянуть сюда хотя бы раз в жизни. Постоять, с благоговением прикоснуться к старым камням. А потом мысленно возблагодарить далеких предков, с великими трудами поднимавших из ничтожества просвещение нашего народа.

Второй брак

Пребывая на дистанции нескольких месяцев от смерти, государь Федор Алексеевич торопился жить.

Он ушел, не дожив до двадцати одного года. И, видимо, задолго до кончины своей почувствовал приближение последнего срока. Врачи раз от разу ставили молодому царю неутешительные диагнозы. Он страдал от целого букета заболеваний — прежде всего, государь мучился от цинги и «падучей», то есть эпилепсии. Они-то, по отзывам современников, и свели его в гроб. Сказывалась, надо полагать, и травма, полученная в детстве и приведшая, кажется, к повреждению позвоночника.

Но… слабость — слабостью, хвори — хворями, а Федору Алексеевичу хотелось еще многое сделать. Он лихорадочно принимался за великие начинания, надеясь, что Бог позволит ему довершить хоть некоторые из них.

За полгода до кончины царь совершил последнюю большую поездку на богомолье. Он побывал в обителях Ростова, Ярославля, Суздаля и иных городов[238]. Сразу после нее Федор Алексеевич взялся за главные реформы в своей жизни. И — да, часть задуманных преобразований он успел провести под занавес собственной биографии.

За 12 дней до смерти его заботами великая православная святыня — Риза Господня — переместилась в новый золотой ковчег. Сделанный в форме книги ковчег с драгоценным содержимым позднее переехал на Неву, и Спасская дворцовая церковь долгое время являлась его пристанищем. Потомки не без труда разбирали надпись, сделанную в конце XVII столетия: «На много-целебную Ризу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа сей златый ковчег с алмазы и изумруды устроен повелением великаго государя и царя и великаго князя Феодора Алексеевича всея Великая и Малая, и Белая России самодержца, и принесен им великим государем в соборную и апостольскую церковь Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго и славнаго Ее успения, в святый и великий пяток на воспоминание спасительных страданий Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, в лето 7190 (1682) апреля 14 дня, и того же числа положена в сей устроенный ковчег много-целебная ж спасительная Риза Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа великим господином святейшим Иоакимом, патриархом Московским и всея России».

За десять дней до кончины Федор Алексеевич все еще вставал с одра болезни, ходил на богослужения.

За семь, пять, три дня до ухода из жизни он все еще разбирал государственные дела, утверждал назначения, наказывал нерадивых. Но уже не поднимаясь с постели…

Ему так хотелось успеть еще и это, и то, и… сколько Бог даст. На своем царском месте он угасал, словно тяжелораненый солдат, лежащий на поле боя: кровь выходит из него, но он все еще сжимает ружье, все еще выцеливает неприятельских бойцов.

Государя сжигало и другое желание, столь естественное и понятное для нестарого мужчины. Ему хотелось нового счастья в браке, ему хотелось, в конце концов, наследника.

У Федора Алексеевича оставались два брата — было кому передать трон. Однако один из них — Иван — вряд ли мог полноценно править, страдая от еще более тяжелых болезней, нежели сам царь. А другой — Петр — хоть и отличался добрым здравием, но пребывал еще в младенческом возрасте. Да хотя бы он и достиг к 1682 году совершеннолетия, что с того Федору Алексеевичу? Это ведь *брат,* а не *сын.* К тому же брат только по отцу.

Если бы царь успел заронить семя во чрево новой супруги и та родила бы мальчика, тот оказался бы наследником с предпочтительными правами на престол. Даже учитывая проигрышную разницу в возрасте с Петром, не говоря об Иване. А появилась бы девочка, так хоть порадовался бы молодой отец — останется что-то после него на свете, помимо указов, реформ и мирного договора сомнительной ценности.

Надежда не отпускает человека до последнего часа. Авось поживем еще немного, авось успеем еще что-нибудь… Милостив Бог, может, опять отстрочит расставание души с телом и загробные мытарства!

15 февраля 1682 года Федор Алексеевич женился на пятнадцатилетней юнице Марфе Апраксиной.

Среди московских дворян семейство Апраксиных числилось малозначительным. Предки

царицы ходили в «приказных людях». По матери она происходила от Ловчиковых. Эти имели длинную родословную и на протяжении нескольких поколений служили в близости от престола, но все же аристократами никогда не считались. Очевидно, рано осиротевшую красавицу-дочь стольника Матвея Апраксина «продвинули» к блистательному браку сильные покровители.

Браки венценосцев из династии Романовых — непрозрачная стихия. Тут мешаются разные компоненты: искреннее любовное чувство, тщеславие, властолюбие, корыстные игры дворцовых группировок. И всякий раз очень трудно понять, где превалирует его величество случай, а где — многоходовая матримониальная комбинация.

Доктора отговаривали царя от нового брака. По их мнению, поспешный брак могу худо сказаться на его здоровье. Возможно, так оно и произошло. Но вероятно и другое. Слова о пагубности второй женитьбы врачам в уста могла вложить одна из придворных «партий», не заинтересованная в появлении прямого царского наследника. Зачем он Милославским? Зачем он Нарышкиным?

В то же время другая «партия» могла сыграть на горьких чувствах Федора Алексеевича, на желании его продолжить себя в потомстве — и предложила ему скорую женитьбу на прекрасной девушке.

Кто именно «вывел» девицу Апраксину к царским очам — точно назвать трудно. Скорее всего, боярин И.М. Языков, любимец и приближенный Федора Алексеевича. Он-то как раз был кровно заинтересован в появлении царевича-младенца. Именем малыша ближний круг Федора Алексеевича мог бы еще долго править Россией после кончины царя. Марфа Апраксина как будто находилась с Языковым в свойстве. Да и весь род Апраксиных видел от Языкова «дружбу», а значит, считал его своим благодетелем.

Милославские противились Языкову, у них имелась иная претендентка — из знатнейшего боярского рода Салтыковых. Женитьба царя на ставленнице Милославских означала бы возвращение к ним изрядной доли утраченного влияния.

Но претендентка из рода Апраксиных победила.

Маленькая свадебка в дворцовом храме. Присутствуют лишь самые близкие люди. Царь, едва живой, венчается, не поднимаясь из кресла. Молодая жена с испугом глядит на суженого — бледный царь выглядит как мертвец, восставший из гроба…

Брак продолжался десять недель. Затем царя земного призвал к себе Царь Небесный, а Марфа Матвеевна осталась безутешной вдовой. Она не могла обрести утешение в детях, поскольку не успела забеременеть. Возможно, ей не пришлось изведать и самых простых семейных радостей, поскольку сильно хворавший царь Федор Алексеевич сделался перед смертью весьма ограничен в физических возможностях. В.Н. Татищев выразил полную уверенность на сей счет: «Сия государыня царица, как многие достоверные утверждали, девицею по нем осталась и, в совершенной добродетели жизнь свою препровождая, в 1715-м году его величеству возпоследовала»[239].

К женщине этой следует отнестись почтительно. Марфа Матвеевна отличалась большим благочестием, строгостью нрава и любовью к московской старине. Она много жертвовала на Церковь. Сам Петр 1 выказывал ей уважение. Царственная вдова пережила супруга на треть столетия, но ничем не запятнала его имя. Зато родство с нею, а значит, и с царской семьей позволило братьям ее подняться на уровень крупных государственных деятелей. Генерал-

адмирал Федор Матвеевич Апраксин разбил шведов на море при Гангуте и на суше у реки Пелкин. Имя его свято для русского военно-морского флота. Петр Матвеевич Апраксин также успешно бил шведов, бывал астраханским, а затем казанским губернатором, возглавлял Юстиц-коллегию. Под конец жизни он сделался генерал-губернатором Санкт-Петербурга.

Перемена в расстановке политических сил в результате царского брака — обычное дело при московском дворе. Приход молодой царицы Марфы Матвеевны в сложную систему придворных счетов ничуть не изменил этого обычая.

По словам современника-иноземца, «девица Мария Евпраксимовна» (Апраксина), «дочь бедной вдовы», «была крестной дочерью Артемона (Артамона Матвеева. — *Д. В.).* Она била челом своему мужу царю, чтобы вернуть из дальней ссылки Артемона. Когда он приближался из ссылки к Москве, партия его снова стала подниматься в гору…»[240]. Государь велел возвратить Артамону Сергеевичу его дом и земельные владения. Правда, смерть Федора Алексеевича застала Матвеева в Лухе, а потому монарх не успел объявить опальному вельможе милость и прощение. Но, так или иначе, сам Матвеев и его родня, накрепко связанные с царевичем Петром, действительно подняли голову.

Возможно, действиями царицы-сироты руководил боярин Языков. Он, как и Лихачевы и другие неродовитые, а потому во всем зависевшие от милости Федора Алексеевича вельможи, опасался за свое положение. Князь В.В. Голицын — другое дело. Он являлся одним из самых знатных аристократов Московского царства и к тому же весьма богатым человеком. Смерть царя его не уничтожила бы: князь и сам по себе стоил много. А вот люди попроще, пониже — те очень беспокоились.

Видимо, их заинтересовал альянс с Матвеевым и Нарышкиными, а в конечном итоге — фигура царевича Петра как «игрушечного» наследника. Коалиция с новыми союзниками обещала им хоть какую-то «игру» за удержание власти. Для этого потребовалось срочно вернуть Матвеева из ссылки, завязать с ним отношения и т. д.

Правда у всей этой грустной ситуации со вторым браком Федора Алексеевича одна. Бесконечно жаль несчастного молодого человека, отчаянно барахтавшегося в ледяных водах близящейся смерти. Бесконечно жаль его жену — молодую, прекрасную, набожную женщину, и трех месяцев не обнимавшую мужа своего… Так худо сложилось их супружество, так несчастливо! Лишь каменное сердце не наполнится сочувствием при знакомстве с этой историей…

А вот лукавых советников царя, пусть и умных людей, не жаль совершенно. По всей видимости, они ускорили смерть Федора Алексеевича. Но даже не в том дело. Скверно, некрасиво было играть его чувствами на пороге могилы. Какая вышла грязь: подсунуть умирающему девицу, желая сотворить из нее орудие политической интриги! Если приведенные выше соображения о роли Языкова и его «партии» точны, а это весьма вероятно, то придется отказать этим людям в чести и благонравии. Дрянным нутром, думается, обладал Языков — «первый министр» Федора Алексеевича. Затеяв «со товарищи» хитрую комбинацию, он вызвал настоящую большую смуту и принял лютую смерть. Душа не поворачивается скорбеть о нем.

Смерть на пороге зрелости

Итак, есть основания полагать, что группа худородных «выдвиженцев» государя Федора Алексеевича начала активные действия, желая остаться у власти[241].

Их естественными недоброжелателями являлись родовитые аристократы и «партия» Милославских, стоявших за царевичем Иваном. Фигурой номер один в лагере Милославских

стала царевна Софья. Пока не умер Федор Алексеевич, она не предпринимала решительных действий, но постаралась сколотить сильную коалицию сторонников. Судя по иноземным известиям, «в конце царствования Федора царевна Софья, хорошо видя, что этот монарх, одолеваемый падучей болезнью, не проживет долго, решила выйти из монастыря, вопреки установленному обычаю, согласно которому дочери царского дома должны там проводить всю жизнь, не имея возможности выйти замуж. Под предлогом того, чтобы ухаживать за братом, к которому она выказывала большую любовь, она воспользовалась случаем, чтобы вкрасться в доверие к знати, завоевать народ своими милостями и приучить и тех, и других к тому, чего они никогда не видели. Но подобный план не мог бы иметь успеха без большой партии сторонников, и она решила ее составить; изучив достоинства всех, она сочла, что нет никого достойнее, чтобы стать во главе ее, чем князь Голицын… Так как это человек больших достоинств, происходящий, без сомнения… из младшей линии… литовских князей… дома Ягеллонов[242], знать казалась сначала весьма довольной этим выбором, уверяя себя, что он будет правителем лишь по имени, а они разделят всю власть с ним. Но этот князь, имея больше ума, чем вся Московия вместе взятая, не взял на себя труд убаюкивать их такими надеждами, что ему и удалось после царствования Федора, закончившегося достаточно внезапной смертью»[243]. Иначе говоря, Голицын пошел на альянс с Софьей, но не захотел делиться выгодами, проистекающими от этого альянса, с прочей знатью.

Выходит, широкие планы Языкова, налаживающего связь с Матвеевым и Нарышкиными, еще при жизни Федора Алексеевича вызвали осторожные контрмеры со стороны Милославских и Голицына. Софья с ее родней — Милославскими — проиграли в деле с Салтыковой и не торопились ввязываться в новые столкновения.

Строго говоря, у них имелось преимущество «на старте». Царевич Иван был старше царевича Петра. Иван Алексеевич страдал слепотой, косноязычием и, возможно, слабоумием. Но все эти хвори не помешали ему пережить старшего брата Федора на 14 лет. А жене Ивана Алексеевича они не помешали произвести на свет трех здоровых девочек. Одна из них через много лет станет российской императрицей. Надо полагать, не столь уж плохо выглядел Иван Алексеевич, чтобы сбрасывать его со счетов престолонаследия. И, формально, именно ему полагалось стать преемником Федора Алексеевича. А значит, Милославским, Софье и Голицыну оставалось только ждать. Если их противники пожелают возвести на престол Петра, им придется первыми сделать ход, агрессивно нарушая традицию царского преемства. В подобной ситуации на стороне Милославских окажутся закон и обычай.

Но ни одна из этих «партий» не предвидела страшного обострения, при котором начнется их борьба за власть. И ни одна из них не знала о грядущем появлении новой силы — мощной, буйной, неукротимой — на арене большой политики.

* * *

Государь Федор Алексеевич, бедный отрок, мало отведавший радостей семейной жизни, духом стремившийся к высоте, но удрученный болезнями сверх меры, скончался 27 апреля 1682 года — вскоре после того, как тусклое солнце московской весны перевалило зенит…

По всей видимости, причиной смерти стало давнее его нездоровье. Скорее всего, царь отошел мирно — не убит открытой силой и не погублен тайным злодейством. В худшем случае, можно предполагать дурное влияние бунтовских настроений в Москве на государево душевное спокойствие, а значит, и на здоровье.

Незадолго до смерти царь послал за патриархом Иоакимом. Подчиняясь повелению Федора Алексеевича, тот облачился «в святительскую одежду» и принес в царскую палату Ризу

Господню. Патриарх, быть может, утолял последнюю надежду монарха: не спасет ли его от кончины столь великая святыня? Или же просто дал царю в последние минуты его жизни прикоснуться к одежде Христа. Ведь в самом скором времени Федору Алексеевичу предстояло явиться на суд к ее Хозяину…

Когда самодержец, «оставя земное царство, переселился в вечный покой», ударил большой благовестный колокол.

* * *

Смерть царя вызвала ужасающий династический кризис и сопровождалась великим мятежом. Эти события наложились в глазах современников на тихую кончину государя, исказив ее до неузнаваемости. В самом скором времени появились чудовищные слухи о насильственном уходе Федора Алексеевича из жизни. Отчасти к ним приложила руку его чрезвычайно деятельная сестра — Софья Алексеевна. Доверять подобного рода сплетням нет оснований.

Незадолго до смерти Федора Алексеевича заволновались столичные стрельцы. Хворый царь физически не мог уследить за всеми важными делами. И, как это нередко бывает, рядом с человеком, устремленным к масштабному реформированию, угнездилось немало пошлых корыстолюбцев. Их упущения по службе, а горше того, стремление присваивать себе жалованье подчиненных привели к печальным последствиям.

Из сообщений датского посла известны следующие обстоятельства: «Началось это их дело[244], как нетрудно проследить, еще при жизни покойного государя [Федора Алексеевича], да еще имеются точные сведения, заставляющие думать: а не было ли оно [восстание] основной и главной причиной его смерти? Приблизительно за два дня до его кончины один стрелец был бит кнутом из-за того, что он в воскресенье, будучи послан на какую-то стройку (которую их царские величества хотели как можно скорее завершить), работал там слишком медленно. Кроме того, был также посажен один офицер, который ими командовал, а с ним и еще несколько стрельцов. Но их товарищи не только избежали наказания, но и начали громко кричать, что служба их стала невыносимой, ибо их принуждают даже воскресенья лишать святости[245] и что нужно найти способ от этого избавиться. Призывы эти, какими громогласными поначалу они ни были, потом удалось подавить… Однако всеобщее сочувствие этому делу оказалось настолько фатальным для покойного царя, что он уже на следующий день стоял на пороге смерти»[246].

Итак, царя, и без того находящегося в полуживом состоянии, дурные известия привели в расстройство. А оно, в свою очередь, окончательно лишило его сил для борьбы с болезнью.

Другой датчанин 19 мая 1682 года докладывал из Москвы о тех же событиях, но несколько подробнее и с иными акцентами. По его словам, кровавая трагедия Стрелецкого бунта «…произошла в большой мере из-за недовольства стрельцов, так как они очень часто должны были выполнять для знати тяжелую работу (причем не освобождались от нее в выходные и праздничные дни), в частности должны были работать на своих полковников, принуждаемые к этому с неимоверной жестокостью; в особенности жаловались стрельцы полковника С. Грибоедова. Они на прошедшей Святой неделе были вынуждены добывать за городом камень, известь и другие материалы для строительства его нового дома и привозить на его двор, вследствие чего стрельцы, возмущенные этим положением, а также и сокращением своего жалованья (из которого полковник всегда что-нибудь отнимал), передали 25 апреля его царскому величеству Федору Алексеевичу жалобу (при этом он еще был жив, но уже очень слаб), для чего они избрали из своей компании нужное лицо, чтобы подать эту жалобу в Стрелецкий приказ, которая была вручена думному дьяку П.П. Языкову, управлявшему

приказом вместе с Ю.А. Долгоруким. Передавая жалобу, он сказал князю, что с ней приходил пьяный стрелец и при вручении ее произносил много нецензурных слов о Долгоруком и других, а тот ответил думному, что пьяного стрельца утром необходимо привести к съезжей избе и высечь кнутом для примера другим… На другой день стрелец, отдавший жалобу в приказ, пришел и спросил думного, что последует в ответ на все их просьбы, а тот ответил ему, что по его царского величества указу его накажут за этот бунт и высекут кнутом перед съезжей избой для примера другим, и дал распоряжение осуществить это дьяку Стрелецкого приказа. И стрелец, взятый под охрану двумя судебными служителями и палачом, как только сорвали с него платье и дьяк зачитал приговор, закричал своим товарищам, другим стрельцам: "Братья, я с вами всеми одобрял эту жалобу и требовал ее подачи, почему же вы допускаете, что я буду так оскорблен?!" В ответ на это некоторые из пришедших стрельцов бросились на палача и двух служителей, избили жестоко их ногами и выручили таким образом своего собрата. Дьяк (который из страха не слезал с лошади) при виде этого ретировался так быстро, как мог, и сообщил думному о случившемся…»[247].

Таким образом, у стрельцов были серьезные причины к возмущению. Их обирали, их заставляли работать на командиров, отвлекая от собственных промыслов, притом не позволяли отдохнуть даже в воскресные дни. Надо удивляться еще тому, что мятежные настроения разгорались медленно, а не вспыхнули разом. Стрельцов следует почитать долготерпеливцами. Они уже подавали челобитные, но безрезультатно. Грибоедовская, поданная при накаленных чувствах, явилась знаком серьезного ропота.

Мятеж начался с сущей малости. Возможно, решительных действий Долгорукого или иных людей, присланных по велению царя, хватило бы для его замирения. Но государь, находившийся при смерти, уже не мог уделить стрелецкому делу достаточно внимания, а сам Долгорукий оказался слишком слаб или же слишком самоуверен для решительного отпора. С.М. Соловьев со скепсисом отозвался о способности князя удержать ситуацию под контролем: «Стрелецкий приказ был в ведении старого боярина князя Юрия Алексеевича Долгорукого. Мы встречались нередко с Долгоруким[248] как с одним из самых видных воевод царя Алексея Михайловича… но теперь князь Юрий уже был развалина от старости и паралича; сын его и товарищ по приказу[249], князь Михаила, не был способен заставить уважать себя, и вот полковники притесняют, а стрельцы волнуются, не чувствуя сверху сильной руки, способной сдерживать сверху неправду и волнения»[250].

Достоверно известно, что Федор Алексеевич за несколько суток до кончины успел ознакомиться с челобитьем возмущенных стрельцов. 24 апреля царь дал указание: полковника Грибоедова, бесстыдно притеснявшего своих подчиненных, лишить чина и земельных владений, а затем сослать в дальнюю Тотьму. Это значит: сам государь хотел по чести разобраться со стрелецким делом и даже начал разбираться. Он и раньше предостерегал стрелецких командиров от обкрадывания подчиненных. Для него история со злоупотреблениями подобного рода — не новость. До наших дней дошла служебная инструкция 1677 года, выданная от царского имени одному из провинциальных стрелецких «голов». Там четко сказано: «Посулов… и поминков у стрельцов ни от каких дел не имать ни у кого ничего, ни которыми делы[251], и насильства не чинить; и того беречь, чтоб никто стрельцам насильства и пропаж ни в чем не чинил… А как… стрельцам дадут государево жалованье, и то жалованье… писать… в книги порознь по десяткам. И посулов и поминков у стрельцов от государева жалованья и от иных ни от каких дел не имать… А будет он… [голова стрелецкий] учнет на себя и на сотников заставливать каких дел делать без найму… за то от великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексеевича быти ему… в опале и в жестоком наказанье без пощады»[252]. Таким образом, безобразия, учиняемые головами, полковниками и сотниками стрелецкого воинства, являлись для государя открытой книгой. За них полагалось

сурово наказывать.

Не успели…

Вернее, не успел.

Приказ насчет полковника Грибоедова — один из последних, чуть ли не самый последний, вышедший от имени Федора Алексеевича. Если бы советники царя до конца выполнили хотя бы его, если бы стрельцам дали понять: их дело не «встало», по нему ведется разбирательство, возможно, обошлось бы без великой трагедии. Но как только Федор Алексеевич лишился сил, из государственной машины как будто вынули душу! Дела затормозились, а опальному Грибоедову пришлось пару деньков отсидеть под караулом, и… всё! Опала его растворилась, двери тюрьмы открылись, чтобы выпустить его на волю.

Не того ждали стрельцы. К царю они шли с надеждой, на его суд возлагали доброе упование. Царь уже ничего не мог рассудить. А Долгорукий и иные вельможи вовсе не горели желанием карать видного дворянина.

Страсти накалялись. Не получив ответа, мятежники принялись собираться «кругами» — как заведено у казаков. Стрелецкие слободы набухали гневом.

Ночью с 26 на 27 апреля стрельцы составили большую компанию. К ним пристали их собратья из других полков, страдавшие от такого же угнетения. Наутро собрались представители от двадцати полков. К девяти полковникам имелись большие претензии. «Стрельцы… хотели учинить над ними расправу или взять с этих полковников половину денег, но в четверг 27 апреля умер его царское величество Федор Алексеевич около 4 часов пополудни, вследствие чего все стрельцы должны были прийти в замок (Кремль. — *Д. В.)*для того, чтобы принести присягу новому избранному царю Петру Алексеевичу… что стрельцы с радостью сделали и ушли домой»[253].

Стрелецкое войско давно использовалось для поддержания порядка в столице. Его бойцы селились отдельными слободами, всегда имели под руками вооружение, располагали опытом военной организации и ведения боевых действий. Это вовсе не хаотичные толпы посадских людей и не рой рассерженных крестьян. Это угроза иного порядка. Стрельцы, при их многолюдстве, представляли собой огромную силу. Против них правительство могло использовать дворянское ополчение, а также полки нового строя. Но первое еще требовалось собрать — дело небыстрое! А вторые… вторые могли и сами испытывать проблемы с выплатой жалованья. Смерть Федора Алексеевича как будто утихомирила бунтовщиков: они, видимо, надеялись на справедливый разбор их жалоб со стороны нового государя и нового правительства. Стрельцы понимали: дело затормозилось по самым уважительным причинам, можно и подождать еще немного.

И было бы очень славно, кабы аристократические «партии» обратили побольше внимания на эту новую политическую силу. Да не пытались бы лишний раз тревожить ее и растягивать это самое «немного».

Но вышло иначе. Придворные интриганы не сразу сообразили, с чем они имеют дело.

* * *

Едва несчастный государь Федор Алексеевич испустил последний вздох, как обе «партии» пришли в движение.

Первый ход, как и предполагалось, сделали Языков, Нарышкины и их сторонники. Они попытались с большой поспешностью, не дав телу Федора Алексеевича остыть, утвердить единоличную власть нового царя — Петра Алексеевича. Федор Алексеевич скончался вскоре после полудня — близ четверти первого. А к вечеру дворец и вся Москва знали: новым государем наречен Петр Алексеевич. Некоторые источники сообщают жутковатую деталь: наречение нового монарха состоялось чуть ли не через час после смерти прежнего[254]. Эта торопливость производит странное впечатление. Ни Земского собора, ни даже Соборного совещания... Петра Алексеевича *в обход его брата Ивана*«избрал» на царство узкий круг царедворцев.

Очень хорошо видно, как это происходило, по «поденным запискам» одного из русских очевидцев переворота: «В нынешнем во 190-м (1682-м. — *Д. В.)*году апреля в 27 день в 13 часу дни судьбами великого Бога великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержец, оставя земное житие, преселися в вечный покой. И того ж часа великий господин святейший Иоаким патриарх Московский и всеа Росии со освященным собором, и бояре, и окольничие, и иных всяких чинов избрали на царство благочестивого великого государя царевича и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя, и Белыя России самодержца, и того ж дни ему, великому государю крест, целовали»[255]. Другой источник свидетельствует о том, что присягу начали принимать моментально — прямо в момент «избрания» Петра Алексеевича на царство: «И того ж часа в верху, в комнате и в передней, при святейшем патриархе и при властях бояря, и окольничие, и думные, и ближние люди, стольники, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и жильцы, а в соборной церкви всяких чинов люди целовали животворящий крест великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичю... а в то время в соборной церкви были: митрополиты Иона Ростовской, Филарет Нижегородской, Иларион Суздальской, да боярин Петр Михайлович Салтыков, думной дворянин Богдан Федорович Полибин, думной дьяк Григорий Богданов»[256].

Называя вещи своими именами, вопрос о престолонаследии решили патриарх, «партия» Нарышкиных при поддержке Языкова, а также те, кого удалось в кратчайший срок отыскать и призвать к совету во дворце. Может быть, 20 человек. Может быть, десять. А может быть, всего-то с полдюжины вельмож, духовных и светских. Они заранее держали «под рукой» приближенных, коим могли доверить принятие присяги.

Далее группа Нарышкиных — Языкова попыталась укрепиться у власти, собирая сторонников и утесняя неприятелей.

По словам того же датского посла, «находившийся в ссылке Артамон (Матвеев. — *Д. В.)*приехал вместе с отцом овдовевшей царицы (Н.К. Нарышкиной. — *Д. В.)*и тремя братьями Нарышкиными снова в Москву..». Собственно, дальняя его ссылка давно закончилась, Матвеев сидел в Лухе и ждал вестей от Федора Алексеевича. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы добраться до столицы. «Все те, кто в годы правления покойного царя был в опале, оказались снова возведенными в прежнее достоинство. Затем для Артамона Сергеевича была учреждена должность великого опекуна. Другие же бояре, в особенности старик Одоевский, как цейх-гофмейстер[257], были сильно принижены по той причине, что в былые времена к нему (А.С. Матвееву. — *Д. В.)*относились настолько враждебно, что оказалось возможным нанести ему ряд очевидных оскорблений. Отсюда следует, что, судя по всему, пришло его время брать реванш у своих противников»[258].

Но Милославские еще далеко не проиграли. Они готовят ответный ход. События начинают разворачиваться против Нарышкиных, Матвеева и Языкова после их промашки в день похорон

Федора Алексеевича. Погребение государя всероссийского производилось с необычной поспешностью. К памяти его «партия» Нарышкиных не проявила должного уважения. Тем самым уже почти выигранное дело оказалось на грани полного краха.

Фатальная ошибка была допущена ими из-за недооценки противника. Нарышкинский круг, вероятно, уверился в совершеннейшей собственной победе, а потому открыл уязвимое место для сокрушительного удара.

Его не замедлила нанести царевна Софья. «Наступил день погребения царя Феодора… — сообщает очевидец. — Гроб кладут на сани; сани поднимают на плечи бояре и несут таким образом в церковь, вслед за ним бояре несут на санях супругу царя, распростертую и рыдающую. За ними шел царь Петр с боярами, патриархом, властями и духовенством… Хотя не в обычае было, чтобы родственницы царя, в особенности девицы, сестры царские (лица которых не видит ни один живой мужчина), присутствовали на похоронах, тем не менее одна из шести сестер Феодора, Софья, настояла на том, чтобы идти непременно в церковь за телом своего брата; и как ни отговаривали ее от этого небывалого поступка, никакими мерами нельзя было убедить ее отказаться от своего намерения. И она пошла-таки в церковь с великими воплями и рыданиями, от чего не могли удержать ее несколько десятков монахинь, укрывших ее. На этот шум сбегались со всех сторон люди, как на какое-либо зрелище; и толпа все увеличивалась, тем более что обряд погребения у них продолжается долго. Царь Петр не достоял до конца его и ушел из церкви раньше, побуждаемый к этому своей матерью и дядьями Нарышкиными. За ним вышли почти все бояре. Этот поступок изумил и духовенство, и простой народ. У них при погребении есть песнопение для прощания с умершим; когда запоют его — "Приидите последнее целование", — патриарх, расставаясь с усопшим, дает ему целовать крест, благословляет его и прощает ему свои обиды, причиненные ему в течение жизни, и взаимно испрашивает у него прощения… Видя, что царь Петр и бояре ушли, не попрощавшись, царевна Софья оставалась слушать отпевание до конца с великим плачем. Остальные сестры ее в скорби лежали в это время больные в своих покоях. Узнавши, что царь Петр ушел из церкви до последнего прощания, они воспылали гневом и велели передать ему через монахинь, что, вероятно, он не брат его и не был им: разве не был последний ласковым царем для него, что он не пожелал проститься с ним и дождаться конца отпевания? На это мать Петра отвечала, что Петр еще малый ребенок, он долго оставался не евши, ослабел и принужден был уйти. Иван Нарышкин добавил со своей стороны: "Что толку было в его присутствии? Кто умер, пусть себе лежит, а царь не умер, но жив!" Немного погодя царь Петр, покушавши, отправился навестить больных сестер, но они в гневе не допустили его к себе, горько плакали и искали удобной минуты, чтобы отомстить его сторонникам… Между тем царевна Софья, возвращаясь с похорон и считая себе за бесчестие и оскорбление со стороны Петра и Артемона их поступок, громко кричала толпе: "Смотрите, люди, как внезапно брат наш Феодор лишен жизни отравой врагами-недоброжелателями! Умилосердитесь над нами сиротами, не имеющими ни батюшки, на матушки, ни братца-царя! Иван, наш старший брат, не избран на царство… Если мы провинились в чем-нибудь пред вами или боярами, отпустите нас живыми в чужую землю, к христианским царям". Слыша это, люди сильно волновались, не зная причины»[259].

Да как так? Скончался великий государь, а его младший брат, нареченный новый государем, столь скоро утек с его погребального обряда! В глазах людей старомосковского общества подобное поведение граничило с неприличием.

Эти эмоциональные записки иноземца можно было бы поставить под сомнение, если бы они не подтверждались бесстрастными словами официального документа. Когда тело Федора Алексеевича медленно плыло в Архангельский собор, его вдову несли за гробом в платье черного сукна, а за нею шествовали царевич Петр с матерью, Натальей Кирилловной.

«…Великий государь [Петр Алексеевич] проводил государской гроб в собор Архангела Михаила и, простясь у государского гроба, пошел в свои государские хоромы благовещенской лестницей; а святейший патриарх его великого государя провожал в верх во архиерейской одежде. И проводя его великого государя, пришед святейший патриарх в собор Архангела Михаила, служил со властями божественную литургию; и после литургии было действо погребения государского тела по чину; а у литургии и у погребения была благоверная государыня царица и великая княгиня Марфа Матвеевна и бояра, и окольничие, и думные, и ближние и всяких чинов люди»[260]. Итак, патриарх вернулся ко гробу, а вот юный наследник — нет. Никакой ошибки.

Возможно, Нарышкины опасались надолго оставлять Петра Алексеевича в людном месте — не ровен час, он подвергнется нападению. Но уход вместе с ним и родни его, и бояр, принявших сторону Нарышкиных, сильно раздосадовал народ. Вид растерянной вдовы, рыдающей над телом и не понимающей причин подобного небрежения, тронет чье угодно сердце…

Софья моментально оказалась в роли ревнительницы добрых обычаев, от коих отступилась враждебная ей «партия». С высоты правильного своего поведения она получила возможность публично осуждать поступок Нарышкиных, вышедший за пределы общественной нормы.

Вот тогда-то и начали распространяться слухи об отравлении царя Федора. Бешеная деятельность Софьи, «отрабатывающей» оплошность соперников, находит подтверждение и в других источниках.

Папскому нунцию в Польше полетело донесение: «Узнав о смерти Феодора, София, сестра его, женщина деятельная, не медля возмущает своих сродников, обвиняя Артемона Сергеевича в том, что своими происками и хитростию (так как и прежде, еще при жизни Алексия Михайловича, это было за ним замечено) он предоставил Петру венец царский, обошед старшего брата, Иоанна: она заклинала их всеми Святыми сжалиться над ее кровными, возводя на Артемона, что будто бы он отравил отца их, Алексия, а по выходе из ссылки убил своим злодейством и Феодора, еще дотоле жившего; что Петра, как своего родственника, возвел на престол, вовлек в заговор Бояр, всю Царскую Думу и, конечно де, этот человек пронырливый и злобный хочет совершенно властвовать нами, как это испытали мы при Алексеевиче. Не только простой народ, но и бояре почитали его тогда более, чем самого государя. — Она уверяла даже, что он подкупил врачей и влил яду в заздравную чашу»[261].

В борьбе за власть Софья и ее сторонники использовали мятежные действия стрельцов. На несколько месяцев препирательства придворных уступили место буйству стрелецкой стихии, захлестнувшей Москву и лишившей власти правительство.

Среди стрельцов опять закипало недовольство: они ждали ответ со стороны правительственных кругов, а эти круги оказались замаранными в день похорон Федора Алексеевича. Будь Нарышкины со своими сторонниками чуть посговорчивее, возможно, восстание утихло бы без особых жертв. Однако царевна Софья и ее союзники достигли гораздо больших успехов, манипулируя бунтовской массой, нежели Нарышкины — пытаясь договориться с нею.

На стороне царевны оказался могущественный клан князей Одоевских. Софье удалось также использовать решительного военачальника — князя Ивана Андреевича Хованского. Ему под управление достался Стрелецкий приказ. Князь добился у стрельцов большой популярности. Он имел среди них немало преданных людей и мог в какой-то степени направлять мятежную стихию. Голицыну он не симпатизировал. Характер же его отношений с царевной Софьей вызывает споры.

Позднее Софья погубит Ивана Андреевича, но на первом этапе стрелецкого движения она окажется в союзе с Хованским: «Эта принцесса, честолюбивая и жадная до власти, предвидела, что она… станет полной хозяйкой всего государства по причине слабоумия Ивана и юности Петра, у которых будет только царский титул, а у нее — вся власть, и что ей стоит бояться только высших должностных лиц и вельмож, которые могут противостоять ее замыслам, или притязаний кого-либо одного из них или общего их неудовольствия от того, что они управляются женщиной. Она тайно воспользовалась, как средством, Хованским, которому она в собственных интересах позволила возмутить стрельцов — милицию, вроде янычар в Порте. Под предлогом мести за царя Федора, о котором говорили, что он был отравлен, они совершили такую большую резню знатных господ, что если бы царевна Софья Алексевна не вышла из царского дворца наружу, чтобы утишить мятеж, и не явилась бы к ним, то продолжали бы нападать на невинных, словно на виновных, чтобы затем грабить убитых»[262].

Судя по другим источникам, Хованский очень рано, а может быть, и с самого начала, действовал самостоятельно. Но это, видимо, суждение людей, не слишком осведомленных относительно нравов и традиций московского общества. Вот, например, одно из подобных высказываний: «Хованский, смелый и очень влиятельный человек, к тому же открытый враг Голицына, вырезал всю знать, которую он счел способной противостоять своему намерению объявить себя царем, под предлогом мести за смерть своего государя, про которого он уверял, что его отравила царевна и ее фаворит. Но, считая, что он уже обеспечил себе трон… и ничего не замечая, он вскоре был наказан за свою дерзость и жестокость»[263].

Сколько-нибудь серьезное знакомство с традициями передачи царской власти делает невозможным увидеть в таких высказываниях даже малую толику правдоподобия. У Хованского не имелось ни единого шанса «объявить себя царем». Для успеха подобного, совершенно фантастического предприятия ему потребовалось бы вырезать всю царскую семью, а в придачу к ней — немало Рюриковичей, Гедиминовичей и представителей старинных боярских родов Москвы, превосходивших его знатностью. Иван Андреевич являлся родовитым аристократом, но далеко не первым из знатных людей царства. И любой из тех, кому он уступал в «отечестве», мог сделаться его соперником. Затеяв украсть монарший венец, Хованский оказался бы в изоляции. А война против всех, даже при мощном влиянии на стрельцов, неизбежно привела бы князя к поражению. Неглупый политик, он прекрасно понимал это.

Роль Хованского не вполне ясна: источники противоречат друг другу и не позволяют добиться кристальной ясности. Скорее всего, события развивались по более прозаичному сценарию — без всякого посягательства на царский трон со стороны Ивана Андреевича.

Хованский, ставший вождем стрельцов, с первых шагов использовался царевной Софьей в рискованной политической игре. Он всего лишь превысил норму дозволенного, почувствовав себя самостоятельным игроком. Когда всю Москву объяло всевластие стрельцов, а Софье пришлось собирать карательный корпус в Троице-Сергиевой обители, Хованский оказался в сложном положении: он возглавлял… раскаленную лаву. Уже не столько он управлял стрелецким буйством, сколько сами стрельцы распоряжались своей судьбой. Князю, чтобы не погибнуть от их бердышей, волей-неволей пришлось принять на себя роль формального лидера восставших. Тут уже не он интриговал, а им распоряжались истинные вожаки бунта…

Но все это случится потом. А пока злоба стрелецкая лишь подогревается.

Итак, Федора Алексеевича похоронили 28 апреля — на следующий день после смерти. В течение суток стрелецкая масса вела себя тихо. Как видно, внутри ее шла борьба между агитаторами двух сторон. Победили те, кто внушал ей выступить за венчание на царство Ивана

Алексеевича: дескать, при малолетнем Петре править будут те, кто обирал их прежде, кто убил справедливого царя Федора, бесчестно обошелся со старшим царевичем… Уже 29 апреля стрельцы пришли в движение. Они явились «в великом множестве в замок с требованием к новому царю, чтобы указанным полковникам предъявили счет, так как они желали бы получить отнятые у них деньги, а также заработок, положенный за работу на полковников, о чем составили аккуратный перечень, и поскольку их самих выгнали, они хотели приговорить на своем совете полковников к смерти, и путем грабежа их домов и собственности удовлетворить свои претензии»[264].

Правящий круг оказался перед лицом угрожающей мощи шестнадцати стрелецких полков и одного солдатского. Начались переговоры.

Правительство попыталось помириться со стрельцами путем малых уступок. И будь это сделано раньше, будь хотя бы исполнен приказ Федора Алексеевича о полковнике Грибоедове, возможно, больших жертв удалось бы избежать. 5 мая вышел указ: тех стрелецких полковников, которые обирали своих подчиненных, бить батогами, а «взятки» с них «доправить» в пользу обобранного воинства. Языковым и Лихачевым объявили государеву опалу: в них стрельцы также видели, говоря современным языком, коррупционеров. Патриарх выслал архиереев, дабы те своими речами усмиряли бушующие страсти, упрашивали не рубить полковников[265].

Напрасно!

Патриарху и священноначалию восставшие в повиновении отказали. Их интересовали уже не столько деньги, сколько головы командиров. Буйство не прекращалось. Стрельцы уничтожали своих офицеров и подьячих.

В их среде бродили устрашающие слухи — один фантастичнее другого. Так, например, 15 мая пронесся слух о заговоре: «Умысля царьские изменники и всему Московскому государству разорители, сьехалися они, изменники, в Верх к великому государю [Петру Алексеевичу], князь Юрий Алексеевич Долгорукой с сыном… боярин Артамон Сергеевич Нарышкин, боярин Иван Максимович Языков с сыном с Афонасьем, да князь Григорей Ромодановской, боярин и оружейничей Иван Кирилович Нарышкин з братом, думной дьяк Ларион Иванович с сыном и государевы лекари, Данила Жидовинов с сыном и с товарищем. И удумали они, изменники, вражыим научением, чтоб царьский род извести, а стрельцов и солдатов опоить лютым зельем и змеями, а иных… побивать, а им бы царством владеть и всею Святоруской землею.

И тот вор, изменник, Иван Нарышкин, царьскую порфиру на себя надевал и царем себя он, изменник Иван, называл и на государьское место садился и всякие неистовственные слова говорил»[266].

Откуда бы знать простым стрельцам и их вожакам о замыслах вельмож? Очевидно, «партия» Милославских постаралась снабдить их самыми «достоверными» сведениями.

Стрелецкие беспорядки искусно подогревались. Правительству приписывали и незаконность, и отступничество от православия, и желание погубить царевича Ивана, и коварные замыслы против самих стрельцов.

Ударили в набат. Стрельцы, вооружившись, пришли под барабанный бой с развернутыми знаменами в Кремль, к Красному крыльцу. С ними явились московские посадские люди, прихватив «ослопье и дреколье».

Князь Хованский через своих агентов направлял мятежное войско к решительным действиям против нового правительства. Настроение стрелецкой толпы колебалось. Вельможи из стана Матвеева и Нарышкиных выходили к распаленной людской массе, уговаривали разойтись, но прийти к соглашению с ней не могли. Царя Ивана Алексеевича вывели к стрельцам, предъявили: вот, жив, никто губить его не собирается.

Критический момент наступил, когда для переговоров вышел сам Артамон Матвеев. Превосходный оратор, умный, опытный, прирожденный переговорщик, он, кажется, добился успеха. Его слушали, ему почти подчинились. В конце концов, стрельцы помнили, что изначально их брожение вызвали сугубо меркантильные причины. Восставших прежде всего волновали наглые действия нескольких полковников да еще недобор жалованья. Настойчиво повторяемые слова об отравлении Федора Алексеевича и о несправедливости, совершаемой в отношении царевича Ивана, стали дополнительным стимулом к беспорядкам, но все ли участники волнений желали всерьез сунуться в столь сложное и сомнительное дело?

Матвееву чуть-чуть не хватило до полной победы. Ободренный удачей, он отправился докладывать царице Наталье Кирилловне: ладятся переговоры!

Успех его речи оказался сорван неуклюжими действиями соратника. Князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому смирное и разумное увещевание Матвеева показалось чересчур робким. Он вырвался вперед и принялся честить стрельцов командирским тоном, веля им немедленно убраться восвояси. Худшего нельзя было выдумать в тот момент.

Миг торжества красноречивого Матвеева над бунтовской массой оказался безвозвратно утрачен. Всё им достигнутое моментально рухнуло. Стрельцы ринулись убивать и долго не могли насытиться душегубством. Первым пал сам Долгорукий, сначала надетый на копья, а потом изувеченный бердышами…

Стрельцы, как уже говорилось, проявили недовольство командирами, вымогавшими у них деньги. Во время вспышки 15 мая и после нее все эти военачальники лишились жизни, а на Красной площади появился столб с именами «изменников», уничтоженных стрельцами. Вместе с ненавистными полковниками погибли сторонники Нарышкиных. Очевидец рассказывает о произошедшей трагедии с леденящими кровь подробностями: «По научке и по наговору боярина князя Ивана Андреева Ховансково побили на Москве стрелцы многих бояр и думных дьяков. Бросили с Красного крылца на землю, а стрелцы подставливали копья и бердыши и секли в мелкия части боярина князя Григорья Григорьевича Рамодановского, боярина Артемона Сергеевича Матвеева, Ивана Языкова, Ивана Кирилловича Нарышкина з братьями, а отца их Кирила Полуехтовича Нарышкина постригли, Федора Петровича Салтыкова да дьяка думного Лариона Иванова с сыном, дьяка думного Аверкея Кириллова, полковника Андрея Дохтурова, полковника Григория Горюшкина, да дохтуров Данила Жидовина с сыном… Боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукого на дому его срубили бердыши, а сына его Михаила збросили с Красного крыльца да изрубили. А животы (имущество. — *Д. В.)*их рознесли стрельцы и солдаты по себе. И многие домы пограбили»[267].

С особенной жестокостью растерзали Ивана Нарышкина, считавшегося душой переворота, и доктора Даниила Гадена, обвиненного в отравлении царя Федора Алексеевича. За последнего пыталась заступиться царская вдова Марфа Апраксина: она-то знала, что мужа ее никто не убивал, а ушел он к Богу в свой срок. Тщетно!

Убивали тех, кто был нелюб стрельцам, враждебен «партии» Милославских или подозревался в злоумышлении на царский род. Хитрец Языков во дворце, в делах государственных являл мудрость, а стрелецкая масса знала его с другой стороны — как пошлого взяточника. За то и

поплатился головой.

Кого не вогнали в гроб, тот оказался принужден уехать в ссылку: правительство щедро удовлетворяло подобного рода требования стрельцов. А Милославские постепенно расчищали себе дорогу руками бунтовщиков…

Мятежники признавали над собой, хотя бы формально, власть только одного человека — князя Ивана Андреевича Хованского. На время он стал, по внешней видимости, владыкой столицы, все прочие власти пасовали перед ним. Сторонники царевича Петра испытали ошеломление от тяжелых потерь в своем лагере. Сторонники царевича Ивана, раздув мятежный огонь, не могли теперь с ним справиться. Князь Иван Андреевич вышел из подчинения Софье.

Решающая размолвка произошла между ними, когда лидер мятежников (в душе — поклонник старого обряда) помог выступлению раскольников, поддержанных несколькими стрелецкими полками и жаждавших вернуть «старую веру». Свирепыми мерами Федор Алексеевич держал раскол в узде, теперь худо пришлось православному духовенству, жестоко утесненному старообрядцами: раскол разнуздался. А князь Хованский ныне вел себя по-хозяйски и отваживался покровительствовать религиозной оппозиции.

Установилась так называемая Хованщина.

Но, как уже говорилось, и сам Иван Андреевич не мог до конца контролировать действия восставших. Многотысячная армия стрельцов и солдат, поддержанных московским посадом, диктовала свою волю столице. А ее лидер диктаторских полномочий не имел. Скорее, он сделался рупором ее требований, посредником, ведшим переговоры от лица бунтовской стихии.

«Партии» Милославских и Нарышкиных, наконец, договорились между собой. 26 мая в Москве начали «целовать крест» второму государю — Ивану Алексеевичу. Отныне Иван и Петр стали соправителями, притом старшинство официально отдали Ивану. А роль регентши, то есть действительной правительницы, взяла на себя Софья.

Но даже объединив силы, сторонники обоих государей долго не могли совладать с восставшими. Смута на Москве тянулась до осени.

* * *

Бунт ясно показал: в России выросло многолюдное влиятельное сословие, имеющее крепкие национальные корни. Сила его основывалась на армейской организации, дисциплине и поголовном вооружении. Кроме того, стрельцам разрешалось вести торговлю и заниматься ремеслами. Они являлись состоятельными людьми, имевшими независимые источники дохода. На духовные вопросы у стрельцов был свой взгляд: половина из них поддерживала старообрядцев, другая же половина — православие церковное. Фактически они занимали такое положение в стране, которое для настоящего времени надо считать пределом мечтаний российского среднего класса.

Однако верховная власть тяготилась своеволием стрельцов и через несколько десятилетий избавилась от них полностью. За это время они восставали несколько раз, и неизвестно, как повернулась бы история России, продержись стрельцы у кормила власти подольше.

Бунт 1682 года закончился для них печально. После нескольких месяцев полновластия и безнаказанности стрельцы вынуждены были покориться. Отчасти их пугали сбор дворянского ополчения и грядущая расправа. Отчасти же правящие круги во главе с царевной Софьей

пошли мятежникам навстречу, удовлетворив некоторые их требования. Вождь стрельцов, князь Хованский, был казнен. Столб на Красной площади снесли.

Стрельцы еще покажут себя, еще явят бунтовской характер. Солнце дворянской империи взойдет в кровавом тумане над их могилами…

Но имеет смысл отвлечься от произошедшего и задуматься о несбывшемся: от какой альтернативы отказывалась Россия, казня стрельцов?

Десятки тысяч крепких, привычных к труду хозяев, которым позволено носить оружие. Десятки тысяч рассыпанных по стране людей с ярко выраженным чувством собственного достоинства и вместе с тем верных слуг государевых. Ведь бунтовали-то стрельцы не против Федора Алексеевича, не против юного Петра и тем более не против монархии. Они бунтовали против жестоких и несправедливых притеснений, против дерзкой попытки небольшого правительственного кружка захватить власть и править олигархически из-за спины царя-мальчика… Десятки тысяч бойцов, отлично поддерживающих порядок, покуда власть с должным вниманием относится к ним самим. Сильная, экономически инициативная группа городского населения.

Да разве не драгоценен подобный «человеческий материал», когда идет складывание нации?

Крушение этой общественной силы вызывает большое сожаление. Вместе с ней безвозвратно ушел какой-то очень важный тип русского человека. Тот тип, что закрывал собою бездну, разверзшуюся между крестьянином и дворянином. Посадский человек низко стоял в социальной иерархии Российской империи и вполне осознавал свое ничтожество. По крайней мере до второй половины XIX века. Стрелец стоял бы выше, служил бы хорошим противовесом всевластию дворянства и чиновничества.

Но вот не вышло…

Хотелось бы напомнить: били стрельцов Софья и Петр.

Федор Алексеевич готов был пойти им навстречу. Не успел.

Столь подробный рассказ о событиях, последовавших за смертью Федора Алексеевича, важен лишь в одном смысле. Без него современному читателю трудно представить, до какой степени память современников о правлении «бедного отрока» оказалась искажена, изломана, испакощена кровавой баней, последовавшей за его погребением. Возможно, аберрация коллективной памяти народной и породила тусклые, скудные слова, коими впоследствии поминали Федора Алексеевича историки. «Болезненный», «хилый», «малоспособный к государственным делам»…

А это был волевой человек. Это был человек сильного духа, до последних дней своих перебарывавший телесную немощь. И вместе с тем правитель, лишенный безрассудной жестокости. Он все силы, весь ум свой прикладывал, стараясь улучшить жизнь страны.

В начале этой книги царевич Федор сравнивался с актером, который очень долго готовился к главной роли в своей жизни. Наступила премьера; за ней состоялось еще несколько спектаклей; постановка быстро сошла со сцены… но исполнитель роли центрального персонажа не напрасно репетировал с великим тщанием: он успел блеснуть. Пусть и на короткое время, но звезда его поднялась высоко.

Федор Алексеевич действовал, ошибался, пробовал новый путь, искал помощников, обдумывал

необходимые преобразования, срывался на мелочи, строил планы по другим направлениям, а в конечном счете действовал, действовал, действовал! Физическая слабость государя ничуть не помешала ему совершить несколько важных государственных преобразований.

По сложению плюсов и минусов его царствования явно выводится положительная величина изрядного размера.

Допустим, смысл его преобразований в области дворцового платья — сомнительный. Трудно сказать, чего больше в них: пользы или вреда.

Допустим, с точки зрения нашего времени, трудно одобрить возобновление суровых мер по отношению к староверам.

Допустим, главная война — с турками и татарами — вовсе не закончилась яркой победой, хотя к неудаче тоже не привела. Пятьдесят на пятьдесят — так, наверное, можно оценивать ее результат.

Но отмена местничества — очень большой успех.

Но строительство новых засечных черт, усовершенствование государственного аппарата, обширное строительство, общественный мир, царивший при Федоре Алексеевиче, — серьезные достижения. Дед его проиграл Смоленскую войну.

Отец не вылезал из бунтов, увенчанных страшной разинщиной. При Федоре же Алексеевиче не бунтовали, и только после смерти его произошел взрыв стрелецкого недовольства.

Наконец, колоссального продвижения добился Федор Алексеевич на ниве русского просвещения. До него ни один из русских царей ничего подобного не добивался.

Совсем неплохо для «бедного отрока»!

Царь-реформатор, царь-просветитель, царь-строитель — вот истинный облик Федора Алексеевича. Усмирив собственную боль, собственные хвори, он вырвал у судьбы несколько лет полноценного правления. И сделал за это время столько, сколько иные наши монархи не могли осилить за вчетверо больший срок.

Сравнивая двух великих реформаторов, двух российских монархов — Федора и Петра Алексеевичей, историк А.П. Богданов замечает: «Между состоявшимся и "несостоявшимся" императорами, между старшим и младшим братьями, один из которых царствовал чуть более 6, а другой — более 40 лет, много схожего и в образе мысли, и в направленности реформ. В частности, оба любили объяснять мотивы и смысл своих преобразований. Но если в указах Федора Алексеевича главным побудительным мотивом выступали "общее благо" и "всенародная польза" всех россиян, то Петр апеллировал к "государственной пользе" конструируемой им дворянско-крепостнической, военно-полицейской державы»[268].

Да, в наше время образованному человеку приличествует не столько сочувствовать несчастьям Федора Алексеевича, сколько жалеть о краткости его правления. В делах державных он умел добиваться не меньшего успеха, нежели его брат Петр, но при меньших затратах. Берег людей. Щадил Церковь. Преобразовывал русскую жизнь, не ломая и не «вздыбливая» ее. Умел далеко видеть…

Но так рано умер!

Приложения

1. *Ниже приводятся тексты двух документов (записи расходных книг Патриаршего Казенного приказа), связанных с историей Типографского училища иеромонаха Тимофея в правление государя Федора Алексеевича, а также при правительнице Софье Алексеевне.*

Список книг, привезенных Кириллом Юрьевым из Константинополя для библиотеки Типографской школы. Февраль 1682 года[269]

В прошлом, во 189-м году мая в 24 день[270] по указу святей-шаго патриарха дано ево святейшаго патриарха из домовыя казны греку Кирилу Юрьеву на покупку в Царыраде[271] греческих печатных книг пятьдесят рублев. А на те деньги купя книги, привести ему ко святейшему патриарху к Москве и отдать в школу на Печатном дворе иеромонаху Тимофею. И в нынешнем, во 190-м году, генваря в 30 день[272] грек Кирилло Юрьев, с товарыщем своим, греком ж Георгием Николаевым, привезли ко святейшему патриарху к Москве из Царяграда греческих печатных книг: 24 книги Псалтирей в четь, 24 книги Октаев в четь, 13 книг Апостолов в полдесть[273], 15 книг Часословцов в четь, 6 книг Грамматик, в том числе 1 в полдесть, а 5 в четь, книга Трефолой в полдесть, книга Грамматика рукописная Севаста-учителя, Книга «Порфирия» Аристотеля-философа, книга «Епиграмарь», книга Максима платонского философа, книга Галена врача, книга Аммония Ермила-философа, книга Антония (Автония?)-софиста, книга Софоклея-софиста, книга повесть Амирова «Одисия», книга Исиода-философа, книга Севрипида-философа, книга Димостена-ритора, книга Исократа-философа, книга о посланиях языческих к римляном, Книга Есхила-творца, книга Аристофана-философа, книга «Послания разных философов», книга Лукьянова вся, книга Клавдия Птолемея, книга Платонова вся, книга Питагора-философа «Златыя слова», книга Пиндара-творца, книга Дионисия Аликарнея «О римском начальстве», книга Павсания «Описание Еллады», книга Ипократова — все в четь.

Всего вышеписанных 109 книг.

И те книги отдали они на Печатной двор в школу иеромонаху Тимофею. А по скаске[274] гречан Кирилла Юрьева и Георгия Николаева тех книг куплено у них в Цареграде ценою на пятьдесят на пять рублев, да они ж дали провозу от тех книг из Царяграда до Москвы десять рублев. И июля в 20 день по указу святейшаго патриарха и по приказу казначея старца Паисия Сийского гречаном Кириллу Юрьеву и Георгию Николаеву к прежним деньгам в додачю по скаске их пять рублев, да за провоз им ж от тех книг десять рублев. Всего в додачю и за провоз пятнадцать рублев *дано*[275] ис приему Ивашки Неустроева. О записке тех денег в расход по росписи[276] помета[277] казначея старца Паисия Сийского в росходном столпу[278].

Далее следуют подписи на Кирилла Юрьева и Георгия Николаева на греческом языке и, за ними, по-русски: «Иеромонах Тимофей книги в школу принял и росписался».

Список учащихся греческого отделения Типографской школы. Декабрь 1683 года[279]

Декабря в 23 день по указу святейшаго патриарха и по помете на росписи дьяков Ивана Калинина, Перфилия Семеникова, греческого языка учеником, которыя учатся в школе Книг Печатного дела на дворе к празднику Рождества Христова на сапоги.

Первой статье: Алексею Корнильеву, Афанасью Андрееву, Алексею Кирилову, Николаю Семенову, Иосифу Афанасьеву, Федору Агееву, всего шести человеком по тринадцати алтын

две деньги.

Второй статье: Федору Поликарпову, Еуфимию Харламову, Василию Артемьеву, Стефану Харламову ж, Ивану Парфенову, Борису Евдокимову, Никифору Козмину, всего семи человеком по десяти алтын человеку, итого два рубли три алтына две деньги.

Третьей статье: Дмитрею Федорову, Карпу Федорову, Федору Сергееву, Ивану Федорову, Борису Афанасьеву, Стефану, Василию, Тимофею Ермолаевым, Силе Семенову, Максиму Логинову, Власу Амбросиеву, Андрею Иосифову, всего двенадцати человеком по осьми алтын по две деньги человеку, итого три рубли.

И всего всем вышеписанным учеником семь рублев шеснатцать алтын четыре деньги *дано*[280] ис приему Ивашки Неустроева.

Роспись в столпу[281]: «Греческой школы ученики Афонька Андреев с товарыщи деньги взял и росписался».

* * *

2. Надпись на стене Архангельского собора в Кремле, помещенная напротив гробницы государя Федора Алексеевича, на особой плите с его изображением. Составлена в правление царевны Софьи.

Тот, чей образ и гроб зрим, — благочестивейший великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, по отце своем великославныя памяти благочестивейшем великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержце, восприял скипетродержавство царства Российского от рождения своего в 15 лето.

Был от царствующего всеми Царя Бога небесного, яко раб его любезный и по сердцу избранный одарен постоянством царским, незыблемым благоговением христианским истинным, бодростью в службе Божьей, долготерпением и милосердием дивным. И в правду сказать можно, что он был престолом мудрости, совета сокровищем, царских и гражданских устоев охранением и укреплением, прениям решением[282], царству Российскому утверждением. Кратко сказать — то ему любезно было, что мать нашу Православную церковь увеселяло, мир, тишину и всякое народа благополучие умножало. И во всем его царском житии не находилось такого времени, когда бы ему всему православию памяти достойного и Церкви любезного дела не сотворить.

К тому же неприятелям Российского царства был страшен, в победах счастлив, народу любезен. Он от многолетних войн царству Российскому мир достохвальный сотворил.

Из тьмы магометанства и идолопоклонства множество людей не принуждением, но христианским благочестивым промыслом в свет православной веры привел. Православных христиан, которые были магометанам подданные, многие села и деревни от их подданства освободил[283]. И из басурманского плена много лет там страдавших многое число православных христиан выкупил.

Многие церкви Божьи пречудно всяким благолепием украсил.

О научении свободным мудростям российского народа постоянно помышлял, и монастырь Спасский, что в Китай-городе, на это учение назначил, и чудесную и весьма похвалы

достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написал.

Дома каменные для пребывания убогих нищих с довольным пропитанием сотворил и таковых упокоил.

Многие тысячи царских многолетних доходов народу отдал[284] и впредь налоги облегчил.

Братоненавистные, враждотворные и междоусобные местнические споры прекратил.

Царский свой дом и град Кремль, и Китай-город преизрядно обновил.

И убыточные народу одежды переменил.

Иное многое достохвальное и памяти достойное сотворил и на полезное и народу потребное предуготовлял.

Пречудно со всяким христианским душеспасительным к исходу души своей предуготовлением жизнь сию скончал. Царствовал же этот благочестивейший и милостивейший царь 6 лет и месяца два и дней 28. Преставился от временного царствия во присносущное и вечное блаженство всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца апреля в 27 день в 13 часу дня в первой четверти[285].

* * *

3. Псалом 132-й из Рифмованной Псалтири, изданной в 1680 году. Приписывается Федору Алексеевичу:

Се, что толь добро или красно зрится,

яко в братии аще сохранится.

Любовь правая, еже вкупе жити,

друг друга чтити.

Яко же миро благовонно бяше,

еже из главы на браду схождаше.

А Аронову ина риз ометы прекрасных цветы.

И яко роса, яже Аермона,

плоднаго творит и гору Сиона.

Благополезна тако есть благая, любы святая.

Ибо, идеже та ся обретает,

ту вся благая Господь посылает.

И благословит жити человеки

долгия веки.

Основные даты жизни царя Федора Алексеевича

1661, 30 мая — рождение. Третий сын царя Алексея Михайловича от Марии Ильиничны Милославской. *30 июня* — крещение царевича во имя святого Феодора Стратилата.
1669, 3 марта — смерть матери Федора Алексеевича, царицы Марии.
1670 — прикрепление к царевичу Федору Алексеевичу посольского подьячего П.Т. Белянинова «во учители».
1671 — смерть старшего брата Федора Алексеевича — царевича Алексея

Алексеевича, наследника русского престола. С этого момента Федор Алексеевич рассматривается как наиболее вероятный преемник своего отца — государя Алексея Михайловича.
1672 — начало учебных занятий царевича Федора Алексеевича у Симеона Полоцкого.
1673 (приблизительно)— тяжелая травма царевича Федора Алексеевича: его переехало санями, в результате чего, видимо, был поврежден позвоночник.
1675, сентябрь — официальное объявление царевича Федора Алексеевича наследником русского престола.
1676, 29 января — смерть отца, государя Алексея Михайловича. *Февраль—март* — ликвидация приказа Тайных дел.
18 июня — венчание Федора Алексеевича на царство. *Ноябрь—декабрь* — большой богомольный поход Федора Алексеевича: Троице-Сергиева обитель, монастыри Переяславля-Залесского, Александровской слободы, а затем особое недельное богомолье в Саввино-Сторожевской обители. С этого момента царь ежегодно, вплоть до 1681 года, отправлялся осенью на большое богомолье в те же места.
1676—1680— строительство Инсарско-Пензенской засечной черты.
1676—1681 — продолжение начавшейся при государе Алексее Михайловиче войны на Правобережной Украине с гетманом П. Дорошенко, а также крымским ханом и турецким султаном. Пика вооруженное противостояние достигает в 1677—1678 годах, во время борьбы за Чигирин. В 1680 году отражен большой набег крымского хана Мурад-Гирея на городки Белгородской засечной черты. Война закончилась Бахчисарайским мирным договором, утвержденным в Константинополе в 1681 году.
1677 — окончательная ликвидация Монастырского приказа.
1678, лето — участие государя Федора Алексеевича в переговорах с посольством Речи Посполитой.
5 сентября — пребывание государя Федора Алексеевича с членами семьи в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. *5 декабря* — новое посещение Федором Алексеевичем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

Начало работы «Верхней» типографии, отданной Федором Алексеевичем под контроль Симеону Полоцкому. Проведение общей переписи податного населения.
1679, 29 ноября — третья поездка государя Федора Алексеевича в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Вскоре после нее происходит возобновление строительных работ в обители. Введение подворного налогообложения повсеместно.
1679—1680 —«разбор» (оценка численности, вооружения и боеспособности) всех воинских сил России.
1679—1681 — строительство Изюмской засечной черты против Крымского ханства и турок.
1680, 18 июля — женитьба Федора Алексеевича на Агафье Семеновне Грушецкой.
18 октября — указ Федора Алексеевича об учреждении думной комиссии, именуемой также Расправной палатой.

22 октября — указ Федора Алексеевича о запрете на ношение охабней, чекменей и короткополых кафтанов, а также о введении вместо них для московских служилых людей длиннополых кафтанов и ферязей.
19 декабря — указ Федора Алексеевича о том, в каких ферязях по праздничным и торжественным дням являться ко двору при государевых выходах.
Конец года — ослабление позиций придворной аристократической партии Милославских, родни Федора Алексеевича по матери. Причины: конфликт с царем из-за его женитьбы на Грушецкой, а также давление со стороны придворных аристократических «партий» Хитрово и князей Долгоруких.
1681, апрель—май — открытие на Печатном дворе по инициативе царя

Федора Алексеевича и патриарха Иоакима «повышенного» греко-славянского Типографского училища. Возглавил училище иеромонах Тимофей. Учащиеся этой школы станут ядром Академии, открытой впоследствии братьями Иоанникием и Софронием Лихудами в Заиконоспасском монастыре (1687).
Весна — заключение с Турцией и Крымом перемирия на 20 лет. 11 *июля* — рождение единственного сына Федора Алексеевича — царевича Ильи Федоровича.
14 июля — смерть жены Федора Алексеевича, царицы Агафьи Семеновны, от родовой горячки.
21 июля — смерть царевича Ильи Федоровича. *Лето* — утешительное послание Федора Алексеевича опальному патриарху Никону; позволение ему перейти на жительство из дальнего Кирилло-Белозерского монастыря в подмосковную Воскресенскую Новоиерусалимскую обитель, чтобы закончить там большое строительство. Никон скончался во время переезда, 17 августа 1681 года. Погребли его в Новом Иерусалиме с большой пышностью. На похоронах присутствовала царская семья, а в церковном хоре пел сам Федор Алексеевич.
Сентябрь — поездка Федора Алексеевича в Ростов, Ярославль, Суздаль и «иные города», очевидно, с богомольными целями.
23 октября — указ Федора Алексеевича о поощрении каменного строительства в Москве.
24 ноября — указ Федора Алексеевича о создании группы князя В.В. Голицына (получившей впоследствии название «приказ Ратных дел», а затем «Ответная палата») с целью подготовить большую реформу русской армии, включая ликвидацию местничества. *Осень* — обсуждение проекта реформы по упорядочиванию высших чинов военной, дворцовой и административной службы. Проект не получает одобрения.
28 декабря — указ Федора Алексеевича, регламентирующий езду в каретах и санях по Москве.

Начало строительства Пензенско-Сызранской засечной черты. Уменьшение веса московской серебряной копейки с 0,45 до 0,4 грамма.
1681—1682— церковный Собор. На нем отвергнут план Федора Алексеевича по реформированию Русской церкви. Тогда же Церковь частично утвердила его предложение повысить число епископий; возникли четыре новые архиерейские кафедры. Тогда же принято решение ужесточить борьбу со староверами: наиболее упорных из них постановили передавать из церковной юрисдикции в светскую.
1682, 12 января — речь Федора Алексеевича перед патриархом Иоакимом, собранием высшего духовенства и Боярской думой о необходимости отменить местничество.
15 января — указ Федора Алексеевича о строительстве в московском Заиконоспасском монастыре двух келий для размещения славяно-латинского училища под руководством Сильвестра Медведева.
19 января — подписание Федором Алексеевичем «соборного деяния» об отмене местничества.
Последняя декада января — начало работы Палаты родословных дел. Это учреждение возникло в результате реформы, отменявшей местничество.
15 февраля — женитьба Федора Алексеевича на Марфе Матвеевне Апраксиной.
14 апреля — сожжение в Пустозерске по указу Федора Алексеевича духовных вождей

церковного раскола, в том числе протопопа Аввакума.
23 апреля — начало стрелецкого восстания в Москве.
24 апреля — приказ царя Федора Алексеевича о суровом наказании стрелецкого полковника Семена Грибоедова, чья преступная деятельность вызвала вспышку мятежных настроений в стрелецкой среде. Этот приказ мог бы остановить бунт или, во всяком случае, стать началом «замирения» стрельцов без последующей кровавой бойни. Однако он не был выполнен с надлежащей четкостью — тому помешала смерть царя.
27 апреля — кончина великого государя, царя и великого князя Московского и всея Руси Федора Алексеевича. Причиной смерти, скорее всего, стала болезнь на фоне общей слабости здоровья. Однако распространились слухи о насильственной кончине, в которых роль убийц приписывалась то семейству Нарышкиных, то высокородным боярам московским. Достоверных свидетельств по этому поводу в источниках нет. Основная версия, принятая в исторической науке, состоит в том, что уход Федора Алексеевича из жизни был естественным.
28 апреля — государь похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля.

Литература о царе Федоре Алексеевиче

Верх В.Н. Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1—2. СПб., 1834—1835.
Богданов А.П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009.
Демидова Н.Ф. Федор Алексеевич *//Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1993.
Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1.4. 1,2. М., 2000.
Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Новосибирск, 1992.
Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII ст. Т. 3. Материалы. М., 2003.
Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888.
Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1: Введение. Обзор источников. СПб., 1871.
Либрович С. Ф. Царица Агафия Семеновна. Записки ясновельможной панны. СПб.; М., 1913.
Седов П.В. Закат Московского царства, царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VII. Т. 13. М., 1991.
Тромонин К.Я. Царь Федор Алексеевич. М., 1836.

[1] Посадские люди — торгово-ремесленное население городов.

[2] Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 74—75.

[3] Там же. С. 76-77.

[4] Акты Московского государства. СПб., 1901. № 458.

[5] *Рейтенфельс Я.* Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 302.

[6] Там же. С. 298.

[7] *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009. С. 66.

[8] В XVIII веке этот дворец был разобран за ветхостью, а недавно восстановлен, хотя и без особой точности в деталях и на новом месте.

[9] Посольство Кунраада фон-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 515.

[10] Успеху ее кандидатуры много способствовал Артамон Сергеевич Матвеев — доверенное лицо государя, человек, разогнавший Медный бунт и спасший царя от беснования восставших. Он обладал острым умом, способностями большого политика, характером авантюриста и колоссальным властолюбием.

[11] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича, посланное из Москвы к Архиепископу Коринфскому Франциску Мартелли, Флорентийцу, нунцию апостольскому при Иоанне III, Короле Польском. М., 1835. С. 72.

[12] В советское время Царицын был переименован в Сталинград, затем в Волгоград. Ныне существует общественное движение, борющееся за возвращение городу его славного исторического имени.

[13] Историческим прототипом царевича Иоасафа в какой-то степени являлся Будда. А «История о Варлааме и Иоасафе» — христианизированная версия его судьбы.

[14] Портреты Федора Алексеевича — главным образом плод фантазии наших живописцев. По ранним его изображениям можно понять только одно: став монархом, он не носил бороды и усов.

[15] Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексею Михайловичу в 1675 году… // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 11. С. 353-354.

[16] Сказание Адольфа Лизека… С. 357.

[17] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 127-128.

[18] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича… С. 71—73.

[19] Такого обычая нет. Просто политическая необходимость всегда и неизменно диктовала как правительству, так и династии: трон не должен пустовать долго!

[20] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Старина и новизна. Т. 4. СПб., 1901. С. 395-396.

[21] Сказание Адольфа Лизека… С. 367—368.

[22] Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. С. 483.

[23] Там же. С. 431-432.

[24] Имеется в виду посол.

[25] Там же. С. 484.

[26] Там же. С. 506-507.

[27] Дела Аптекарского приказа (Приложения) // *Замысловский Е. Е.* Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1: Введение. Обзор источников. СПб., 1871. С I—III.

[28] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С. 396.

[29] Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. С. 433—434. Курсив мой.

[30] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С.396.

[31] *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич *//Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А.* Первые Романовы на российском престоле. М., 1993. С. 174-175.

[32] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву… С. 52-53.

[33] Там же. С. 92-93.

[34] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С.395.

[35] О втором браке царя Федора Алексеевича см. главу «Второй брак».

[36] С.И. Заборовский, по старомосковским представлениям, также родовитостью не блистал. Он выслужил чин окольничего — весьма высокий, второй по значению в Думе после боярского. До того Семен Иванович долгое время был в думных дворянах, а еще ранее — в думных дьяках, и потому его иногда ошибочно называют думным дьяком даже на период царского сватовства. Для русской служилой аристократии служба в дьяческих должностях выглядела как несмываемое пятно на репутации рода. Поэтому дьячество Заборовского запомнилось как признак низости его происхождения.

[37] *Седов Л. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С 351.

[38] *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич. С. 186.

[39] Угобжаться — здесь: ублаготворяться, получать полное удовлетворение от чего-либо.

[40] *Татищев В. Н.* История Российская // *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 1996. Т. 7. С. 177.

[41] *Седов П. В.* Закат Московского царства… С. 329—330.

[42] Имеется в виду Иван Милославский, крупнейший государственный деятель первых лет царствования Федора Алексеевича. Подробнее о нем см. главу «Реформатор».

[43] Значение слова «нужный» в XVI—XVIII столетиях коренным образом отличалось от современного. «Нужный» означало тогда «приносящий нужды, беды» или «вызванный принуждением», иначе говоря, неприятный.

[44] *Лихачевы* — род, приближенный к Федору Алексеевичу, его доверенные лица. Подробнее см. в главе «Реформатор».

[45] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 174.

[46] *Седов П. В.* Закат Московского царства… С. 353.

[47] *Рейтенфельс Я.* Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 374.

[48] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С. 396-397.

[49] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича… С. 77.

[50] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 72-73.

[51] Там же. С. 69.

[52] Стоит заметить, что такую же передачу храмовых зданий осуществляли и польские власти, когда русские города оказывались у них под контролем. Тогда изгоняли православных священников и монахов.

[53] *Корб И.* Дневник путешествия в Московское государство // Рождение империи. М., 1997. С. 52, 68.

[54] Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 4, 20.

[55] Подробнее см. в главе «Типографская школа».

[56] 132-й псалом см. в Приложениях. Оба псалма приписываются руке Федора Алексеевича В. Н. Татищевым: *Татищев В. И.* История Россий ская. Т. 7. С. 175.

[57] Об этом см. подробнее в главе «Охабни и кафтаны».

[58] Там же. С. 177.

[59] *Протопопов В. В.* Нотная библиотека царя Федора Алексеевича // Памятники культуры. Новые открытия. 1976. Л., 1977. С. 119—133.

[60] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 175.

[61] Собственно, европейские музыкальные пристрастия царя не вы глядели чем-то необычным, исключительным на фоне новых музыкальных пристрастий русского дворянства. Иноземец, посетивший Россию в 1676 году, сообщает: «У русских в церквах нет ни стульев, ни скамеек: они должны, или стоя, или на коленях, или лежа на земле, но никак не сидя, совершать свои молитвы и богослужение. Они не терпят в церквах ни органов, ни других музыкальных инструментов и говорят, что неодушевленные предметы не могут хвалить Бога; если им указывают на псалмы и на пример Давида, они говорят, что так было в Ветхом Завете, а не в Но вом. В домах, однако, у них и во время собраний бывает музыка. Но так как в кабаках и шинках, равно как и на улицах она служила для всякого разврата и непристойности, то, лет 25 тому назад, патриарх велел разбить все музыкальные инструменты кабацких игроков, кого встречали на улицах, а затем запретил русским музыкальные инструменты; пять полных возов их вывезли из домов, перевезли через Москву-реку и сожгли там. Однако и теперь еще среди вельмож много любителей музыки, которые держат польских музыкантов, обучающих их игре на различных инструментах, а также и пению» (Посольство Кунраада фан-Кленка к царям

Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. С. 540).

[62] На фундаменте этого храма в 1816 году был возведен новый, дошедший до наших дней.

[63] *Сытин Н. В.* История планировки и застройки Москвы // Труды Музея истории и реконструкции Москвы. М., 1950. Т. 1. С. 165.

[64] *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича. С. 35.

[65] Новоуказные статьи о поместьях; Новоуказные статьи о вотчинах // Российское законодательство X—XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 233—274.

[66] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1826. Т. 4. № 105.

[67] Имеется в виду Алексей Михайлович.

[68] *Котошихин Г.* О. России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859. С. 70. Курсив мой.

[69] Такая же судьба ожидала и Счетный приказ, служивший для проверок финансового состояния других ведомств, иначе говоря, преградой казнокрадству

[70] «В комнате» — то есть среди людей, составлявших ближайшую свиту и обслугу государя в его палатах.

[71] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 172, 174.

[72] *Фабрициус Л.* Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Т. 1. Л., 1968. С. 70.

[73] Об этом подробнее см. в главах «Типографская школа» и «Меж двух патриархов».

[74] Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // Проблемы источниковедения. 1961. Т. 9. С. 220.

[75] *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М., 2009. С. 146.

[76] Речь идет о двадцати четырех подразделениях, имевших собственные знамена.

[77] *Гордон П.* Дневник 1677-1678. М., 2005. С. 21-22.

[78] Волохи и мунтяне — жители Валахии и Молдавии.

[79] Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV—XVII вв. СПб., 2002. С. 502-504.

[80] *Гордон П.* Дневник 1677-1678. С. 12.

[81] Там же. С. 17,26.

[82] Там же. С. 50, 54.

[83] Там же. С. 68.

[84] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 366.

[85] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 87-88.

[86] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 357.

[87] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Ученые записки Московского государственного университета. М., 1946. Вып. 94. С. 155.

[88] Роспись перечневая ратным людем, которые во 189 [1680/1681] году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного Архива. М., 1842. С. 71—92.

[89] *Загоровский В. Л.* Общий очерк истории заселения и хозяйственно го освоения южной окраины России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1978. Подробнее: *он же.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.

[90] Здесь видно некоторое преувеличение: Киев определенно остался за Россией.

[91] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича... С. 74—75.

[92] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 2. № 779.

[93] Там же. № 772, 846.

[94] Акты исторические. СПб., 1842. Т. 5. № 55; Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 2. № 845.

[95] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. № 125, 126.

[96] Тягло — совокупность налогов и повинностей.

[97] *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич. С. 181.

[98] *Мельникова А. С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 228.

[99] *Таннер Б.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 70.

[100] Поиски драгоценных металлов на Севере в XVII и XVIII вв. // Красный архив. 1936. № 2 (75). С. 141-144.

[101] В этой главе рассматриваются главным образом реформы, проведенные в области государственного управления и экономики. Преобразованиям в области культуры и просвещения посвящены главы: «Строитель», «Охабни и кафтаны», «Типографская школа». Самой крупной реформе Федора Алексеевича посвящена глава «Отмена местничества».

[102] Воротники и затинщики — служилые люди, обязанностью которых была оборона ворот и стен в крепостях.

[103] Стрелецкий «приказ» — воинская часть, состоящая из 500—900 стрельцов. К центральным ведомствам России, именовавшимся также «приказами», никакого отношения не

имеет.

[104] Иноземный, или Иноземский приказ ведал делами иноземцев, оказавшихся на русской военной службе.

[105] *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С. 188-195.

[106] *Новохатко О. В.* Разряд в 185 году. М., 2007. С. 596.

[107] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 372—373.

[108] *Талина Г. В.* Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010. С. 377.

[109] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1.С. 31-32.

[110] Судьей именовался глава ведомства-«приказа».

[111] Третий по старшинству среди бояр, заседающих в Думе.

[112] Частная переписка князя П. И. Хованского, его семьи и родственников. М., 1906. С. 20; непосредственно текст самого указа представлен у П. В. Седова: *Седов П.В.* Закат Московского царства… С. 411.

[113] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 2. № 842.

[114] *Седов П.В.* Закат Московского царства… С. 415—416.

[115] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 2. № 777, 839.

[116] Белый камень — известняк. В старомосковскую эпоху это был излюбленный строительный материал, пусть он и уступал кирпичу по прочности и долговечности.

[117] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 391.

[118] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 175—176.

[119] Там же.

[120] Еще несколько крупных церковных построек в Москве называет П. В. Седов: *Седов П. В.* Закат Московского царства… С. 529.

[121] *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. 1.4. 1-2. М., 2000. С. 67.

[122] Подробнее см. в главе «Меж двух патриархов».

[123] Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1997. С. 39-40.

[124] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С. 397.

[125] *Дела Невилль.* Записки о Московии. М., 1996. С. 167.

[126] *Погодин М.И.* Повествование о московских происшествиях по кон чине царя Алексея Михайловича. М., 1835. С. 76.

[127] *Седов И.В.* Закат Московского царства… С. 508—509.

[128] Сборник князя П.П. Трубецкого (Отрывки) // Временник Императорского Общества истории и древностей российских. Кн. 20. М., 1854. С. 8.

[129] Это связано с событиями, которые положили начало династии Романовых: победа над Ходкевичем и польско-литовскими интервентами, засевшими в центре Москвы, связывалась с чудотворной защитой Казанской иконы Пречистой Богородицы земских войск Трубецкого и Пожарского. А вскоре после освобождения Москвы Земский собор 1613 года возвел на русский трон первого царя из рода Романовых — Михаила Федоровича. Поэтому приурочивание какого-либо правительственного действия к 22 октября — верный признак того, что ему придается особо важное значение.

[130] Стольник, стряпчий, дворянин московский, жилец — высокие чины дворян, служивших в составе государева двора.

[131] *Седов И.В.* Закат Московского царства… С. 510—511.

[132] *Седов И.В.* Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Когда Россия молодая мужала с гением Петра. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 77-84.

[133] *Шамин С.М.* Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 1 (19). С. 25.

[134] Россия в ту пору была очень богата речным жемчугом, и его щедро использовали для украшения одежды, головных уборов, предметов церковного быта.

[135] Но чекмень часто носили и без воротника. Из материального быта времен Российской империи этот красивый старинный воротник-стойка ушел.

[136] Слово «сигклит» надо читать как «синклит» — то есть приближенные государя.

[137] Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. С. 67-68.

[138] Подробнее о Сильвестре Медведеве — в главе «Типографская школа».

[139] *Попов А.И.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 253.

[140] *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. 1.4. 2: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. С. 433, 462.

[141] *Шамин С.М.* Мода в России последней четверти XVII столетия. С. 32-33.

[142] Приказные люди — чиновники в «приказах» (центральных органах управления).

[143] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 395.

[144] Объяриновый или объяринный — сшитый из шелковой ткани (муара) с золотыми или

серебряными узорами.

[145] Там же. С. 377.

[146] *Гедиминович* — князь, принадлежащий роду великого князя Литовского Гедимина.

[147] Династия московских князей Рюриковичей основана князем Даниилом Александровичем, по нему и называется «Даниловичами». Реже ее именуют по прозвищу другого московского князя, Ивана Калиты, — династией «Калитичей».

[148] *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России Раннего Нового времени. М., 2001. С. 362.

[149] Воинский голова, стрелецкий голова — должности среднего «офицерского состава» в Московском государстве. Они командовали отрядами в несколько десятков или несколько сотен человек. Стрелецкому голове подчинялся «приказ» — воинская часть из пятисот и более бойцов списочной численности. Головы подчинялись полковым и городовым воеводам.

[150] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7. С. 238—239. Мысль, выраженная с публицистической категоричностью, приобрела карикатурный вид. Не «русское войско», но лишь часть его — поместное ополчение — тактически, а также по выучке и дисциплине отставала от полевых соединений западноевропейского типа со времен Смуты. Но в XVI веке поместное ополчение еще было грозной силой. И даже в XVII веке могло неплохо показать себя в боях с поляками. Другое дело, что со временем это «отставание по очкам» обернулась бы полной небоеспособностью при столкновениях с быстро прогрессирующими западными армиями.

[151] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. М., 2009. С. 170-173.

[152] Слова об «отеческих делах» означают, что вельможа отказывался от работы из-за проблемы с определением местнического старшинства. Иначе говоря, из-за тяжбы «в отечестве», происхождении.

[153] То есть: «не из-за болезни и не из-за каких-либо других необходимых и неотложных дел».

[154] Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X— XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 106.

[155] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества… С. 219—228.

[156] Дворцовые Разряды. 1612-1628. Т. 1. СПб., 1850. С. 96-101, 396— 397.

[157] Имеется в виду обычай ставить на документах дьячью «скрепу», то есть визу, в целях охраны входивших в дело документов от подлогов.

[158] *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества… С. 231.

[159] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 371—372.

[160] Там же. С. 374.

[161] *Седов П. В.* К изучению источников по истории местничества // Вспомогательные

исторические дисциплины. Т. 26. СПб., 1998. С. 209— 223; *он же. О*боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681-1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2. С. 28.

[162] Соборное деяние об уничтожении местничества 12 января 1682 года // Российское законодательство X—XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 36.

[163] Там же. С. 46.

[164] Там же. С. 37.

[165] Там же. С. 39.

[166] *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве в XV-XVII веке. Одесса, 1888. С. 554.

[167] Соборное деяние об уничтожении местничества 12 января 1682 года. С. 40.

[168] Подробнее — в главе «Меж двух патриархов».

[169] Там же.

[170] Там же. С. 41-42.

[171] Вот уж многое можно привести в защиту этого обычая, только не в середине XVII века, а в начале его или же в XVI столетии. Тогда местничество уберегло для России значительный процент здоровой национальной силы, не истребленный в междоусобных столкновениях.

[172] *Соловьев С. М.* История России… Кн. 7. С. 242.

[173] То есть полагающийся по закону штраф за бесчестье.

[174] Соборное деяние об уничтожении местничества 12 января 1682 года. С. 45.

[175] Отеческое дело — здесь: дело об «отечестве» дворянина, иначе говоря, местническая тяжба.

[176] Там же. С. 46. Курсив мой.

[177] Разряд — здесь: Разрядный приказ, своего рода Генштаб вооруженных сил России.

[178] То есть заверенные подписями списки предков.

[179] Явное свидетельство — здесь: документальное подтверждение службы представителей данных родов на высоких должностях в армии, в Думе, при посольском деле или в «дворовой» должности.

[180] Там же. С. 44.

[181] Десятня — список местной служилой корпорации дворян, предназначенный для нужд военной службы. В «первой статье» там указывались наиболее значительные дворяне данной местности.

[182] Там же. С. 45.

[183] *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 9.

[184] За первые пять лет своего существования Палата родословных дел собрала родословные «росписи» с сопутствующими документами примерно у 560 дворянских семейств. А пожар 1812 года пощадил лишь полторы сотни росписей… См.: *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. С. 13-14.

[185] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 406—410.

[186] Там же. С. 406.

[187] *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич. С. 194.

[188] Речь идет о документах, подтверждающих местнические «случаи» — пребывание думных чинов, воевод и воинских голов в какой-либо службе, когда фиксируются имена и должности всех начальствующих лиц и видно, кто кому равен, кто выше кого поставлен.

[189] Товарищ — понятие из государственного быта дореволюционной России. Товарищем называли заместителя или помощника начальствующего лица. Татищев имеет в виду, что Голицын поставил иные знатные роды в подчиненное, приниженное по отношению к нему положение.

[190] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 176.

[191] Созерцание краткое лет 7190—92 Сильвестра Медведева по списку Григоровичевскому // *Козловский И.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895. С. 14.

[192] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича… С. 76—77.

[193] *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С. 250.

[194] *Маркевич А. И.* История местничества в Московском государстве… С. 597.

[195] Там же. С. 600-601.

[196] *Талина Г. В.* Выбор пути… С. 214.

[197] Местнических дел, разумеется, было намного больше. Речь идет лишь о сохранившихся полностью или хотя бы частично документальных комплексах. Многие местнические тяжбы известны лишь в кратком описании, занесенном в разрядные книги и другие документы. Но поскольку за весь период с 1630-х по 1690-е годы русские государственные архивы имеют приблизительно равномерную сохранность, то, думается, можно считать, что количество не дошедших до нашего дня «дел» прямо пропорционально количеству дошедших.

[198] *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 24, 35-36.

[199] См. Приложение 2 этой книги.

[200] Подробнее см. в главе «Типографская школа».

[201] Свод законов, введенный Алексеем Михайловичем в 1649 году. 164

[202] Впрочем, сыграло свою роль и тяжелое финансовое положение греческих иерархов, подвигавшее их к тому, чтобы всячески угождать государю Алексею Михайловичу.

[203] *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. М., 1995. Ч. 2. С. 245—246. Сохранена орфография оригинала.

[204] Часть книг, принадлежавших Никону, уже после его кончины перешла в библиотеку Типографской школы иеромонаха Тимофея.

[205] Каким образом решат ее как раз в царствование Федора Алексеевича, см. в главе «Типографская школа».

[206] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 177.

[207] Исключение составлял лишь неподсудный Монастырскому приказу патриарх, а также «Патриарший дом» — чиновники и прочие люди, служившие на «великого господина Святейшего патриарха».

[208] Келарь — монастырское должностное лицо, своего рода «завхоз». Иоаким долгое время занимал место келаря в московском Новоспасском монастыре.

[209] *Богданов А. П.* Русские патриархи (1589—1700). М., 1999. Т. 2. С. 64.

[210] *Демидова Н. Ф.* Федор Алексеевич. С. 196.

[211] *Снегирев И. М.* Архангельский собор в Московском Кремле // Русские достопамятности. М., 1865. Вып. 12—13. С. 29.

[212] «Венец веры» и «Обед душевный» — богословские сочинения Симеона Полоцкого, причем сборник проповедей «Обед душевный» был напечатан после смерти автора в царствование Федора Ивановича (1681).

[213] Собрание государственных грамот и договоров.. Т. 4. С. 352—356.

[214] Там же. № 128 от 27 ноября 1681 года.

[215] «Сброками» и «соборами» в средневековой России называли территориальные объединения приходского духовенства, куда входило по нескольку десятков церквей.

[216] Высость — здесь: высокомерие. Обычное же значение — высота.

[217] Акты исторические. Т. 5. № 75. СПб., 1843. С. 10.

[218] Речь идет о староверах.

[219] Собрание государственных грамот и договоров. Т. 4. С. 411.

[220] Симеон Полоцкий не учил Петра Алексеевича, но мог оказывать влияние на процесс его

воспитания.

[221] *Кошелева О. Е.* Обучение в русской средневековой православной традиции // Одиссей: человек в истории. 2010/11. М., 2012. С. 61—64.

[222] *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009. С. 115.

[223] Действительно, как свидетельствуют архивные документы, Патриарший Казенный приказ («министерство финансов» патриарха) на протяжении нескольких лет регулярно выделял средства на тимофеевскую школу.

[224] Судя по составу школьной библиотеки, о чем см. ниже.

[225] Греческие имена даны в русской записи — по документам 1680-х годов.

[226] *Володихин Д. М.* Греческая Типографская школа иеромонаха Тимофея // *Володихин Д. М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993. С. 48-54.

[227] Там же. С. 29-32.

[228] *[Поликарпов Ф.]* Историческое известие о Московской Академии // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч. XVI. 2-е изд. С. 296—297.

[229] Сведения взяты из списка книг, относящегося к 1689 году, когда в Заиконоспасском монастыре заправляли уже Лихуды, а не Медведев. Но ядро собрания сформировалось явно до них: книг на греческом тут не много, латынь явно преобладает.

[230] Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. № 135. Курсив мой.

[231] Может быть, речь идет не только о книжном собрании самого Федора Алексеевича, но и о библиотеке, накопленной государями из рода Романовых за 60 лет со времен Смуты. Тогда это поистине царский дар. Но текст не позволяет однозначного толкования.

[232] В новом варианте «Привилегии», относящемся уже к 1685 году.

[233] *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. С. 167— 168.

[234] Древнейшее название Заиконоспасского монастыря — «Спас Старый на Песках». Так его именуют в документах второй половины XVII столетия.

[235] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 235 (Патриарший Казенный приказ). Оп. 2. № 122. Л. 279 об.; № 147. Л. 309 об. Славяно-греко-латинская — позднее название академии, относящееся к 1775 году. В первые годы ее существования устоявшегося названия не было; в документах, как было сказано, ее просто звали «Акедемия». Историки используют наименования «Эллино-греческая академия» или «Эллино- славянская академия», говоря о первых полутора десятилетиях ее истории.

[236] Собор возведен уже после смерти Федора Алексеевича, при Петре I, однако в нижней его части сохранились элементы более древних построек.

[237] Если повернуться к Казанскому храму спиной, то арка обнаруживается на левой стороне улицы.

[238] Ростовский летописец конца XVII в. // Советские архивы. 1981. № 6. С. 36.

[239] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 7. С. 178.

[240] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С. 397.

[241] Некоторые историки считают, что поддержку «партии» Нарышкиных—Матвеева оказал сам патриарх Иоаким — в особенности сразу после кончины Федора Алексеевича. А.П. Богданов даже увидел в нем центральную фигуру «дворцового переворота». Однако сколько-нибудь солидных доказательств не приведено. Иоаким весьма быстро объявил о наречении новым государем царевича Петра Алексеевича, но у него на то могли быть разные основания — от прямого принуждения до нежелания заводить новую смуту. Скорая передача престола юному Петру могла казаться Иоакиму тем средством, которое наилучшим образом обеспечит сохранение порядка. Вышло совершенно иначе, но заглянуть в будущее способен только Господь Бог.

[242] Плохо осведомленный иноземец делает здесь двойную ошибку. Верно то, кто род князей Голицыных происходил из литовского державного семейства Гедиминовичей. Но к Ягеллонам, то есть потомкам великого князя Литовского Ягайло (Ягелло) Ольгердовича, внука Гедимина, Голицыных причислять нельзя. Они вышли не из младшей, а из *старшей* ветви Гедиминовичей, восходящей к сыну Гедимина — Наримунту.

[243] *Дела Невилль.* Записки о Московии. С. 159—160.

[244] Имеется в виду стрелецкое восстание.

[245] Иначе говоря, заставляют работать по воскресеньям.

[246] *Гильдебрандт фон Горн.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 85—86.

[247] «Склонны к страшному неистовству…». Донесения Генриха Бутенанта фон Розенбуша о стрелецком восстании 1682 года в Москве // Источник. Документы русской истории. № 1 (61). 2003. № 2.

[248] Имеется в виду: встречались в прежних главах «Истории России» С.М. Соловьева.

[249] Товарищ — здесь: заместитель, помощник.

[250] *Соловьев С.М.* История России… Кн. 7. С. 256.

[251] Иначе говоря, не заниматься вымогательством взятки ни при каких обстоятельствах.

[252] Стрелецкая служба в XVII в. // Русский архив. 1895. № 1. С. 21—22.

[253] «Склонны к страшному неистовству..». N° 2.

[254] Очень точно ухватил суть происходившего тогда переворота современный историк А. П. Богданов: «О наречении Петра на царство *в один час* по смерти брата сообщают… официальные записи Разряда, Поденные записки патриаршего приказного — очевидца Московского восстания, а также чудовский монах-летописец Исидор Сназин. По их данным, на всё ушло от 30 до 45 минут». *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С.

297.

[255] Поденные записи очевидца московского восстания 1682 года // Советские архивы. 1979. № 2. С. 35.

[256] *Труворов А.* О санях, употреблявшихся при погребении русских великих князей, царей и цариц // Русская старина. 1887. № 12. С. 838.

[257] Князь В.Ф. Одоевский возглавлял крупное финансовое ведомство — приказ Большого дворца.

[258] *Гильдебрандт фон Горн.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. С. 86.

[259] Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году… С. 397-399.

[260] *Труворов А.* О санях, употреблявшихся при погребении русских великих князей… С. 839.

[261] Повествование о московских происшествиях по кончине царя Алексея Михайловича… С. 77—78.

[262] *Дела Невилль.* Записки о Московии. С. 192.

[263] Там же. С. 159-160.

[264] «Склонны к страшному неистовству..». № 2.

[265] Поденные записи очевидца московского восстания 1682 года. С. 35.

[266] Записки земского дьячка второй половины XVII в. // Исторический архив. Т. 2. М.; Л., 1939. С. 99.

[267] Ростовский летописец конца XVII в. С. 36.

[268] *Богданов А. П.* Несостоявшийся император Федор Алексеевич. С.314.

[269] РГАДА. Ф. 235. Патриарший Казенный приказ. Опись 2. № 105. Л. 110-111 об.

[270] [7] 189 год — дата по летоисчислению от Сотворения мира. 24 мая 7189 года приходится на 3 июня 1681 года по современному летоисчислению.

[271] Царьград — Константинополь, позднее Стамбул.

[272] [7]190 год — дата по летоисчислению от Сотворения мира. 30 января 7190 года приходится на 9 февраля 1682 года по современному летоисчислению.

[273] Четь и полдесть — здесь: форматы печатных изданий.

[274] Скаска — разновидность отчета.

[275] Вставка между звездочками — виза чиновника, проставленная в специально оставленном для нее пробеле между словами.

[276] Роспись — здесь: список.

[277] Помета — здесь: дьяческая виза.

[278] В… столпу — виза («помета») была написана в документе, который соединялся с другими документами в виде «столбца» или «столпа» — узкой многометровой бумажной ленты, где всякая новая деловая бумага подклеивается к концу предыдущей. «Расходный столп» объединяет документы, связанные с расходами за год.

[279] Там же. № 111. Л. 247 об. — 248.

[280] Вставка между звездочками — виза чиновника (см. выше).

[281] Роспись — здесь: расписка в получении денег.

[282] Иначе говоря, он прекращал споры своим мудрым решением.

[283] Имеется в виду христианизаторская политика Федора Алексеевича внутри страны. В частности, указания, согласно которым неправославный не может владеть деревнями и селами, которые населены православными.

[284] Имеется в виду прощение податному населению недоимок по государственным налогам.

[285] Древняя Российская Вивлиофика. М., 1789. Ч. 11. С. 229—231. Тоже: *Снегирев И. М.* Архангельский собор в Московском Кремле. С. 28—31. Текст представлен в адаптированном виде, поскольку некоторые старо образные слова и обороты неспециалистами могут быть поняты с трудом.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch